Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник научных статей

№ 6

ПОЛИТЕХ-ПРЕСС
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

Санкт-Петербург
2018

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Редакционный совет:

Рудской А.И., чл.-корр. РАН – председатель;

Арсеньев Д.Г., д-р техн. наук, профессор;

Кораблев В.В., д-р физ.-мат. наук, профессор;

Никифоров В.М., профессор, Чрезвычайный и полномочный посол РФ;

Прохоренко А.В., д-р филос. наук, профессор;

Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;

Ягья В.С., д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор – главный редактор;

Малинов А.В., д-р филос. наук, профессор – ответственный секретарь;

Осипов И.Д., д-р филос. наук, профессор – заместитель главного редактора;

Жуков А.Ф., д-р ист. наук, профессор;

Павлова О.К., д-р ист. наук, профессор;

Живулин В.П., канд. филол. наук, доцент.

Сборник зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9480.

С 2010 года ежегодный сборник **«Международные отношения и диалог культур»** издавался в виде коллективных монографий преподавателей, ученых и партнеров кафедры «Международных отношений» Санкт-Петербургского политехнического университета.

С 2012 года сборник выпускается как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: **«Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and Dialogue of Cultures».**

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Сборник рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 28
Телефон: 8 (812) 329-47-42; 8 (812) 606-62-42
E-mail: kmo@spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018.

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT-PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 6

POLYTECH-PRESS
Peter the Great
St.Petersburg Polytechnic
University

Saint Petersburg
2018

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Editorial Council:

Andrey I. Rudskoy,
Corresponding Member of
Russian Academy of Sciences – chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Vadim V. Korablev,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Alexandr V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Igor Y. Timermanis,
Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin,
Doctor of Science, Professor – Chief Editor;

Aleksey V. Malinov,
Doctor of Science, Professor –
Executive Secretary;

Igor D. Osipov,
Doctor of Science, Professor – Deputy Editor;

Akesey F. Zhukov,
Doctor of Science, Professor;

Olga K. Pavlova,
Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor.

Scientific articles selection is registered in the International System of Periodicals ISSN-2304-9480.

Since 2010, the annual compilation of “International Relations and the Dialogue of Cultures” was published in the form of monographs by teachers, scientists and partners of the Department of “International Relations”, Saint-Petersburg Polytechnic University.

Since 2012, issued as an independent periodical in Russian and in English under the title: «Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and the Dialogue of Cultures».

Scientific articles selection is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication (Certificate of Registration PL № FS 77-52142 December 11, 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by the scientific and editorial policy of the scientific articles selection and by the principles of publishing ethics.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

No part of the publication may be reproduced without clear reference to the source.

The collection is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220
Phone: **+7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42**
E-mail: kmo@spbstu.ru

© Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 2018.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 327
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.01

З. З. Бахтуридзе, Н. А. Васильева

ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КОНЦЕПЦИИ И СУЖДЕНИЯ

БАХТУРИДЗЕ Зейнаб Зелимхановна – доктор политических наук, профессор кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru.

ВАСИЛЬЕВА Наталия Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры «Мировая политика» факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E-mail: n52basil@gmail.com.

В статье рассматриваются различные концептуальные подходы к пониманию характера трансформации мирополитической системы от западно-центричного к полицентричному типу развития. В связи с этим анализируются дискуссионные проблемы концептуального характера о необходимости интегративного развития теории международных отношений, где поле научной рефлексии включает, как западные, так и незападные подходы к пониманию многофакторности и многозначности международных отношений в XXI веке.

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ; МИРОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ; СИНЕРГЕТИКА; ПОСТМОДЕРНИЗМ; ЗАПАДНЫЕ И НЕ-ЗАПАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Ни один подход не может объяснить всю сложность современной мировой политики. Однако при наличии целого арсенала противоречивых идей мы гораздо лучше подготовлены, чем при

обладании одной общепринятой теорией. Конкуренция теорий позволяет выявить их сильные и слабые стороны, посодействовать их усовершенствованию и в то же время найти ошибки в традиционных научных знаниях. Нужно следить за тем, чтобы новаторский поиск преобладал над дрязгами, и при этом приветствовать и поощрять неоднородность мнений современных ученых.

Стивен Мартин Уолт

На современном этапе мы наблюдаем намечающееся изменение вектора развития отечественной политической мысли, что связано, с одной стороны, с окончанием периода пассивного осмысления новейшей западной политической мысли, а с другой стороны, – с осознанием своей евразийской идентичности, что предполагает обращение к комплексному освоению и восточного цивилизационного опыта.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением Т.А. Алексеевой о том, что теория международных отношений (ТМО) возникла и развивалась в рамках той международной системы, в центре которой стояла западная цивилизация: «ТМО с самого начала была результатом профессионализации международных исследований как академической дисциплины – вскоре она отметит свое столетие, если считать, начиная с первой кафедры международных отношений – так называемой кафедры Вудро Вильсона, созданной в университете Абериствит в Уэльсе (Великобритания) в 1919 г. с целью исследования причин войн и условий обеспечения мира» [1, с. 33]. Следует добавить, что процессы модернизации мира в XX веке в основном протекали в форме вестернизации, что предопределило формирование западноцентричной парадигмы политической науки.

Основоположники политического реализма (Г. Моргентау, Р. Арон, Э. Карр) теоретически обосновывали борьбу за глобальную власть между государствами, как основу международных отношений. По мнению реалистов, конфликтность имманентно присущая международной системе и лишь отчасти сдерживается наличием международного права и моральными нормами, а для мирного сосуществования государств необходимо поддержание равновесия сил, нарушение которого ведет к войне [4, с. 63]. Концепция реализма в полной мере соответствовала эпохе холодной войны. По мнению Э. Карра, политический реализм определяется «идеологией доминирующих держав, которые

рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего преобладающего положения» [8, с. 57].

Сторонники идеализма утверждали, что государства – не только не единственные, но и не главные международные акторы, так как эта роль принадлежит международным организациям. Идеалисты (в частности, Г. Кларк и Л.Б. Сон) акцентировали внимание на наличие универсальных общечеловеческих ценностей, интересов, неотъемлемых прав человеческой личности, и на необходимости создания всеобъемлющей системы коллективной безопасности в целях сохранения и защиты этих прав [4, с. 64]. Формировался тезис о том, что правовое регулирование и демократизация международных отношений могут покончить с межгосударственными конфликтами и войнами. В определенной степени реализация данных концептуальных положений нашла свое воплощение после Первой Мировой войны в Лиге Наций, а после Второй Мировой войны – в Организации Объединенных Наций.

Неомарксистское направление в западной теории международных отношений сформировалось уже в условиях краха колониальной системы и формирования постиндустриального общества. Й. Галтунг, И. Валлерстайн, Р. Кокс и др. фактически трансформировали марксистскую идею классовой борьбы как внутригосударственный конфликт интересов на отношения глобального богатого Севера и глобального бедного Юга. И. Валлерстайн в книге «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» прогнозировал нестабильность внутри ядра «мир-системы», а в качестве одной из значимых угроз выделял массовые миграции с Юга на Север и возможные деструктивные последствия этого процесса.

В рамках неолиберальных подходов к анализу международной системы выделяется школа транснационализма (Дж. С. Най-мл., Р.О. Кохэн), где красной линией проходит идея о снижении роли государств в международных отношениях. Причины видятся в многообразии акторов, участвующих в мировой экономике и политике (межправительственные, неправительственные, бизнес-структуры и пр.). Таким образом, международные отношения структурируются как транснациональные, создают новый формат мировой системы и

обеспечивают свою легитимность. В результате транснациональных отношений государства становятся зависимыми от сил, не контролируемых ни одним из них [11, с. 160].

На рубеже веков в дискуссии с представителями основных парадигм западных школ международных отношений вступают создатели теории социального конструктивизма (Р. Джепперсон, Александр Вендти др.), которые во многом предопределили выход на первый план проблематики западных и незападных подходов к анализу современных международных отношений. Конструктивистский подход предполагает оперировать при анализе международных отношений такими понятиями, как культурные установки, религиозные ценности, политические предпочтения, идентичность, которые в совокупности создаются (конструируются) самими акторами. Размышляя об особенностях социального конструктивизма А. Вендта, профессор Т.А. Алексеева отмечает, что «международная система – это не нечто от нас бесконечно удаленное, она не может существовать сама по себе. Она появляется только благодаря интерсубъективному интересу людей, с этой точки зрения она конституируется идеями, а не материальными силами. Если развить эту мысль, то можно сказать, что международная система – продукт сотворения людьми совокупности идей и системы норм, созданных в конкретное время и в определенном месте» [2, с. 9]. Фактически социальный конструктивизм способствовал развитию в первой четверти XXI века новых концептуальных подходов к пониманию специфики современных международных отношений, где на первый план выходит принцип множественности истин как отрицание западно-центристской унификации теории международных отношений.

В итоге западные теории политической науки начинают тесниться концептуальными разработками ученых Китая, Индии, Южной Кореи и других стран незападного мира. Объективными условиями этих перемен стали успехи стран Азии в социально-экономическом и научно-технологическом развитии последних десятилетий, что породило желание научной элиты этого макрорегиона осмыслить происходящие перемены в мировом развитии, основываясь на своих ментальных и культурных традициях.

Кризис именно западной модели политической организации мира, по мнению М.М. Лебедевой, подталкивает к поиску решений в рамках других цивилизационных структур [10, с. 251]. Об этом же много пишут известные теоретики международных отношений А. Ачарья и Б. Бузан [см.: 14], акцентируя внимание, как на классическом наследии политико-философской мысли цивилизаций Востока, так и на особенностях современных внешнеполитических подходов азиатских лидеров к анализу мировой политики.

С методологической точки зрения постмодернистская парадигма в гуманитарных исследованиях во многом определяется отказом от евро- и этноцентризма. Провозглашается ацентризм, т.е. принципиальное отрицание каких-либо привилегированных «центров» доминирования, в частности, западной цивилизации в мировой политике. По терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари «ризомный» тип мышления предполагает понимание того, что история человеческой жизни, социальная реальность, пути познания, формы культуры многообразны и дискурсивны. Историческое развитие не имеет постоянного направления, оно импульсивно, дискретно и полицентрично, что предполагает сосуществование большого количества индивидуальных агентов, независимых друг от друга и от какого-либо центра или иерархии власти. Именно в русле этих постмодернистских постулатов и происходит кардинальное изменение теории международных отношений.

Актуально звучит высказывание А. Панарина о том, что сформировавшаяся на Западе политическая наука, возможно, является неосознанной регионалистикой, соотносимой с европейским цивилизационным развитием, но не вполне адекватной другим цивилизационным мирам. Можно согласиться с мнением А.М. Кузнецова и А.И. Козинец, которые считают логичным стремиться преодолеть своеобразную ограниченность западных концепций, исследуя реалии других частей мира, прежде всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Поэтому важно способствовать формированию незападных концепций, что в итоге может привести к созданию новой интегральной общетеоретической картины международных отношений [9, с. 18].

В этой связи важно понять и место современных теоретических изысканий российских исследователей международных отношений. Как образно выразился А.Д. Богатуров, «поворот на Запад» после 1991 года привел к доминированию не анализа, а формального описания и переводов западных концепций. Поэтому задача современного российского обществознания состоит в том, чтобы «возвратить Западу «интеллектуальный долг», внедряя в теорию международных отношений оригинальные российские разработки, что позволит уйти от западных схем, где российские особенности исторического и геокультурного развития рассматриваются в качестве девиаций и патологии [5, с. 200–201]. Фактически речь идет о необходимости поиска своей идентичности в многообразном мире международных отношений, а для этого требуется углубленный анализ, как западных, так и незападных теорий, что в совокупности и может стать научным методологическим инструментом российской внешнеполитической стратегии.

В этом контексте интересен исследовательский опыт Амитава Ачарья, индийского ученого, работающего в настоящее время в Вашингтонском университете. Именно профессору Ачарья принадлежит заслуга по продвижению исследовательской программы «Глобальная наука о международных отношениях», в рамках которой разрабатывалась проблематика развития незападной / постзападной теории международных отношений. Один из главных выводов, к которым А. Ачария пришел, в том, что нарождается мировой порядок, который будет не биполярным и даже не многополярным, а многогранным. По мнению исследователя, «многогранный мир предполагает наличие многих мировых и региональных держав, объединённых в сложные формы взаимозависимости. Это как многозальный кинотеатр, где под одной крышей идут разные фильмы со своими режиссёрами и актёрами» [3]. Действительно, в современном мире все более заметно стремление народов, не отгородившись от остального мира, сохранить свою самобытность [6].

По мысли А. Ачарья, многополярный мир XIX века и многогранный мир будущего отличаются небывалым ростом взаимозависимости, и она будет масштабнее, чем взаимозависимость в Европе XIX века, которая, прежде всего, основывалась на торговле и была подорвана соперничеством

за колонии между крупными европейскими державами. Взаимозависимость на современном этапе охватывает не только торговлю, но и весь спектр финансовых, производственных направлений. Очевидно, что для стабильного существования такого многогранного мира понадобятся новые формы международного сотрудничества и распределение лидерских позиций между разными государствами. В свою очередь это потребует реформирования международных институтов, для того, чтобы поспособствовать увеличению количества таких организаций, как G 20, при этом, по мнению исследователя, очень важны региональные механизмы поддержания мира и устойчивости [3].

Именно поэтому современные концепции международных отношений должны отвечать на социальный и политический запрос мирового сообщества, где доминирование Запада уходит в прошлое, а значит, как верно отмечает Т.А. Алексеева, необходимо пересмотреть ряд положений, которые казались незыблемыми. «Как мыслим единый мир, как он может быть теоретизирован и каковы политические аспекты применения мирной политики в мире, разделенном на монадные единицы, воспринимающие себя и других как структурную оппозицию? Это вопросы, которые неизбежно возникают, когда все новые теории выходят за пределы национальных государств на уровень глобальной политики» [1, с. 34].

В этой связи возникает вопрос о методологии теории глобального управления, где в едином комплексе сосуществуют и взаимодействуют разнородные акторы. Если исходить из известной формулы Д. Булла об анархическом характере международных отношений, что также активно отстаивает и А. Вендт, то возникает вопрос, каким образом можно создать интегрально единую теорию международных отношений в условиях «броуновского движения» акторов мировой политики. Одним из вариантов ответа может быть обращение к синергетическому принципу организации сложных социальных систем, который демонстрирует невозможность навязывания подобным системам пути развития, и как показала практика многие усилия, противоречащие тенденциям саморазвития сложноорганизованных систем, оказываются тщетными.

Очевидно, в жизненном цикле сложной развивающейся мировой системы проявляются закономерности, свойственные многомерным

системам [7, с. 242]. В частности, стоит упомянуть о «феномене наличия адаптационного максимума», возникающем при попытках ограничить развитие системы. В подобных случаях происходит следующее: адаптационные возможности системы после достижения своего максимума уменьшаются, а при дальнейших ограничениях система становится жесткой и уничтожается в пространстве перемен окружающего мира.

Сложные системы, чаще всего, имеют несколько альтернатив направлений развития, при этом состояние системы определяется как её прошлым, так и будущим. Согласно утверждениям И. Пригожина, «понимание общих принципов организации эволюционного целого имеет большое значение для выработки правильных подходов к построению сложных социальных, геополитических целостностей, к объединению стран, находящихся на разных уровнях развития, в мировое сообщество» [12, с. 18].

Проблему формирования подобных социальных и геополитических целостностей и пытается решить А. Ачарья, предлагая для развития глобальной науки о международных отношениях сосредоточиться на исследовании условий, при которых возможно взаимное «обучение» цивилизаций друг у друга. Реальным методологическим приемом для этого должен стать метод региональных исследований, на основе которого можно сделать важные теоретические и концептуальные обобщения на обширном многообразном незападном материале.

Размышляя на эту тему, А. Ачарья и Б. Бузан отмечают необходимость найти объяснение парадоксу в теории международных отношений, где отсутствуют не-западные концепции в силу того устоявшегося мнения, что именно в рамках западных теорий международных отношений найден единственно правильный метод объяснения феномена современной системы международных отношений. Как результат, гегемонистская позиция Запада ведет к формированию латентных форм научных исследований в азиатском регионе, где, к сожалению, нет должных ресурсов и условий, что вызывает эффект локализации и не может не сказаться отрицательно на развитии теории международных отношений в мировом масштабе [13].

В итоге напрашивается вывод, что синергия кооперативного действия Запада и Востока в становлении интегративной глобальной теории международных отношений наталкивается на реакционный фундаментализм западных постулатов, согласно которым необходимо поддерживать анархическое состояние международной среды, что дает Западу возможность осуществлять силовой диктат и находить теоретическое обоснование правильности своих действий. Однако объективные условия развития международной системы свидетельствуют о постепенном смещении центра мировой политики и экономики с Запада на Восток, что внесет соответствующие коррективы и в теоретическое осмысление мирополитического будущего человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29-43. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.03.

2. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1(14). С. 4-21. ISSN: 2221-3279.

3. Ачарья А. Конец американского мирового порядка. [Эл. ресурс]. URL: http: //ruspravda.info/Konets-amerikanskogo-mirovogo-poryadka-5258.html (дата: 29.11.2018).

4. Бахтуридзе З.З. Геополитический ракурс международных отношений в эпоху «пост» // Геополитика и безопасность. 2015. №2 (30). С.63-67. ISSN: 2071-2332.

5. Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т.5. №1. С. 195-201. ISSN: 1560-8913.

6. Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Философские вопросы науки о мировой политике // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 26-32. ISSN: 0042-8744.

7. Игнатьев М.Б. Об ответственности учёных в современном мире // Проблемы формирования и развития блокового противостояния на Севере Европы и в Балтийском регионе после Второй мировой войны 1939-1945 гг. СПб, 2012. С. 237-256.

8. Карр Э.Х. Двадцать лет кризиса: 1919-1939. Введение в изучение международных отношений // Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 53-68.

9. Кузнецов А.М., Козинец А.И. Незападные теории международных отношений – от маргинальности к признанию // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4. С. 8-23. ISSN: 1998-6785.

10. Лебедева М.М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т.17. № 2. С. 246–256. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-246-256.

11. Най Дж.С. (мл.), Кохэн Р.О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: учебное пособие / под науч. ред. П. А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. ISBN: 978-5-8297-0325-7 – С. 152-167.
12. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. №8. С.3-19.
13. Acharya A., Buzan B. Why Is There No Non-Western International Relations Theory? // International Relations of the Asia-Pacific. 2007. 7 (3). P. 287-312.
14. Acharya A., Buzan B. (eds.). Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia. Routledge, 2009; 253 p.

REFERENCES:

1. Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. *Chto proiskhodit s teoriei mezhdunarodnykh otnoshenii, Polis, Politicheskie issledovaniia*, 2016, No 1, pp. 29-43, DOI: 10.17976/jpps/2016.01.03.
2. Alekseeva T.A. *Myslit' konstruktivistski: otkryvaia mnogogolosyi mir*, Sravnitel'naia politika, 2014, Vol. 5, No 1(14), pp. 4-21, ISSN: 2221-3279.
3. Achar'ia A. *Konets amerikanskogo mirovogo poriadka*, available at http://ruspravda.info/Konets-amerikanskogo-mirovogo-poryadka-5258.html (accessed 29 November 2018).
4. Bakhturidze Z.Z. *Geopoliticheskii rakurs mezhdunarodnykh otnoshenii v epokhu "post"*, Geopolitika i bezopasnost', 2015, No 2 (30), pp.63-67, ISSN: 2071-2332.
5. Bogaturov A.D. *Desiat' let paradigmy osvoeniia*, Pro et Contra, 2000, Vol.5, No 1, pp. 195-201, ISSN: 1560-8913.
6. Vasil'eva N.A., Lagutina M.L. *Filosofskie voprosy nauki o mirovoi politike*, Voprosy filosofii, 2012, No 10, pp. 26-32, ISSN: 0042-8744.
7. Ignat'ev M.B. *Ob otvetstvennosti uchenykh v sovremennom mire, Problemy formirovaniia i razvitiia blokovogo protivostoianiia na Severe Evropy i v Baltiiskom regione posle Vtoroi mirovoi voiny 1939-1945 gg*, Saint-Petersburg, 2012, pp. 237-256.
8. Karr E.Kh. *Dvadtsat' let krizisa*: 1919-1939, Vvedenie v izuchenie mezhdunarodnykh otnoshenii, Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Gardariki, 2003, pp. 53-68.
9. Kuznetsov A.M., Kozinets A.I. *Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii – ot marginal'nosti k priznaniiu*, Oikumena, Regionovedcheskie issledovaniia, 2016, No 4, pp. 8-23, ISSN: 1998-6785.
10. Lebedeva M.M. *Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'?* Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Seriia: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2017, Vol.17, No 2, pp. 246-256, DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-246-256.
11. Nai Dzh.S. (ml.), Kokhen R.O. *Transnatsional'nye otnosheniia i mirovaia politika*, Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii: uchebnoe posobie edited by P. A. Tsygankova, Moscow, Gardariki, 2002, ISBN: 978-5-8297-0325-7, pp. 152-167.
12. Prigozhin I. *Pereotkrytie vremeni*, Voprosy filosofii. 1989, No 8, pp. 3–19.
13. Acharya A., Buzan B. *Why Is There No Non-Western International Relations Theory?* International Relations of the Asia-Pacific, 2007, 7 (3), pp. 287-312.

14. Acharya A., Buzan B. (eds.). *Non-Western International Relations Theory*. Perspectives on and beyond Asia. Routledge, 2009, 253 p.

BAKHTURIDZE Zeynab Z. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru.

VASILYEVA Natalia A. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: n52basil@gmail.com.

SPACE OF INTERNATIONAL RELATIONS: CONCEPTS AND CONSIDERATIONS

The article discusses various conceptual approaches to understanding the nature of the transformation of the world political system from the West-centric to the polycentric type of development. In this connection, the debatable problems of a conceptual nature about the need for integrative development of the theory of international relations are analyzed, where the field of scientific reflection includes both Western and non-Western approaches to understanding the multifactor and ambiguity of international relations in the 21st century.

THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS; WORLD POLITICAL TRANSFORMATION; SYNERGY; POST-MODERNISM; WESTERN AND NON-WESTERN CONCEPTS OF WORLD DEVELOPMENT

УДК 325
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.02

Е. Н. Демидова

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ: БАЛАНС ПОТРЕБНОСТЕЙ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

ДЕМИДОВА Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: demidova_en@spbstu.ru.

Статья посвящена проблеме иммиграции граждан различных стран в Германию. Иммиграционные процессы рассматриваются в историческом аспекте, при этом анализируются различные модели регулирования миграционной политики в соответствии со ступенью социально-исторического развития ФРГ. Рассматриваются несколько законодательных актов, принятых в разные периоды исторического развития Германии, которые охватывают важнейшие аспекты отношения немецкого общества к миграционным потокам. Анализируются наиболее характерные черты, свойственные иммиграции граждан различных стран в Германию.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ; ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА; ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ; ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ; ИММИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИЮ

Проблема международной миграции – одна из основных в сегодняшнем политическом дискурсе. Миграция приобрела глобальный оттенок и затрагивает планету в целом, меняя структуру и культурные пласты в регионах. Кроме того, «международная миграция несет с собой острые современные противоречия между национальными и иностранными гражданами в странах их пребывания (рост социальной

напряженности в местах концентрации иммигрантов, обусловленный, в частности, обострением конкуренции на национальных рынках труда, усиление расовой и национальной вражды, ксенофобии и т. п.)» [1]. Европа, и конкретно Германия, является местом притяжения для различных потоков мигрантов. По статистике 20% иммигрантов мира сосредоточено в Европейском союзе. По приему иммигрантов на сегодняшний день Германия занимает лидирующие позиции в Европе, «более 30% мигрантов в Европейском Союзе приходится на долю ФРГ» [2]. Германия считается иммиграционной страной, открывшей двери для различных категорий иностранцев и прилагающей множество усилий для интеграции их в свою культурную среду. Однако не все иммигранты готовы к этой интеграции, что порождает острые конфликты в немецком обществе и требует комплекса мер в рамках иммиграционной политики.

На протяжении нескольких десятилетий прошло несколько этапов иммиграции в Германию, и каждый из них отвечал на запросы времени и отличался от предыдущего.

Исследователи вопроса иммиграционной политики Германии отмечают начало появления иностранцев еще в кайзеровской Германии, которая вышла на лидирующие позиции в мире по экономическим позициям и требовала привлечения рабочих в промышленность, строительство дорог и каналов, а также на сезонные работы в сельском хозяйстве.

Основной же поток иностранцев в Германии появился после Второй Мировой войны и включал различные группы иммигрантов, связанных с последствиями войны. Этнические немцы на момент окончания военных действий были разбросаны по разным странам, сама Германия была разделена на две страны. Первая волна переселенцев началась с принятием Закона «О делах перемещенных лиц и беженцев» в 1953 г. Данный закон объявлял Западную Германию «родиной всех немцев» и давал возможность всем немцам, готовым подтвердить свою принадлежность к немецкой нации, вернуться на родину. До провозглашения этого закона ФРГ также принимала политических беженцев из ГДР, которые автоматически получали гражданство ФРГ и материальную поддержку. Поток беженцев из ГДР в ФРГ долгое время был проблемой, лишающей

страну квалифицированных кадров, а также стал причиной построения всемирно известной Берлинской стены.

Большое количество этнических немцев вернулось на родину именно после заявления К. Аденауэра, открывшего возможности для потока мигрантов из стран бывшего СССР. «По данным Федерального административного ведомства ФРГ, с 1950 г. по 2011 г. с территории бывшего СССР в Германию переселилось около 2,3 млн. этнических немцев и членов их семей» [3].

С этим заявлением получили шанс вернуться на этническую родину и группа немцев, приехавшим в Россию еще при Екатерине Второй и пострадавшие от советской власти. Больше миллиона граждан воспользовались данным шансом.

Еще одна группа иммигрантов в Германию в этот период была связана с последствиями Второй мировой войны и касалась еврейской национальности. Неся ответственность за действия нацистов, правительство Германии предоставило евреям возможность получения постоянного вида на жительство. На сегодняшний момент «еврейская община в Германии – третья по величине в Европе» [3].

Следующий этап иммиграции в Германию был связан с экономическим подъемом и привлечением временных иностранных рабочих. Германия использовала импорт дешевой рабочей силы и заключила соглашения с «Италией (1955), Испанией (1960), Марокко (1963), Грецией (1960), Турцией (1961), Португалией (1964), Тунисом (1965) и Югославией (1968)» [4, с.137]. Данный шаг привел к увеличению общей численности иностранцев в стране.

«С конца 1950-х гг. по 1973 г. в Германию из-за рубежа приехало около 14 млн. работников: примерно 11 млн. вернулись, другие остались, причем вместе с семьями» [5]. К 1973 г. в стране было занято 2,6 млн. иностранных работников, наибольшую долю из них составляли выходцы из Турции. Привлечение иностранцев в Германию проводилось по ротационному принципу, не было никаких организаций, занимающихся их интеграцией, никто не занимался обучением языку. Процессы, происходившие на тот момент, были мало эффективными и исходили из решения стоящих перед обществом локальных задач. Иностранцы,

приезжавшие в Германию, выполняли низкоквалифицированные работы и считались временными рабочими, получающими невысокие зарплаты, а потому выгодные работодателям. Работодатели, получающие дешевую рабочую силу, часто продлевали трудовые контракты, да и сами иностранные работники стремились к тому же, поскольку на родине получали еще меньше. Данные обстоятельства повлияли на сложившийся образ иностранного работника, как не имеющего никаких привилегий приезжающего на низкоквалифицированные работы, получающего низкую зарплату.

В период спада экономики программа привлечения трудовых мигрантов была остановлена, но поток приезжих рабочих не прекратился. Официальный запрет превратил временных рабочих в постоянных. Многие приезжали по легальным и нелегальным каналам, и сталкивались с различными препятствиями.

В конце XX века, в связи с распадом СССР, Германия столкнулась с новым потоком этнических немцев из России, Казахстана, Украины. Правительство Германии разработало программу интеграции переселенцев, «был создан пост уполномоченного правительства по делам переселенцев и соответствующее ведомство при МВД Германии» [3].

Для иммигрантов были открыты специальные лагеря федерального значения, откуда дальше они попадали на распределение по землям.

В 1993 г. вступил в силу закон, который ввел фильтры по приему этнических немцев из стран Восточной Европы и в целом был направлен на ограничение потока иммигрантов этой категории. Но, несмотря на квоты приема переселенцев, «именно на 1990-е годы приходится пик иммиграции в Германию из стран бывшего СССР» [3].

«Особенность конца 80-х и 90-х гг. заключается в том, что ведущую роль в иммиграции в Германию занимает миграция на постоянное место в ней жительства этнических немцев (Aussiedler) из стран Восточной Европы и бывшего СССР. Подсчитано, что за 1968–1996 гг. в Германию въехало 3,1 млн. этнических немцев» [1].

Следующая волна иммигрантов была связана с осознанием факта, что в Германии не хватает высококвалифицированных кадров в области информационных технологий. Она пришлась на конец 90-х годов и была

возвращением к трудовой иммиграции. На тот момент ведущие страны уже активно привлекали ИТ-специалистов. Реализация программы по привлечению специалистов-иностранцев в Германии вызвала различные реакции у граждан, но в целом ожидания были негативными, сказался послевоенный опыт бессистемного переселения. Немецкие СМИ уже в начале программы начали обсуждать вопрос как избавиться от участников этого проекта.

Сама программа оказала позитивное влияние на немецкую экономику и подтолкнула к изменению подхода к иммиграции в Германии. Во-первых, количество приехавших специалистов было меньше запланированного и стало очевидным, что Германия не является привлекательной страной для такого класса профессионалов. Во-вторых, не менее очевидным стал тот факт, что Германии не обойтись без привлечения иностранных специалистов. «К середине XX в. в большинстве европейских стран закончился период демографического перехода и утвердился городской тип семьи с небольшим количеством детей. Перестав быть донором в миграционных процессах, Европа, напротив, ощутила потребность в притоке рабочей силы извне» [6].

Построение социального государства с сильной социальной поддержкой граждан парадоксальным образом также не способствовало увеличению количества собственных высококвалифицированных специалистов. «Сильные профсоюзы и социальные приоритеты государства, в числе которых серьёзная финансовая поддержка безработных, в определённой степени содействует развитию социально-апатичных общественных настроений» [7].

Выход виделся в разработке планомерного подхода к иммиграционной политике и создания системы интеграции привлеченных специалистов.

Германия признала объективную необходимость пересмотра отношения к трудовым иммигрантам, и в 2000 г. появился новый Закон о гражданстве, а затем, вступивший в силу в 2005 г. Закон об иммиграции. В 2005 г. было создано Федеральное ведомство по вопросам миграции и беженцев, которое координировало и организовывало работу с иммигрантами. До 2005 г. в Германии работала этнокультурная модель в

иммиграционном подходе, лишавшая трудовых иммигрантов возможности относится к таковым. Рабочие иностранцы привлекались временно, и их пребывание в Германии было сферой министерства труда и занятости. Принятый Закон о гражданстве, сделавший возможным получение гражданства не только по «праву крови», но и по территориальному принципу, способствовал изменению данного подхода и включению трудовых иммигрантов в интеграционные проекты.

Начиная с 2006 г. проводятся «интеграционные саммиты» с участием общественных организаций и иммигрантов. Задачей является постановка акцентов на проблемах, налаживание диалога и совместный поиск новых подходов. «В июле 2007 г., был утвержден «Национальный план по интеграции» (Der Nationale Integrationsplan). Концепция плана включала в себя около 400 отдельных мер по интеграции иммигрантов. Правительство обязалось инвестировать в содействие интеграции иммигрантов 750 млн. евро» [8].

Для иммигрантов были разработаны специальные интеграционные курсы с изучением языка и культуры, а также введен тест на получение гражданства.

Что касается иммиграции квалифицированных специалистов, были разработаны новые положения в законодательстве, облегчающие въезд в страну. В частности, это касается признания дипломов о высшем образовании, снижение требований от потенциальных работодателей, возможность приехать специалистам, не имеющим диплома, но работающим по данной специальности в течение 5 лет, облегчение въезда для семей соискателей и отмена требования знания языка для них. В современной Германии создается все больше возможностей для всех, имеющих высшее образование, желающих приехать жить и работать здесь.

С 2013 г. начинается новый этап иммиграционной политики Германии, связанный с мировыми процессами и потоками вынужденной иммиграции. Этот этап характеризуется многочисленными дискуссиями как на самых разных уровнях управления, так и в гражданской среде, ужесточением иммиграционной политики и проблемой повышения ее управляемости.

Главная проблема, с которой столкнулась сегодняшняя Германия – это учет интересов экономики и возрастающего недовольства в обществе, связанного с иммиграцией мусульман. Так, в 2015 г. среди стран происхождения, искавших убежища в Германии, большинство составляли сирийцы – 35,9%.

Добавила споров и дискуссий в Германии позиция немецкого политика и экономиста Т. Саррацина, ставшая своеобразной основой политических противников интеграции. В книге «Германия: самоликвидация», основываясь на обширной статистике, он показал, что мусульманские иммигранты не готовы интегрироваться в немецкое общество, и при высокой рождаемости представляют угрозу для страны. Им были предложены пути выхода, заключающиеся в ужесточении иммиграционной политики, вменение иммигрантам в обязанность интеграцию, обязательное изучение языка, дошкольное воспитание и образование [9].

На фоне проблем с вынужденными иммигрантами и трудностями, связанными с их интеграцией в обществе, выросли рейтинги новой политической силы – «Альтернатива для Германии». В числе ее лозунгов ужесточение иммиграционной политики и изменение политики европейской интеграции за счет увеличения полномочий национальных государств. Протестные настроения используют также правые и левые радикалы.

Политика интеграции, продвигавшаяся в Германии, по признанию канцлера А. Меркель, требует корректив. Опросы турецкого населения в Германии показывают, что 78% из них разочарованы, среди которых 58% чувствуют себя ненужными в ФРГ. Модель интеграции иммигрантов, существующая в Германии, ближе к модели, называемой социальным гражданством «осуществляется политика функциональной интеграции или социального гражданства – инкорпорация только в сферу занятости и систему социального обеспечения» [10].

В условиях нового потока беженцев в ЕС потребовались новые меры по усилению безопасности в стране. Только за период 2015 г. в Германию въехало более миллиона человек. По статистическим данным, 45% немцев считают, что ФРГ не способна справиться с таким потоком беженцев,

около 70% немцев беспокоит угроза терроризма и экстремизма, связанная с миграционными потоками. Канцлер А. Меркель прибегла даже к внешнеполитическим мерам, пытаясь решить миграционную проблему, и в феврале 2016 г. встретилась с президентом Турции с целью содействия Турецкой Республике сдерживанию потоков беженцев в ЕС [2].

Острые дискуссии о судьбе беженцев свойственны не только Германии, эта тема породила немало разногласий среди стран-членов Европейского Союза. Основной вопрос – пропорциональность распределения беженцев по ЕС. «Неэффективные действия ЕС в условиях миграционного кризиса привели к тому, что в европейских странах стали все чаще обсуждать вопрос о будущем Шенгена и самого Евросоюза» [11].

Однако, несмотря на все трудности и вызовы, в вопросе миграции у Германии накоплен полувековой опыт, и она не закрыла двери. В вопросе иммиграции Германия действует прагматически, пытаясь удержать баланс между экономическими запросами страны в кадровом пополнении и настроением общества.

В настоящий период времени правительством Германии согласован новый проект закона о миграции, который касается квалифицированных рабочих-мигрантов из стран третьего мира. Также данный закон касается той категории людей, которые в Германии получили отказ в статусе беженца, но хорошо интегрировались и нашли свое место на трудовом рынке. После принятия данного закона Германия станет классической страной иммиграции как Австралия, США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ионцев В.А.** Международная миграция населения: теория и история изучения. –М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 3. ISBN 5–89209–488–X – 370 с.
2. **Ткач А.**, **Чеботарь С.** Опыт Германии в управлении миграционными потоками в рамках ЕС: состояние и проблемы // RevistaMilitară. 2016. №2(16). С. 94-105.
3. **Большова Н.Н.** Политика регулирования интеллектуальной миграции в современной Германии // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №6(27).С. 226–237. ISSN: 2071-8160
4. **Сизов И.Ю.** Особенности иммиграционной политики в некоторых зарубежных странах // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9. С. 133-138. ISSN: 2073-0454

5. Петухова Т.Н. Проблемы межэтнической толерантности. Правовое регулирование межэтнических отношений в Германии // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. №2 (4). С. 36-40 eISSN: 2219-6838

6. Константинов В.В., **Зелев М.В.** Проблема интеграции мигрантов в принимающее общество в постиндустриальных странах и в России // Полис. 2007. № 6. С. 64–70. ISSN: 1026-9487

7. Карачурина Л.Б. Германия: как управлять мигрантами // Современная Европа. 2009. №2(38). С.18-33 ISSN: 0201-7083

8. Скорняков И.А. Эволюция законодательства в области регулирования репатриационных, иммиграционных и интеграционных процессов в ФРГ // Вестник Томского государственного университета. 2009. №327. С.55–58. ISSN: 1561-7793

9. СаррацинТ. Германия: самоликвидация. –М.: Рид Групп– 2012. – 400 С.

10. Цапенко И. Развитые страны: интеграционная политика в отношении иммигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 59–69. ISSN: 0131-2227

11. Кондратьева Т.С. Миграционный кризис в Европе: Причины и последствия// Проблемы европейской безопасности: Сб. науч. тр. – РАН. ИНИОН. – М., 2016. № 1. – С. 216-229.

REFERENCES:

1. Iontsev V.A. *Mezhdunarodnaia migratsiia naseleniia: teoriia i istoriia izucheniia*, Moscow, Dialog-MGU, 1999, Vol. 3, ISBN 5–89209–488–X, 370 p.

2. Tkach A., Chebotar' S. *Opyt Germanii v upravlenii migratsionnymi potokami v ramkakh ES: sostoianie i problemy*, RevistaMilitară, 2016, No 2(16), pp. 94-105.

3. Bol'shova N.N. *Politika regulirovaniia intellektual'noi migratsii v sovremennoi Germanii*, Vestnik MGIMO-Universiteta, 2012, No 6(27), pp. 226-237, ISSN: 2071-8160.

4. Sizov I.Iu. *Osobennosti immigratsionnoi politiki v nekotorykh zarubezhnykh stranakh*, Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2012, No 9, pp. 133-138, ISSN: 2073-0454.

5. Petukhova T.N. *Problemy mezhetnicheskoi tolerantnosti, Pravovoe regulirovanie mezhetnicheskikh otnoshenii v Germanii*, Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu iuridicheskomu zhurnalu, 2011, No 2 (4), pp. 36-40 eISSN: 2219-6838.

6. Konstantinov V.V., Zelev M.V. *Problema integratsii migrantov v prinimaiushchee obshchestvo v postindustrial'nykh stranakh i v Rossii*, Polis, 2007, No 6, pp. 64-70, ISSN: 1026-9487.

7. Karachurina L.B. *Germaniia: kak upravliat' migrantami*, Sovremennaia Evropa, 2009, No 2(38), pp.18-33 ISSN: 0201-7083.

8. Skorniakov I.A. *Evoliutsiia zakonodatel'stva v oblasti regulirovaniia repatriatsionnykh, immigratsionnykh i integratsionnykh protsessov v FRG*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, No 327, pp.55-58, ISSN: 1561-7793.

9. SarratsinT. *Germaniia: samolikvidatsiia*, Moscow, Rid Grupp, 2012, 400 p.

10. Tsapenko I. *Razvitye strany: integratsionnaia politika v otnoshenii immigrantov*, Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, 2008, No 3, pp. 59–69, ISSN: 0131-2227.
11. Kondrat'eva T.S. *Migratsionnyi krizis v Evrope: Prichiny i posledstviia*, Problemy evropeiskoi bezopasnosti, sb. nauch. tr., RAN. INION, Moscow, 2016, No 1, pp. 216-229.

DEMIDOVA Elena N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: demidova_en@spbstu.ru.

IMMIGRATION POLICY OF GERMANY: THE BALANCE BETWEEN ECONOMY NEEDS AND PUBLIC PERCEPTION

The article is devoted to the exploration of the main tendencies of immigration flows to Germany. In this paper, immigration processes are observed through the historical perspective and in the combination with the analysis of various models for migration policy's regulation. The study is accomplished according to the stage of socio-historical development of the Federal Republic of Germany. The several legislative acts adopted throughout different periods of Germany's historical development in order to demonstrate the essential aspects of German society attitude towards migration flows have been scrutinized The peculiar characteristics inherent to the immigration processes to Germany are analyzed.

INTERNATIONAL MIGRATION; IMMIGRANT POLICY; INTEGRATION OF IMMIGRANTS; IMMIGRATION OF LABOURERS; IMMIGRATION IN GERMANY

УДК 327.7
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.03

Н. С. Иванников

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ООН С ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ИВАННИКОВ Никита Сергеевич – аспирант, старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: ivannikov.ns@edu.spbstu.ru.

В статье рассматривается важная группа партнеров Продовольственной и Сельскохозяйственной Организации ООН. Целью работы является представление ключевых партнеров ФАО, входящих в число специализированных учреждений ООН, а также анализ их совместной деятельности. Исследуются формы как сами формы взаимодействия, так и его ключевые аспекты.

ФАО; ООН; ВОЗ; ЮНИСЕФ; ЮНЕП; ПАРТНЕРСТВО

Продовольственная проблема неоднозначна и многопланова. Данная проблема, имеющая как политическое, так и социально-экономическое измерение, оказывает влияние на все стороны жизни общества, поэтому ее решение может стать основой выживания мирового сообщества. В этой связи можно сказать, что создание Продовольственной и Сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) стало институциональным вариантом решения продовольственной проблемы, потому что был создан политико-экономический универсальный механизм управления кризисными проявлениями продовольственной проблемы. Для решения проблемы нужно учитывать ряд факторов: производство, распределение, обмен и потребление продовольствия в глобальных регионах и отдельных странах.

Проблема обеспечения растущего населения Земли продуктами питания в соответствии с медицинскими нормами еще далека от своего комплексного решения. Она как была, так и является актуальной для населения Земли. Вместе с тем, решаться в институциональном измерении она начала только в XIX веке, вместе с появлением организаций, которые были направлены на решение проблем сельскохозяйственного сектора.

ФАО получила свой официальный статус как часть Организации Объединенных Наций в 1946 году. С тех пор активность и важность ФАО возросла многократно благодаря той позитивной роли, которую Организация могла сыграть в осуществлении разнообразной помощи в 1960–1970-е гг., когда шел стремительный процесс формирования независимых государств Африки и Азии, последствием которого стали серьезные кризисы в области сельского хозяйства на местах. ФАО приступила к созданию системы продовольственной безопасности именно с этого времени. Необходимость преобразований лишний раз подчеркнул мировой зерновой кризис 1970-х гг. [1, с. 32].

После принятия в 1974 году Международного обязательства по обеспечению продовольственной безопасности определилась новая стратегия ФАО. Она определялась такими принципами: «ФАО использует методологию управления, ориентированного на конкретные результаты. Этот подход предполагает интеграцию вопросов стратегии, кадров, ресурсов, процессов и способов измерения в целях повышения эффективности принятия решений, содействия прозрачности и подотчетности. Основное внимание уделяется измерению эффективности работы путем сравнения с поставленными целями, а также учету прошлого опыта, корректировке работы с учетом новых обстоятельств, отчетности и достижению поставленных задач» [2].

Среди учреждений ООН, в ее «семье» главными партнерами ФАО (не считая вспомогательных учреждений) стали ВОЗ, ЮНИСЕФ и ЮНЕП. Теперь следует рассмотреть их партнерство в частном порядке.

Деятельность Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и ФАО роднит смежная цель – обеспечение здорового образа жизни. Согласно определению, которое дает устав ВОЗ, здоровье включает в себя физическое и психическое благосостояние и социальное благополучие. Причем под

здоровьем понимается как наличие определенного уровня состояния организма, так и отсутствие отрицательно влияющих на него факторов [3].

Естественно, здоровье человека напрямую коррелирует с питанием как в количественном, так и в качественном аспекте. Организация Объединенных Наций полагает, что проблема мирового голода является остро стоящей проблемой современного здравоохранения [4]. Это подтверждается данными ФАО, согласно которым «821 миллион человек голодает и более 150 миллионов детей отстают в росте» [5], «голод затронул каждого девятого человека на планете» [5].

Центральная роль в совместной работе ФАО и ВОЗ отводится их совместной программе Кодекс Алиментариус. Это сборник норм и указаний в области продовольствия, утвержденный одноименной Комиссией [6]. Глава ФАО, Грациано да Силва высоко оценивает важность этого инструмента, заявляя, что он «является таким же актуальным сегодня, каким он был при его создании» [7]. Еще одна проблема, стоящая перед ФАО и ВОЗ, требующая эффективной работы двух организаций, является ожирение: «В настоящее время самые дешевые, доступные и вкусные продукты питания часто калорийны, но не содержат достаточного количества питательных веществ. Сегодня ожирение и связанные с ним неинфекционные заболевания существуют вместе с недоеданием в одной и той же стране и даже сообществе» [7]. В общем, можно заключить, что ФАО и ВОЗ составляют взаимовыгодный тандем, потому как они имеют сходные задачи и общую проблематику, что придает их сотрудничеству дополнительную важность. Предполагается, что эффективность от действий двух организаций одновременно будет высокой.

Привычка здорового образа жизни закладывается еще в детстве, поэтому также необходимо отметить совместную деятельность Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и ФАО. Показатель степени недоедания формируется на основе как взрослого, так и детского населения. Особенно страдают дети в развивающихся и менее развитых странах, решение данной проблемы требует значительных средств и активных действий [8]. Совместная активность ФАО и ЮНИСЕФ помогает установить единые стандарты защиты прав ребенка на общем уровне, включающем в себя обеспечение питания определенного качества и количества. Это происходит в том числе для сокращения показателя детской смертности [9]. Помимо

непосредственно нормативной деятельности, это сотрудничество носит также и просветительский характер. На регулярной основе проводятся благотворительные мероприятия, в рамках которых осуществляются подготовка персонала, распространение учебных материалом, обсуждение проблем с местным населением. Данное сотрудничество совершенствовалось путем создания специальных проектов. Чтобы обеспечить наибольшую эффективность и огласку деятельности, публикуются доклады и отчеты государственного уровня по деятельности организаций.

Помимо прочего, решение проблемы голода напрямую связано с эффективностью использования имеющихся ресурсов. Согласно имеющимся данным, существует ситуация, при которой в развивающихся и менее развитых странах население недоедает, а в развитых странах значительная часть продовольствия выбрасывается или теряется по причине негодности [8]. Это также влияет на окружающую среду посредством увеличения количества мусора, а помимо этого еще и влечет за собой излишнюю эксплуатацию окружающей среды. В связи с этим видится актуальным сотрудничество с Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП), в рамках которой реализуется программа, которая призывает к грамотному отношению к продовольственным ресурсам человечества [10]. Другая совместная кампания ФАО и ЮНЕП также служит целям обеих организаций – уменьшению количества продовольственных отходов [11]. Это работает как в сторону уменьшения потерь продовольственных ресурсов, так и в сторону снижения отрицательного воздействия человека на окружающую среду. В общем и целом, совместная работа организация является взаимовыгодной и потенциально продуктивной.

Можно заключить, что реализация программ ФАО напрямую соприкасается с действиями других организаций, которые входят в «семью ООН». Посредством сотрудничества с этими организациями программная деятельность ФАО затрагивает другие важные сферы жизни человечества, а не только продовольственную безопасность. Такой подход способствует как укреплению связей внутри ООН, так и более продуктивному решению проблем за счет вовлечения нескольких сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Лупашко-Стальский И.П. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО): основные сведения. – М. 2006. 124 с.
2. Стратегическое планирование // Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. – URL: http://www.fao.org/about/strategic-planning/ru/ (дата обращения: 27.11.2018).
3. Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения // WHO. – URL: https://www.who.int/governance/eb/constitution/ru/ (дата обр.: 27.11.2018).
4. Глобальный голод продолжает расти, говорится в новом докладе ООН // Всемирная организация здравоохранения. – URL: https://www.who.int/ru/news-room/detail/11-09-2018-global-hunger-continues-to-rise---new-un-report-says (дата обр. 27.11.2018).
5. Глобальный голод продолжает расти, говорится в новом докладе ООН // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. – URL: http://www.fao.org/news/story/ru/item/1152210/icode/ (дата обр.: 27.11.2018)
6. Codex Alimentarius. Международные стандарты пищевых продуктов. – Режим доступа: http://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/ru/ (дата обр.: 27.11.2018).
7. Международный орган по стандартам на пищевые продукты – механизм защиты потребителей // Всемирная Организация Здравоохранения ООН. – URL: http: //www. who. Int /mediacentre/ news/ releases/ 2013/ codex_alimentarius_20130702/ru/ (дата обр.: 27.11.2018).
8. На спасение от голода детей в Нигерии, Сомали, Южном Судане и Йемене нужно 255 миллионов долларов // Новости ООН. – Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2017/03/1302311 (дата обращения: 27.11.2018).
9. Цель 4 в области развития, сформулированная в Декларации тысячелетия: Сокращение детской смертности // Sustainable Development Goals. – URL: http: //www.fao.org/sustainable-development-goals/mdg/goal-4/ru/(дата обр.: 27.11.2018).
10. Приоритетные области ЮНЕП. Подпрограмма 6. Эффективность использования ресурсов // ЮНЕПКОМ. – URL: http: //www.unepcom.ru/unep/priorities/resource-efficiency.html (дата обр.: 27.11.2018).
11. ФАО и ЮНЕП призывают снизить количество продовольственных отходов // Новости ООН. – URL: https://news.un.org/ru/story/2013/01/1216251 (дата обр.: 27.11.2018).

REFERENCES:

1. Lupashko-Stal'skii I.P. *Prodovol'stvennaia i sel'skokhoziaistvennaia organizatsiia Ob"edinennykh Natsii (FAO): osnovnye svedeniia*, Moscow, 2006, 124 p.
2. *Strategicheskoe planirovanie, Prodovol'stvennaia i sel'skokhoziaistvennaia organizatsiia OON*, available at http://www.fao.org/about/strategic-planning/ru/ (accessed 27 November 2018).
3. *Ustav (Konstitutsiia) Vsemirnoi Organizatsii Zdravookhraneniia*, WHO, available at https://www.who.int/governance/eb/constitution/ru/ (accessed 27 November 2018).

4. *Global'nyi golod prodolzhaet rasti, govoritsia v novom doklade OON*, Vsemirnaia organizatsiia zdravookhraneniia, available at https://www.who.int/ru/news-room/detail/11-09-2018-global-hunger-continues-to-rise---new-un-report-says (accessed 27 November 2018).
5. *Global'nyi golod prodolzhaet rasti, govoritsia v novom doklade OON*, Prodovol'stvennaia i sel'skokhoziaistvennaia organizatsiia Ob"edinennykh Natsii, available at http://www.fao.org/news/story/ru/item/1152210/icode/ (accessed 27 November 2018).
6. *Codex Alimentarius. Mezhdunarodnye standarty pishchevykh produktov*, available at http://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/ru/ (accessed 27 November 2018).
7. *Mezhdunarodnyi organ po standartam na pishchevye produkty - mekhanizm zashchity potrebitelei*, Vsemirnaia Organizatsiia Zdravookhraneniia OON, available at http: //www. who. Int /mediacentre/ news/ releases/ 2013/ codex_alimentarius_20130702/ru/ (accessed 27 November 2018).
8. *Na spasenie ot goloda detei v Nigerii, Somali, Iuzhnom Sudane i Iemene nuzhno 255 millionov dollarov*, Novosti OON, available at https://news.un.org/ru/story/2017/03/1302311 (accessed 27 November 2018).
9. *Tsel' 4 v oblasti razvitiia, sformulirovannaia v Deklaratsii tysiacheletiia: Sokrashchenie detskoi smertnosti*, Sustainable Development Goals, available at http: // www.fao.org/sustainable-development-goals/mdg/goal-4/ru/ (accessed 27 Nov. 2018).
10. *Prioritetnye oblasti IuNEP. Podprogramma 6. Effektivnost' ispol'zovaniia resursov*, IuNEPKOM, available at http: //www.unepcom.ru/unep/priorities/resource-efficiency.html (accessed 27 November 2018).
11. *FAO i IuNEP prizyvaiut snizit' kolichestvo prodovol'stvennykh otkhodov*, Novosti OON, available at https://news.un.org/ru/story/2013/01/1216251 (accessed 27 November 2018).

IVANNIKOV Nikita S. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: ivannikov.ns@edu.spbstu.ru.

THE INTERACTION OF UN SPECIALIZED AGENCIES WITH THE FOOD AND AGRICULTURE ORGANIZATION OF THE UNITED NATION

The article considers important group of UN Food and Agricultural Organization partners. The purpose of the article is to present key partners of Organization which are among specialized institutions of the UN, and also analysis of FAO and its partners interaction. Forms of their interaction and its key aspects are being researched.

FAO; UN; UNICEF; UNEP; PARTNERSHIP

УДК 341.17
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.04

В. П. Кириленко, А. С. Семенова

ГУМАНИТАРНЫЕ ОПЕРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права. Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.
д. 57/43, Средний пр. В.О., Санкт-Петербург, 199178, Россия.
E-mail: v.vvaas@yandex.ru.

СЕМЕНОВА Анастасия Сергеевна – магистрант юридического факультета. Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.
д. 57/43, Средний пр. В.О., Санкт-Петербург, 199178, Россия.
E-mail: nastya.semenova576@gmail.com.

Анализ правового механизма оказания гуманитарной помощи со стороны институтов Европейского Союза показал комплексный характер взаимодействия между государствами и международными организациями. Защита прав человека и обеспечение национальной безопасности являются центральными принципами международной интеграции в Европе. Ответственность наднациональных институтов за преодоление кризисных ситуаций гармонично распределяется между различными программами и проектами по международному сотрудничеству.

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ; ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ; ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ; ЕС; ПРАВА ЧЕЛОВЕКА; БЕЗОПАСНОСТЬ

На сегодняшний день межгосударственная интеграция является одной из наиболее актуальных тем в международном праве. Войны, стихийные бедствия и экономические кризисы ставят в бедственное положение целые государства. Создаются специальные международные

организации, формируются принципы взаимодействия между странами, усиливается потребность в ответственности за обеспечение безопасности [10].

Одной из наиболее развитых интеграционных организаций на сегодняшний день является Европейский Союз (ЕС, Евросоюз). Главными предпосылками его создания были налаживание устойчивого мира после Второй мировой войны и устойчивые экономические связи. В конечном итоге из Европейского объединения угля и стали (ECSC – European Coal and Steel Community) выросла авторитетная международная организация, сформировавшая в себе на сегодняшний день самостоятельную правовую систему, включающую в себя первичное, вторичное и прецедентное право, а также правовые механизмы гуманитарного сотрудничества [12].

Несмотря на масштабность институтов ЕС, интеграционные и кризисные процессы происходят, как внутри ЕС, так и за его пределами. Все внешние и внутренние гуманитарные операции осуществляются в целях улучшения эффективности защиты прав человека и налаживания международных гуманитарных связей. Одной из наиболее интересных сторон деятельности данной интеграционной организации является оказание гуманитарной помощи нуждающимся странам [13].

Положения о гуманитарной помощи закреплены во многих нормативно-правовых актах ЕС. Важнейшими среди них выступают: Договор о функционировании Евросоюза, Лиссабонский договор и Соглашение об оказании гуманитарной помощи. Они устанавливают основные положения об оказании гуманитарной помощи.

После вступления в силу Лиссабонского договора гуманитарной помощи посвящена отдельная глава раздела III «Сотрудничество с третьими странами и гуманитарная помощь» части пятой «Внешнеполитическая деятельность Союза» Договора о функционировании Евросоюза (ДФЕС).

В соответствии с п. 1 ст. 214 ДФЕС мероприятия Союза в области гуманитарной помощи проводятся в рамках принципов и целей его внешнеполитической деятельности. Эти мероприятия направлены на предоставление в адресном порядке содействия, помощи и защиты населению третьих стран, пострадавшему от катастроф, вызванных

природными факторами или человеком, в целях удовлетворения гуманитарных потребностей, которые возникают в результате различных ситуаций.

В соответствии со ст. 4 ДФЕС гуманитарная помощь относится к совместному ведению как ЕС, так и его стран-членов. Таким образом, действия по оказанию гуманитарной помощи проводятся совместно и должны дополнять и усиливать друг друга.

Институтами ЕС было разработано Совместное заявление об оказании гуманитарной помощи одобренное представителями правительств стран – членов ЕС (Joint Statement by the Council and the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the Council, the European Parliament and the European Commission. Official Journal C 25, 30/01/2008). Этот документ формализует обязательство Европейского Союза и стран-членов согласовывать свои действия на основе общих целей и принципов для оказания гуманитарной помощи.

Европейский Парламент и Совет ЕС устанавливают правовые основы осуществления мероприятий по оказанию гуманитарной помощи. Комиссия ЕС может выступать с различными инициативами в качестве координатора совместной деятельности институтов ЕС и государств – членов ЕС. При этом центральное место занимают демократические ценности и права человека [6], однако учитываются и национальные интересы государств [2].

Помимо национальных правительств мероприятия по оказанию помощи должны быть согласованы и скоординированы также с различными международными организациями. Такими как Организация Объединенных Наций (далее – ООН), Международный комитет Красного Креста и т.д. Особенно тесно в этом плане ЕС сотрудничает с Детским фондом ООН (United Nations International Children's Emergency Fund – UNICEF, ЮНИСЕФ).

Что же касается самого ЕС, свою деятельность по оказанию гуманитарной помощи Союз осуществляет главным образом посредством Еврокомиссии, своего главного исполнительного органа. Все действия производятся на основании Соглашения о гуманитарной помощи. Оно описывает в общих чертах стратегическую структуру для ЕС, действуя в

ответ на гуманитарные кризисы. Соглашение нацелено на установление правовых норм в отношении необходимости вмешательства в дела, входящие в компетенцию третьих стран [11]. При этом принципы вмешательства остаются дискуссионной проблемой международного права [8].

В рамках комиссии действует Европейское бюро по гуманитарной помощи (ECHO), которое было создано в 1992 году и в октябре 2010 года произошло его слияние с Европейским механизмом по гражданской защите (ECPM). Развитие гуманитарных институтов ЕС осуществляется с целью повышения эффективности работы Департамента по гуманитарной помощи и гражданской защите, который также обозначается «ECHO». С ноября 2014 года отдел работает в соответствии с мандатом Кристоса Стилиэнайдса, комиссара ЕС для Гуманитарной помощи и Кризисного управления. Штаб-квартира находится в Брюсселе, а непосредственно на местах, где необходимо оказание помощи, действуют региональные центры.

Департамент разрабатывает стратегический план оказания гуманитарной помощи (Implementation Plan of the European Consensus on Humanitarian Aid. Brussels, 27.11.2015 SWD (2015) 269 f), в соответствии с которым предпринимаются действия по оказанию гуманитарной помощи. Также в соответствии с ДФЕС в мероприятиях по оказанию гуманитарной помощи принимают участие волонтеры. Для того, чтобы стать волонтером необходимо быть гражданином страны-члена ЕС или долговременно пребывать в одной из этих стран, минимальный возраст 18 лет. Волонтерам предоставляется жилье, возмещение дорожных расходов и возможность обучения перед тем, как принять участие в программах помощи. Обучение необходимо для того, чтобы волонтеры смогли оказать эффективную помощь на местах гуманитарного кризиса.

В 2014 году было принято Положение о Волонтерском Корпусе гуманитарной помощи («Волонтерская инициатива ЕС») (Regulation (EU) No 375/2014 of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 establishing the European Voluntary Humanitarian Aid Corps (‘EU Aid Volunteers initiative’). Official Journal L 122/1 24/04/2014). Данное положение устанавливает основные требования к кандидатам в волонтеры,

действия, необходимые для функционирования волонтерских корпусов и для качественного оказания гуманитарной помощи третьим странам.

В связи с увеличением мирового населения, климатическими изменениями, ухудшением экологической обстановки все большее количество людей сталкивается с различного рода бедствиями. Подготовленность к опасностям, к примеру, таким как экстремальные погодные условия, вулканическая активность и наводнения, может помочь уменьшить воздействие таких катастроф на жизни людей и культурные объекты.

Существует специальная программа по снижению риска бедствий (Disaster Risk Reduction – DRR). К ней присоединилось Бюро по гуманитарной помощи. В 1996 году началась реализация программы Бюро по Готовности к стихийным бедствиям (Disaster Preparedness ECHO – DIPECHO). С тех пор она является основным элементом в области снижения риска бедствий.

DIPECHO помогает обществу стать более устойчивым к бедствиям и катастрофам различного вида. В программу входят: обучение людей, установление систем оповещения, разработка планов действий на случай чрезвычайной ситуации и др. DIPECHO проводит свои действия в наиболее склонных к бедствию регионах во всем мире. Это помогает самым уязвимым группам людей быть более подготовленными и устойчивыми к бедствиям. Разрабатываются также проекты, способствующие согласованию действий между учреждениями борьбы с бедствиями на всех уровнях, от местного до национального и наднационального. Это необходимо для того, чтобы гарантировать, что законодательство разработано или адаптировано и бюджеты всех уровней рассчитаны для своевременного реагирования.

Главными целями DIPECHO являются:

- сокращение количества жизней, потерянных во время бедствий и чрезвычайных ситуаций;
- сохранение и защита средств к существованию и экономических активов;
- способствование сокращению нужды в гуманитарной помощи;

- поощрение увеличения мер по развитию в нуждающихся регионах;
- способствование систематическому участию в DRR на всех уровнях.

Двумя ключевыми программными документами в этой сфере являются Политика развития Европейского Союза: «Европейский консенсус» (Joint statement by the Council and the representatives of the governments of the Member States meeting within the Council, the European Parliament and the Commission on European Union Development Policy: 'The European Consensus'. Official Journal C 46, 24/02/2006) и Совместное заявление об оказании гуманитарной помощи.

В ЕС разработана Стратегия поддержки снижения риска бедствия в развивающихся странах (EU Strategy for Supporting Disaster Risk Reduction in Developing Countries Brussels, 23/2/2009 COM (2009) 84), направленная на снижение социальной напряжённости вокруг ЕС. Создание демократического пространства свободного от насильственного экстремизма и дискриминации – важная цель гуманитарных операций [5]. На практике Стратегия ЕС главным образом определяет обязанности органов Комиссии и государств – членов ЕС и выступает за более эффективное сотрудничество между гуманитарными органами и органами развития внутри ЕС.

Ключевое значение для гуманитарных операций имеют основные сферы, в которых проводятся мероприятия ЕС по снижению риска бедствий:

1. **Здоровье.** Инвестиции в создание систем здравоохранения, доступных и более устойчивых к бедствию, должны всегда быть основаны на оценке местных опасностей, слабых мест и существующих возможностей. После бедствия или эпидемии, системы здравоохранения должны быть более усиленными, чтобы справиться с текущими и будущими рисками.

2. **Продовольственная безопасность и средства к существованию.** Есть прямая корреляция между риском бедствия и низким уровнем продовольственной безопасности. Когда бедствие происходит, воздействие высокого уровня риска бедствия и отсутствие

возможности управлять этим риском снижает для бедных домашних хозяйств уровень продовольственной безопасности и актуализирует бедность. Эта ситуация быстро перерастает в продовольственный кризис и острый недостаток питания. Продовольственная помощь снижает риск бедствия, главным образом формируя активы средств к существованию (развивая социальный и человеческий капиталы).

3. **Вода, гигиена и санитария.** Помощь DRR в этой сфере зависит от типа опасности, с которым столкнулось то или иное сообщество и уровня его устойчивости. События, которые начинаются и развиваются быстро, (например, наводнение, землетрясение, ураган) могут разрушить или сильно повредить инфраструктуру, что приводит к ограничению способности поставки услуг и обслуживанию инфраструктурных систем. Медленное или хроническое событие, такое как засуха, может критически уменьшить водные ресурсы, и сделать поставки воды критически важными для жизни.

4. **Жилье.** Жилье представляет собой главное имущество любой семьи, и его потеря может привести к увеличению уровня уязвимости людей. Отсутствие надлежащего безопасного жилья представляет собой главный риск для людей, затронутых бедствием. Приюты, которые плохо расположены, спроектированы, построены или плохо обслуживаются являются главной причиной смерти во время опасных природных явлений, таких как землетрясения, наводнения и цунами. Хотя предоставление жилья на время восстановления после бедствия имеет тенденцию быть временным или переходным, люди обычно начинают восстанавливать или ремонтировать свои дома самостоятельно. Эта стадия представляет возможность для улучшенного строительства и реконструкции, повышая осведомленность о том, как снизить риск будущих опасностей. Применяются при участии ЕС эргономичные строительные технологии для долгосрочного снижения риска бедствия.

Евросоюз присоединился к Сендайской рамочной программе по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. (Сендайская программа), которая была принята ООН в марте 2015 года в Японии на третьей Всемирной конференции ООН по снижению риска бедствий. Сендайская программа поставила перед государствами ряд важных политических и

правовых задач. Среди них: добиться сокращения уровня смертности от стихийных бедствий, уменьшить ущерб, причиняемый бедствиями важнейшим объектам инфраструктуры, увеличить число стран, принявших национальные и местные стратегии снижения риска бедствий и т.д.

В качестве программного документа ЕС разработал пятилетний План действий по Сендайской программе по снижению риска бедствий (Action Plan on the Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015-2030 A disaster risk-informed approach for all EU policies Brussels, 17.6.2016 SWD (2016) 205), в котором отметил четыре основных задачи:

1. «Понимание риска бедствия». Исследование и оценка зон риска, разработка методики действий в кризисных ситуациях.

2. «Усиление управления в ситуации риска бедствия» Усиление эффективности управления при бедствиях и укрепление международного сотрудничества в этой сфере.

3. «Инвестирование в снижение риска бедствий». Вложение денежных средств в указанные программы для их эффективной работы.

4. «Усиление готовности к стихийным бедствиям для более эффективного реагирования». Обучение населения, разделение зон ответственности принимающих стран и Европейского медицинского корпуса.

Помимо предотвращения риска бедствий ЕС оказывает активную помощь в предотвращении голода. Разрабатываются различные нормативные акты, планы финансирования и планы работы для улучшения ситуации. Проводится активное сотрудничество с ООН в этой сфере, в частности, ЕС участвует во Всемирной продовольственной программе. ЕС также реализует ряд мероприятий, направленных демократизацию политической жизни [4].

Главной целью своих действий по предотвращению голода ЕС видит в уменьшении уровня и последующем предотвращении смертности и заболеваний, вызванных недостатком пропитания в гуманитарных ситуациях. Именно этот результат преследует политика ЕС по реализации Сендайской программы (Commission staff working document Addressing Undernutrition in Emergencies Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament of the Council Enhancing

maternal and child nutrition in external assistance: an EU policy framework /* SWD/2013/072).

Одной из наиболее уязвимых стран в наши дни является Сомали. Засуха в конце 2018 года и сохраняющийся военный конфликт ставят страну в условия, при которых увеличиваются показатели смертности населения. ЕС решительно расширил здесь свою помощь, чтобы предотвратить катастрофу, подобную голоду 2011 года, который привел к 260 000 случаев смерти. Гуманитарные партнеры ЕС обеспечивают продовольственную помощь, доставку воды, пищи и здравоохранение.

Более половины из 12 миллионов жителей Сомали испытывают недостаток в еде и нуждаются в гуманитарной помощи. Сомалийцы находятся в постоянном движении в поисках воды еды и пастбищ. В некоторых регионах умерло до 80% всего домашнего скота. Органы здравоохранения поглощены работой, чтобы обуздать вспышку холеры, которая поразила больше чем 76 000 человек за первые 7 месяцев 2017 года, унеся, около 1160 жизней. На фоне гуманитарной ситуации в регионе развивается насильственный экстремизм и терроризм – угроза европейской интеграции [9].

В 2018 году ЕС выделил 89 миллионов евро для оказания гуманитарной помощи в Сомали. Евросоюз и его государства-члены оказывают примерно 60% гуманитарной помощи данной стране. В 2019 году ЕС намерен перейти от оказания помощи наличными деньгами к более стабильной системе поддержки сомалийцев. Предоставление лечения, питания и жилье. К данному моменту ЕС по-прежнему старается максимизировать эффект от своей продовольственной помощи в соответствии с гуманитарными обязательствами Комиссии, определенными гуманитарными правовыми рамками и финансовыми планами. Однако проблемы сохраняются и в самой Европе [7].

В результате анализа гуманитарного права Евросоюза можно с уверенностью утверждать, что ЕС тратит большое количество сил и денежных средств на поддержание жизни и безопасности в сегодняшнем мире. Борьба с экстремизмом в ЕС опирается не только на меры уголовно-правового характера [3], но и на гуманитарные проекты.

Разрабатываются планы помощи, нормативно-правовые базы. Для нуждающихся строятся убежища, новые дома. Ввозится пропитание, медикаменты и предметы первой необходимости. Проводится подготовка людей к стихийным бедствиям, производятся улучшения их жизненных условий. Также Бюро по гуманитарной помощи регулярно привлекает и обучает волонтеров для работы в нуждающихся регионах.

Предпринимаются попытки разрешить кризисные ситуации, связанные с голодом, массовыми разрушениями после рукотворных катастроф или стихийных бедствий. ЕС старается действовать адресно, чтобы нуждающиеся люди получили необходимую им помощь. Огромное количество затраченных средств не привело к эффективному решению гуманитарных проблем. В целом наблюдается активное интеграционное взаимодействие как внутри Евросоюза, так и за его пределами, что, безусловно, способствует разрешению упомянутых кризисов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алексеев Г.В.**, **Морозов Г.Н.** Национализация политического класса как фактор обеспечения безопасности страны // Власть. 2017. Т. 25. № 6. С. 88–95. ISSN: 2071-5358eISSN: 2071-5366
2. **Долгошеин П.С.**, **Зверев П.Г.** Отдельные аспекты теории и практики осуществления миротворческих операций Европейским Союзом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45). С. 48–51. ISSN: 2227-7226
3. **Кириленко В.П.**, **Алексеев Г.В.** Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 561–571. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571
4. **Кириленко В.П.**, **Алексеев Г.В.** Демократия и "четвертая власть" // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 34–42. ISSN: 1726-1139
5. **Кириленко В.П.**, **Алексеев Г.В.** Международная интеграция, демократия и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 8–15. ISSN: 1726-1139eISSN: 1816-8590
6. **Kirilenko V.P., Alexeyev G.V.** Political technologies and international conflicts in the information space of the Baltic Sea Region // Baltic Region. 2018. Т. 10. № 4. С. 20–38. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-4-2.
7. **Кондратьев С.В.**, **Нелаева Г.А.** Особенности взаимодействия Европейского Союза и Боснии и Герцеговины // Современная Европа. 2015. № 5 (65). С. 28–35. DOI: 10.15211/soveurope520152835

8. Котляр В.С. Пределы допустимости силового вмешательства по гуманитарным причинам во внутренние конфликты в других государствах // Международное публичное и частное право. 2012. № 5. С. 21–28. ISSN: 1812-3910

9. Международная интеграция и интеграционное право: учебник / под общ. ред. В.А. Шамахова, В.П. Кириленко, С.Ю. Кашкина. – СПб.: ИПЦ СЗИУ-фил. РАНХиГС, 2017. ISBN: 978-5-89781-574-6 – 877 с.

10. Слепак В.Ю. Некоторые вопросы международно-правовой ответственности Европейского Союза в сфере безопасности и обороны за нарушения прав человека и основных свобод // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 27–33. ISSN: 2220-5500

11. Broberg M. The Humanitarian Law Principle of Independence Versus the European Union's Missionary Principle // Yearbook of European Law 2017, Vol. 36. P. 810–828, DOI: 10.1093/yel/yex002.

12. White N.D., **MacLeod S.** EU Operations and Private Military Contractors: Issues of Corporate and Institutional Responsibility // European Journal of International Law, 2008. Vol. 19, Iss. 5, P. 965–988, DOI: 10.1093/ejil/chn067.

13. Olsen G.R. Civil–military cooperation in crisis management in Africa: American and European Union policies compared // Journal of International Relations and Development 2011, Vol. 14, Iss. 3, p. 333–353.

REFERENCES:

1. Alekseev G.V., Morozov G.N. *Natsionalizatsiia politicheskogo klassa kak faktor obespecheniia bezopasnosti strany*, Vlast', 2017, Vol. 25, No 6, pp. 88-95, ISSN: 2071-5358eISSN: 2071-5366.

2. Dolgoshein P.S., Zverev P.G. *Otdel'nye aspekty teorii i praktiki osushchestvleniia mirotvorcheskikh operatsii Evropeiskim Soiuzom*, Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2016, No 3 (45), pp. 48-51, ISSN: 2227-7226.

3. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *Aktual'nye problemy protivodeistviia prestupleniiam ekstremistskoi napravlennosti*, Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal, 2018, Vol. 12, No 4, pp. 561-571, DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571.

4. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. Demokratiia i "chetvertaia vlast", Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2016, No 2 (86), pp. 34-42, ISSN: 1726-1139eISSN: 1816-8590.

5. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *Mezhdunarodnaia integratsiia, demokratiia i informatsionnaia bezopasnost' gosudarstva*, Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2017, No 3 (99), pp. 8-15, ISSN: 1726-1139eISSN: 1816-8590.

6. Kirilenko V.P., Alexeyev G.V. *Political technologies and international conflicts in the information space of the Baltic Sea Region*, Baltic Region, 2018, Vol. 10, No 4, pp. 20-38, DOI: 10.5922/2079-8555-2018-4-2.

7. Kondrat'ev S.V., Nelaeva G.A. *Osobennosti vzaimodeistviia Evropeiskogo Soiuza i Bosnii i Gertsegoviny*, Sovremennaia Evropa, 2015, No 5 (65), pp. 28-35, DOI: 10.15211/soveurope520152835.

8. Kotliar V.S. *Predely dopustimosti silovogo vmeshatel'stva po gumanitarnym prichinam vo vnutrennie konflikty v drugikh gosudarstvakh*, Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo, 2012, No 5, pp. 21-28, ISSN: 1812-3910.
9. *Mezhdunarodnaia integratsiia i integratsionnoe pravo: uchebnik*, edited by V.A. Shamakhova, V.P. Kirilenko, S.Iu. Kashkina, Saint-Petersburg, IPTs SZIU-fil. RANKhiGS, 2017, ISBN: 978-5-89781-574-6, 877 p.
10. Slepak V.Iu. *Nekotorye voprosy mezhdunarodno-pravovoi otvetstvennosti Evropeiskogo Soiuza v sfere bezopasnosti i oborony za narusheniia prav cheloveka i osnovnykh svobod*, Iuridicheskaia nauka, 2018, No 2, pp. 27-33, ISSN: 2220-5500.
11. Broberg M. *The Humanitarian Law Principle of Independence Versus the European Union's Missionary Principle*, Yearbook of European Law 2017, Vol. 36, pp. 810–828, DOI: 10.1093/yel/yex002.
12. White N.D., MacLeod S. *EU Operations and Private Military Contractors: Issues of Corporate and Institutional Responsibility*, European Journal of International Law, 2008, Vol. 19, Iss. 5, pp. 965–988, DOI: 10.1093/ejil/chn067.
13. Olsen G.R. *Civil–military cooperation in crisis management in Africa: American and European Union policies compared*, Journal of International Relations and Development 2011, Vol. 14, Iss. 3, pp. 333–353.

KIRILENKO Viktor P. – North-West Institute of Management, branch of RANEPA. 57/43, Sredny prospect V.O., Saint-Petersburg, Russia, 199178. E-mail: v.vvaas@yandex.ru.

SEMENOVA Anastasia S. – North-West Institute of Management, branch of RANEPA. 57/43, Sredny prospect V.O., Saint-Petersburg, Russia, 199178. E-mail: nastya.semenova576@gmail.com.

EUROPEAN UNION HUMANITARIAN OPERATIONS

An analysis of the legal mechanism for the provision of humanitarian assistance by the institutions of the European Union showed the complex nature of interaction between states and international organizations. Protecting human rights and ensuring national security are central to international integration in Europe. The responsibility of supranational institutions for overcoming crisis situations is harmoniously distributed among various programs and projects on international cooperation.

HUMANITARIAN AID; LEGAL INSTRUMENTS; EUROPEAN UNION; EU; HUMAN RIGHTS; SECURITY

УДК 327
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.05

И. И. Климин

ФОРМИРОВАНИЕ ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

КЛИМИН Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: kmo@spbstu.ru.

В статье рассматривается становление договорно-правовой базы в отношениях между Россией и Китаем начала XXI века. Дана характеристика двух периодов ее формирования, проанализированы наиболее значимые документы.

РОССИЯ; КИТАЙ; ДОГОВОРНО-ПРАВОВАЯ БАЗА; СОГЛАШЕНИЕ; ДОКУМЕНТ; ИСТОЧНИК

В начале XXI века российско-китайские отношения приобрели характер стратегического партнерства и взаимодействия. По оценке Президента России В.В. Путина и Председателя Китая Си Цзиньпина, они являются наилучшими за всю историю их взаимоотношений [1].

Под эти отношения двух стран подведена солидная договорно-правовая база, формированию которой и посвящена данная статья, ибо в отечественной литературе она специально не рассматривалась, несмотря на многочисленные опубликованные работы за последние годы, в которых исследуются вопросы о сотрудничестве России и Китая во всех сферах.

В становлении договорно-правовой базы российско-китайских отношений мы выделяем два периода: 1990е годы и начало XXI века, причем рубежным критерием считаем подписание в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. При этом по мере расширения политического диалога между руководителями России и Китая постепенно увеличивалось и количество принятых договорно-правовых документов по углублению равноправного, доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между странами. В настоящее время трудно назвать общую точную цифру о числе таких документов, появившихся за четверть века о российско-китайском сотрудничестве, ибо официальная статистика на этот счет, в том числе и по периодам, отсутствует, хотя приблизительные данные и публиковались Министерством иностранных дел РФ.

Так, по сведениям заместителя министра иностранных дел России Г. Карасина, с 1991 г. по 1999 г. между двумя соседними государствами было заключено свыше 100 межгосударственных и межправительственных соглашений, а за 50 лет, с 1949 по 1999 г. обе страны подписали более 300 документов, большинство из них прекратили действие [2]. В апреле 1999 г. оба правительства согласились в форме обмена нотами провести инвентаризацию договоров, заключенных между СССР и КНР, начиная с 1949 г. по 1999 г. В результате проделанной работы стороны признали еще 12 документов, прекративших действие [3].

Из обнародованной статистики Г. Карасиным видно, что СССР и КНР за 42 года, с октября 1949 г. по декабрь 1991 г. подписали порядка 200 межгосударственных соглашений, большинство из которых, как нам представляется, приходилось на 1950е годы, т. е. на союзнический период в отношениях между двумя странами. И эта внушительная цифра, на наш взгляд, лишний раз подтверждает, что в тот исторический период, действительно, между СССР и КНР существовали тесные экономические, политические и дружественные отношения, как бы к ним не относились политики, ученые России и Китая на современном этапе.

Между тем в отечественной литературе приводились и другие данные о количестве подписанных документов двумя странами,

характеризующие масштабы их сотрудничества в 1990^{е} годы, несколько отличающиеся от цифры, названной Г. Карасиным. Например, по подсчетам бывшего заместителя министра иностранных дел РФ и бывшего посла в КНР И.А. Рогачева, в 1990^{е} годы, за восемь лет страны заключили около 120 межгосударственных и межправительственных соглашений, а также десятки межведомственных документов [4, с. 57].

А вот исследователь С.И. Лунев считает, что к декабрю 1997 г. Россия и Китай подписали около 200 совместных документов [5, с. 214–215]. По-видимому, автор включает в эту цифру не только межгосударственные, межправительственные, но и межведомственные, корпоративные соглашения. Крупный специалист по советско-российским отношениям с Китаем О.Б. Рахманин в своей монографии приводит близкую к официальным цифру. По его мнению, отношения России и Китая в 1990^{е} годы и в начале 2000 г. опирались на определенную договорно-правовую базу: было подписано свыше 100 действующих межгосударственных и межправительственных соглашений и договоров [6, с. 293].

С нашей точки зрения, цифры, приводимые И.А. Рогачевым о количестве заключенных совместных документов Россией и Китаем в 1990^{х} годах, соответствуют больше действительности, ибо, будучи послом в КНР, он непосредственно участвовал в их разработке и присутствовал, как правило, при их подписании. В этой связи кратко остановимся на характеристике становления договорно-правовой базы в отношениях РФ и КНР в 1990^{е} годы и назовем некоторые не только межправительственные, межгосударственные, но и межведомственные, корпоративные соглашения. Они подписывались в основном во время взаимных официальных визитов глав государств, правительств, хотя заранее готовились сторонами.

Так, во время первого официального визита в КНР Президента Б.Н. Ельцина 17–19 декабря 1992 г. было подписано сторонами 24 документа разного названия: договор, соглашение, меморандум, заявление. И как заявил на пресс-конференции в Пекине 19 декабря Ельцин, что такой солидный пакет документов можно «для рекорда в книгу Гиннеса вписать» [3, с. 28].

Назовем некоторые из них, включая межгосударственные и межправительственные соглашения, в том числе о культурном, научно-техническом сотрудничестве; о безвизовых групповых территориальных поездках; о государственном кредите для поставок из КНР в РФ продовольственных товаров на сумму 300 млн. юаней; о международном автомобильном сообщении; меморандум о взаимопонимании между правительствами России и Китая по вопросу о сокращении вооруженных сил и укреплении доверия в военной области в районе границы.

К межведомственным документам относились, например, такие: Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел РФ и Министерством безопасности КНР; Соглашение между Министерством труда России и Государственным управлением Китая по делам иностранных специалистов по направлению на предприятия и в организации КНР; документ о научном сотрудничестве между Российской Академией наук и Государственным комитетом Китая по делам образования [3, с. 28–29].

Визит Б.Н. Ельцина в КНР, его переговоры с председателем страны Ян Шанкунем, премьером Государственного Совета Ли Пэном, Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэминем, подписанные в ходе переговоров документы, свидетельствовали не только о нормализации отношений между двумя соседними государствами, но и закладывали правовые основы для формирования сотрудничества между ними и расширения договорной базы. В дальнейшем это нашло отражение и в подписании документов во время официального визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в РФ 2–6 сентября 1994 г. Кроме совместной российско-китайской декларации и совместного заявления, предусматривающих ненацеливание стратегических ядерных ракет и неприменение первыми ядерного оружия, были также подписаны 6 Соглашений между РФ и КНР, в том числе о российско-китайской государственной границе на ее западной части; о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах и другие документы [3, с. 120].

В ходе официального визита премьера Государственного Совета КНР Ли Пэна в РФ 25–28 июня 1995 г. было подписано 7 документов,

расширяющих договорно-правовую базу отношений двух стран. К ним, в частности, относились соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о совместной охране лесов от пожаров; Соглашение о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях; о сотрудничестве в области информации и другие [3, с. 146].

Итогом официального визита президента России Б.Н. Ельцина в Китай 24–26 апреля 1996 г. стало подписание 8 документов, включая Соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии; о сотрудничестве в области охраны интеллектуальной собственности; о сотрудничестве в области энергетики; о сотрудничестве в области антимонопольной политики; о сотрудничестве в области космонавтики; об установлении линии «горячей связи» между Москвой и Пекином; Соглашение о международном заповеднике «озеро Ханко»; о сотрудничестве между спортивными ведомствами двух стран.

Во время визита в РФ Премьера Государственного Совета КНР Ли Пэна 26–28 декабря 1996 г. были подписаны два документа: Протокол о принципах рамочного контракта на сооружение Ляньюнъганской АЭС и Соглашение между Центральным Банком Российской Федерации и Народным Банком Китая [3, с. 151, 203].

В ходе переговоров Б.Н. Ельцина с руководителями Китая в период его государственного визита в эту страну 9–11 ноября 1997 г. также был подписан солидный пакет документов, нацеленных на укрепление сотрудничества между двумя странами. Среди подписанных 7 документов сторонами значились: меморандум о взаимопонимании по основным направлениям экономического и научно-технического сотрудничества; Соглашение о сотрудничестве в развитии алмазно-бриллиантовых комплексов двух стран; Соглашение между Центральным банком России и Народным банком Китая о сотрудничестве в области надзора за деятельностью кредитных организаций [3, с. 233].

Из приведенного материала ясно просматривается тенденция, характеризующая прогрессивную, интенсивную наработку договорно-правовой базы российско-китайских отношений в 1990^{е} годы в связи с подписанием сторонами многочисленных межгосударственных и

межправительственных документов как следствие нормализации отношений между странами, и как итог многих взаимных официальных визитов, контактов их руководителей и принятых ими совместных политических деклараций и заявлений.

Однако судить о качественном уровне российско-китайских отношений в 1990^{х} годах по количеству заключенных странами разного вида документов, конечно, нельзя. Они еще не раскрывают суть, масштабность доверительного, равноправного партнерства и стратегического взаимодействия между РФ и КНР. Прежде всего, надо учитывать, как на практике реализуются эти многочисленные подписанные соглашения, как они влияют на эффективность сотрудничества между странами. И по этой части далеко не все выглядело благополучно. Многие заключенные документы не выполнялись по тем или иным причинам, оставались декларативными, бумажными. И об этом неоднократно отмечалось и в отечественной литературе [5, с. 214–215; 7].

Несмотря на заметный достигнутый прогресс в 1990^{е} годы в российско-китайских отношениях по всем направлениям, все же чувствовалась невысокая практическая отдача от принимаемых решений на высшем и высоком уровнях и от подписанных разного вида совместных Соглашений. Это беспокоило и руководителей России и Китая, особенно последних. Поэтому правительство КНР с учетом большой проделанной работы двумя странами по развитию сотрудничества в 1990^{е} годы выступило с инициативой, в целях повышения его на более высокий уровень – подписать новый базовый, юридический документ между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Во время официального визита Президента РФ В.В. Путина в Пекин в июле 2000 г. руководство КНР предложило ему заключить новый договор, юридический акт между двумя странами. Поскольку еще в апреле 1979 г. правительство Китая сообщило Советскому Союзу о непродлении ранее действующего договора о Союзе между двумя странами, подписанного в 1950 г., срок действия которого заканчивался в 1980 г. Тогда как ранее «китайская сторона одновременно отвергала предложение

СССР о выработке какого-то нового международного государственного документа». «А в дальнейшем, после 1980 г., подход КНР формировался следующим образом: проводя самостоятельную линию на международной арене, Китай не намерен был идти на подписание договоров базового характера ни с одной страной мира. Такая линия выдерживалась на протяжении длительного времени» [8, с. 18–20].

Радикальный пересмотр позиции руководства Китая по поводу подведения прочной юридической базы в отношениях с РФ, во-первых, диктовался, прежде всего, внутренними проблемами, разрешение которых требовало дальнейшего укрепления сотрудничества с Россией. Во-вторых, к концу 1990^{х} годов наметилось явное торможение в российско-китайском равноправном, доверительном партнерстве и стратегическом взаимодействии, преодолеть которое можно было бы на базе нового юридического документа. В-третьих, сложная международная обстановка также подталкивала руководителей КНР к выдвижению такой инициативы, которая, конечно, отвечала и интересам России. Предложение Пекина, – пишут М.Л. Титаренко и Б.Н. Кузык, – явилось следствием потребности современного китайского руководства в таком договоре, исходя из внутриполитической и внутриэкономической ситуации в самом Китае и положения КНР на мировой арене. Китай нуждался в этом договоре «во всяком случае не меньше, чем Россия» [9, с. 560].

О причинах, побудивших руководителей Китая выступить с подобным предложением, можно судить и по выступлению одного из разработчиков нового Договора между РФ и КНР посла в России Лю Гучана 30 июня 2006 г. на торжественном собрании в Обществе российско-китайской дружбы. Причем дипломат назвал данный документ «Договором Века», «как крупное событие и важная веха в истории развития межгосударственных отношений» [10]. По его оценке, китайская сторона весной 2000 г., готовясь к визиту Президента В.В. Путина, всесторонне проанализировала уровень сотрудничества между двумя странами и пришла к выводу, что несмотря на существующий прогресс во взаимоотношениях между КНР и РФ, достигнутый показатель «как двух мировых держав и крупных соседних стран еще очень далек от имеющихся

колоссальных потенциальных возможностей и ожиданий их народов и для их развития все еще существует огромный простор». Так, трудно шли переговоры по пограничному вопросу между сторонами, слабо развивались торговые связи, «товарооборот колебался в пределах 5–7 миллиардов долларов», «отношения общественного мнения к развитию двухсторонних связей оставляло желать лучшего».

В этой связи Лю Гучан, ссылался на «хождение» в РФ так называемой теории «китайской угрозы», а в КНР распространялись «предрассудки и озабоченности в отношении перспектив развития России». Причем проводимые дискуссии между сторонами по некоторым «крупным чувствительным вопросам не были подлинно открытыми и искренними». По оценке дипломата, изучив существующие двусторонние проблемы, китайское руководство сделало вывод, что их «корень появления» заключается «в дефиците доверия». После чего у него и «возникла идея: согласовать и подписать правовой документ, чтобы упорядочить цели и принципы, содержащиеся в более чем десятке политических документов, совместно опубликованных двумя сторонами в 90^{е} годы прошлого века, и закрепить их в юридической форме в целях устранения подозрений, укрепления взаимного доверия».

При этом Лю Гучан также признает, что не только китайско-российские проблемы побудили выступить правительство КНР с идеей разработки нового правового документа между двумя государствами, но и сложная международная обстановка в начале XXI века, отличающаяся нестабильностью, противоречивостью, с наличием политики с «позиции силы», оживления менталитета времен «холодной войны», «гегемонизацией».

В июле 2000 г., когда Президент В.В. Путин находился с визитом в Китае, Председатель КНР Цзян Цзэминь уже официально предложил ему не только саму идею правового документа, но и его название – двусторонний Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В.В. Путин согласился с таким предложением и главы государств поручили министерствам иностранных дел двух стран подготовить проект

такого документа в течение года, к предстоящему в 2001 г. официальному визиту Председателя КНР Цзян Цзэминя в РФ.

Правда, прежде чем китайская сторона официально предложила руководству РФ разработать и подписать такой Договор, на начальном этапе «вынашивания» данной идеи, Лю Гучан предварительно обменялся мнением с И.А. Рогачевым, тогдашним послом РФ в КНР насчет того, как он относится к самой идее разработать и подписать между двумя странами Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве «в целях дальнейшего укрепления взаимного доверия и повышения уровня двусторонних отношений» [10, с. 14–16]. И судя по заявлению Лю Гучана, подобная инициатива китайской стороны на первоначальном этапе нашла понимание у И.А. Рогачева. И можно предположить, что о ней было доложено главе МИД РФ, а затем и политическому руководству страны.

После того как главы двух государств в июле 2000 г. договорились о разработке нового базового документа сразу же после окончания визита В.В. Путина в Пекин, дипломаты двух стран приступили к его составлению. О ходе работы над проектом будущего Договора нам дает некоторое представление И.А. Рогачев. По его оценке, эксперты РФ и КНР провели кропотливую работу на первоначальном этапе, чтобы иметь «видение» концепции будущего документа, опираясь на собственные интересы и международный опыт. Тем не менее, в ходе активного переговорного процесса как на уровне экспертов, так и заместителей министров иностранных дел, разногласия устранялись и удалось «достигнуть единства взглядов» по всем ключевым положениям будущего текста договора и его окончательно согласовать, который был подписан в Москве 16 июля 2001 г. В связи с его подписанием, как отмечал Рогачев, в «некоторых кругах муссировались различные слухи относительно текста документа, наличия якобы каких-то «секретных положений». Поэтому главы государств на июльской встрече в Москве «договорились опубликовать весь текст Договора сразу после его подписания», не дожидаясь ратификации парламентами, «хотя с юридической точки зрения он пока не являлся частью правовых систем России и Китая» [4, с.117–119].

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой не только оперативно был разработан сторонами, но и его быстро ратифицировали парламенты двух стран: 25 января 2002 г. Федеральным Собранием России, а в КНР – 27 октября 2001 г. решением Постоянного комитета ВСНП и постановлением Председателя КНР. Договор, рассчитанный на 20 лет, вступил в силу 28 февраля 2002 г. [11, с. 8].

Поскольку данный Договор открывал новый, более качественный этап в развитии российско-китайских отношений и оказал эффективное влияние на дальнейшее становление их правовой базы, коротко остановимся на основном его содержании [3, с. 347–354].

В статье первой в нем сформулированы основные цели и главные принципы отношений, на основании которых они будут осуществляться. «Договаривающиеся Стороны на долгосрочной основе всесторонне развивают отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования».

При этом Россия и Китай в своих взаимоотношениях не используют «силу или угрозу силой», не применяют экономические и другие способы давления, а спорные вопросы разрешают мирными средствами; уважают выбор каждой страной своего пути экономического, политического, социального, культурного развития с учетом внутренних условий.

Принципиально значимой для обоих государств и их народов являлась статья шестая, посвященная проблемам территориального размежевания, которая на протяжении длительного периода осложняла российско-китайские отношения. «Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение,

и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними».

В договоре провозглашен курс Китая и России на укрепление мер доверия в военной сфере, на неучастие в союзах и блоках и непринятие действий, «включая заключение» Соглашений с третьими странами, «наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности» другому государству.

Документ ориентирует оба государства на взаимные консультации в случае появления ситуации, когда одному из них будут затронуты интересы безопасности или угроза агрессии. Причем Россия и Китай, согласно Договору, выступают за соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против силового вмешательства во внутренние дела суверенных государств, за укрепление международного мира, стабильность, сотрудничество между странами.

Договор нацеливал на основе взаимной выгоды на эффективное сотрудничество между РФ и КНР во всех областях, в том числе в политической, экономической, военно-технической, космической, транспортной, энергетической, гуманитарной, включая сферу культуры, образования, здравоохранения, туризма, спорта [3, с. 347–354].

Договор, безусловно, является значимым базовым юридическим документом, направленным на доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие, на укрепление дружбы между РФ и КНР и их народами на длительную перспективу. Он высоко оценивался политиками и учеными двух стран. Например, в совместном заявлении В.В. Путина и Цзян Цзэминя после подписания Договора 16 июля 2001 г. отмечалось, что он является важной вехой в истории отношений между сторонами, программным документом и определяет развитие российско-китайских отношений в новом веке на основе исторического опыта. В нем обобщены главные принципы, дух, достижения российско-китайских отношений, в юридической форме закреплена мирная идеология двух государств и их народов: «Навеки друзья и никогда враги». В Договоре

подтверждены дружественные отношения двух государств нового типа, «строящимися на основе невступления в союз, неконфронтационности и ненаправленности против третьих стран» [12].

Российские политики, дипломаты и ученые также высоко оценивали значение Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР в целях дальнейшего развития отношений между двумя государствами. Например, академик М. Титаренко и старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Чрезвычайный и Полномочный посол В. Трифонов отмечали, что в нем определены основные принципы сотрудничества России и Китая на длительную перспективу, «обозначены векторы построения справедливого, демократического и политического международного порядка» [13].

На организованном Круглом столе Центром изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН в 2016 г., посвященного 15-летию заключения Договора, его участники отмечали, что он заложил фундамент, юридические основы «новой модели» отношений между РФ и КНР, придал им «импульс». В своем выступлении академик В.С. Мясников обратил внимание на то, что документ восстановил международно-правовые договорные основы, существовавшие на протяжении более трех веков, но на более качественных принципах, на доверительном партнерстве и стратегическом взаимодействии двух стран [11, с. 3–8].

Тем не менее, в отечественной литературе высказывались и критические замечания о содержании Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Так, после его подписания он вызвал «большой интерес и самые противоречивые комментарии в России и в мире, – отмечает А.В. Лукин. – Одни утверждали, что два бывших коммунистических гиганта идут к новому союзу, направленному против США и Запада. Другие же, напротив, заявляли, что документ чисто декларативен и не имеет практического значения. Оба эти мнения были поверхностными» [14].

Критически высказывался о Договоре и известный ученый-китаевед Ю.М. Галенович. По его мнению, он не в полной мере отвечал интересам

России, в том числе «не закрывал» пограничный вопрос, хотя в нем и зафиксировано, что у государств нет взаимных территориальных претензий. Однако наряду с критическими замечаниями Галенович усматривал в договоре и положительные стороны, благодаря которым в отношениях между лидерами двух стран создается определенная атмосфера доверия. Заявлено о намерениях «не вступать в конфронтацию между Россией и Китаем», не быть врагами, не заключать с третьими странами соглашений, направленных против партнера [15, с. 343 – 351].

Политики, дипломаты и исследователи Китая неоднократно отмечали особое значение Договора для долгосрочных двусторонних отношений двух стран. Так, посол КНР в РФ Чжан Дэгуан в 2002 г. признавал, что он «ясно определил статус наших отношений» на взаимное стратегическое партнерство и взаимодействие, на развитие долговременных и стабильных связей между народами, их дружбу [16, с. 30–31].

Об этом же писал в 2002 г. и заместитель председателя китайского Общества международных дружественных связей Ли Чаншунь, по мнению которого Договор как программный документ определял развитие российско-китайских отношений в новом веке, на основе исторического опыта и в юридической форме закреплял «мирную идеологию», дружбу двух стран и их народов [17, с. 46].

Председатель КНР Си Цзиньпин в интервью «Российской газете» в 2017 г. обращал особое внимание на значение Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР как юридическом базовом документе, закрепляющем идею о передаче дружбы из поколения в поколение между народами, нацеленного на защиту их коренных интересов [18].

Ведущие научные сотрудники Института новой истории Академии общественных наук КНР Сюе Сяньтянь и Луань Цзинхэ в статье, опубликованной в 2002 г., «История и современное состояние китайско-российских отношений: от трех союзов до «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», воздают должное последнему документу,

нацеленному на дальнейшее углубление отношений между двумя государствами [19, с. 26–38].

Молодой исследователь Ян Юйхэн считает договор 2001 г. как правовую базу «российско-китайского стратегического партнерства» на современном этапе [20].

Тем не менее, и в Китае наряду с позитивным настроем по отношению к Договору 2001 г. раздавались и критические оценки и прежде всего к зафиксированному в нем положению, что у обоих государств нет территориальных претензий. В публикуемых статьях, например, в Гонконге, в том числе и рассчитанных на жителей КНР, утверждалось, что Цзян Цзэминь совершил ошибку, соглашаясь на включение в текст Договора положение об «отсутствии взаимных территориальных претензий». Авторы этих публикаций призывали к пересмотру Договора от 16 июля 2001 г. и действующих российско-китайских соглашений о границе [21, с. 8], поскольку царская Россия на основе «неравноправных» договоров отторгла у Китая 1,5 млн. квадратных километров, которые необходимо вернуть.

По данным японского политолога, профессора, специалиста по российско-китайским отношениям о границе А. Ивасита, часть руководителей КНР «были настроены против подписания данного Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, ибо они опасались, что он «навсегда лишает Китай шанса вернуть себе российский Дальний Восток», земли, захваченные царской Россией, в том числе левый берег Амура и восточный берег Уссури [22, с. 99].

И, тем не менее, с нашей точки зрения, несмотря на некоторые критические высказывания относительно Договора 2001 г. как в РФ, так и в КНР он имеет важное значение в дальнейшем повышении уровня сотрудничества между двумя странами, в укреплении доверия между их народами и заметно способствовал расширению договорно-правовой базы российско-китайских отношений в XXI веке. Об этом свидетельствует и число подписанных документов РФ и КНР в рамках равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия.

В опубликованном в 2007 г. Министерством иностранных дел РФ сборнике документов о российско-китайских отношениях с 1999 по 2007 г. сказано, что за указанный период было заключено свыше 100 межправительственных и межгосударственных договоров [23, с. 19]. Это количество равнялось примерно числу подписанных документов в 1990е годы, хотя в отечественной литературе называлась и другая цифра. Например, в 2006 г. ответственный сотрудник администрации президента РФ С. Ливишин писал, что за последние 15 лет между РФ и КНР «была создана развитая договорно-правовая база двустороннего взаимодействия, насчитывающая более 180 соглашений на межправительственном и межгосударственном уровнях». Кроме того, 55 пар российских и китайских регионов и городов подписали документы о сотрудничестве [24, с. 11–12]. Несмотря на некоторое расхождение в приводимой официальной статистике двумя ведомствами, что можно объяснить хронологической нестыковкой, общая цифра подписанных российско-китайских межгосударственных, межправительственных соглашений будет достигать за период 2000 – первую половину 2007 г. примерно 100. А если к этой цифре добавить около 120 документов, заключенных двумя сторонами в 1990е годы, то с 1992 г. по 2007 г. общая численность российско-китайских соглашений составит приблизительно 220. Однако договорно-правовая база стратегического партнерства РФ и КНР продолжала расширяться и после 2007 г., о чем свидетельствуют документы, опубликованные в «Бюллетене международных договоров», издаваемом МИД РФ. По нашим подсчетам, со второй половины 2007 г. до середины 2017 г. в нем помещены до 53 межгосударственных и межправительственных документов, в том числе Соглашений, меморандумов, Протоколов, посвященных различным аспектам российско-китайских отношений, включая и ноты, которыми обменивались два внешнеполитических ведомства [25].

Суммируя вышеприведенную статистику, можно считать, что за 25 лет, с 1992 по 2017 гг. Россия и Китай подписали не менее 280 межгосударственных и межправительственных документов, большая часть которых, до 160, приходилась на XXI столетие. Конечно, подсчитанные

нами цифры являются приблизительными и скорее всего заниженными. Поскольку в отечественной литературе называется и другая статистика. Например, по сведениям доктора юридических наук, профессора, Чрезвычайного и Полномочного посла В. Лихачева, между РФ и КНР до 2015 г. подписано более 300 межправительственных и межгосударственных договоров и соглашений, «охватывающих практически все области сотрудничества» [26, с. 148–149].

То, что нынешняя договорно-правовая база российско-китайских отношений практически обеспечивает сотрудничество, взаимодействие во всех сферах, сомнений не вызывает, хотя и присутствует разница в уровне, масштабах, в отношениях, когда в одних областях документов подписано больше, в других – меньше. Для подкрепления сказанного, приведем некоторую статистику. Так, по нашим подсчетам, из 44 документов, подписанных РФ и КНР с 1999 г. по первую половину 2007 г. по 2 относились к сотрудничеству в финансовой сфере; в атомной энергетике, миграции, экологии; по одному документу – к таможенной и транспортной областям; три – посвящены научно-техническим связям; пять – касались урегулирования пограничного вопроса; шесть – посвящены организационным основам механизма регулярных встреч глав правительств; 7 – сотрудничеству в гуманитарной сфере; 8 – межрегиональным и пограничным связям; 5 – военно-техническим отношениям [23].

Из опубликованных в «Бюллетене международных договоров» 53 документов за первую половину 2007 г. до второй половины 2017 г., посвященных различным направлениям российско-китайского сотрудничества, по нашим подсчетам, 12 относились к энергетической сфере, в том числе 4 – в атомной, 3 – в газовой, 5 – в нефтяной; 9 – в гуманитарной; 4 – в финансовой; 6 – к межрегиональным, пограничным связям; по 3 – в экологической и в инвестиционной сферах; по 2 – в торговой и транспортной областях; 12 документов посвящены организационным основам механизма регулярных встреч глав правительств [25].

Приведенная статистика еще раз подтверждает, что в подписанных 97 межправительственных и межгосударственных документах с 1999 по 2017 г. между РФ и КНР, сотрудничество, действительно, развивалось во

всех сферах, причем на первом месте стояли области, связанные с экономикой, энергетикой, торговлей, финансовой сферами, число которых достигало 29, причем по энергетике – 14, на втором месте стояли соглашения в гуманитарной сфере – 16 и на третьем – документы о сотрудничестве на межрегиональном уровне и в Приграничных районах двух стран.

Знакомство с подписанными документами об отношениях РФ и Китая в XXI веке выявляет заметное повышение числа межведомственного и корпоративного характера соглашений по сравнению с 1990-ми годами. Причем иногда десятки документов подписывались сторонами, обычно, как и ранее, в периоды взаимных официальных визитов глав государств и премьеров двух стран. В этой связи приведем некоторые данные, дополнительно подтверждающие масштабы российско-китайского сотрудничества во многих областях.

Так, во время официального визита Президента РФ В.В. Путина в КНР 14–16 октября 2004 г. было подписано 14 документов, в том числе Дополнительное Соглашение о российско-китайской государственной границе на ее восточной части; о завершении переговоров с КНР об условиях вступления России в ВТО; о стратегическом партнерстве между ОАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией [27, с. 27].

1–3 июля 2005 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао совершил официальный визит в РФ, по итогам которого также был подписан солидный пакет документов, включавший, прежде всего, документы межведомственного и корпоративного характера, в том числе Протокол о создании Китайской нефтяной компанией Sinopec СП с «Роснефтью» для геологической разведки Венинского блока в рамках нефтяного проекта «Сахалин-3» [28, с. 71].

В период государственного визита Президента РФ В.В. Путина в КНР 21–22 марта 2006 г., по разным оценкам, было подписано от 22 до 29 документов о российско-китайском сотрудничестве в различных сферах, в том числе в торгово-экономической, энергетической, финансовой [29; 30, с. 34–37].

Во время официального визита председателя КНР в РФ Ху Цзиньтао 26 марта 2007 г., который вместе с Президентом В. Путиным открыл в Москве год Китая в России, было подписано до 20 соглашений, в основном корпоративного типа, на общую сумму 4,3 млрд. долларов. Например, компания «Северосталь» заключила контракт по импорту сталелитейной продукции и экспорту огнестойких материалов с компанией КНР по экспорту и импорту металлов и минералов; Новолипецкий металлургический комбинат подписал Соглашение с Шэньянским ООО «Трансформатор ТВП» о долгосрочной закупке стали; компания «Роснефть» заключила договор с китайской компанией «Авиаэнергия» о поставках авиакеросина; Федеральное космическое ведомство РФ и Китайская национальная космическая администрация подписали документ «О сотрудничестве в области исследования космоса»; Федеральная Таможенная служба России и Государственное Таможенное управление Китая подписали Протокол «Об организации экспериментального обмена информацией во взаимной торговле»; Сберегательный банк РФ заключил соглашение о сотрудничестве с Государственным банком развития Китая [31; 32].

В ходе визита в КНР 23–24 мая 2008 г. Президента РФ Д.А. Медведева стороны подписали пакет документов по сотрудничеству, в том числе и в энергетической сфере [33, с. 63]. Визит премьера Государственного Совета КНР в РФ Вэнь Цзябао 28 октября 2008 г. и его переговоры с главой правительства России В.В. Путиным сопровождались также подписанием соглашений, главным образом корпоративного характера. Например, президент компании «Транснефть» Токарев подписал контракт с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией «О принципах строительства и эксплуатации нефтепровода «Сковородино–граница КНР» [34].

По итогам официального визита в КНР Президента РФ Д.А. Медведева в конце сентября 2010 г. и его переговоров с председателем Ху Цзиньтао Стороны подписали 10 документов о сотрудничестве в самых различных областях [35]. Во время визита Президента РФ В.В. Путина в КНР в июне

2012 г. было подписано более 20 документов, направленных на расширение отношений между двумя странами [36, с. 51].

По итогам визита Президента РФ В. Путина в КНР 21 мая 2014 г. в Шанхай и его переговоров с руководителями Китая было заключено рекордное количество интеграционных документов между странами – 51. В денежном выражении, по данным «Российской газеты», они оценивались десятками миллиардов долларов [37; 38, с. 5–6].

Председатель КНР Си Цзиньпин в мае 2015 г. участвовал в торжественных мероприятиях в Москве, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. По итогам визита и его переговоров с руководителями РФ Стороны подписали свыше 30 документов о российско-китайском сотрудничестве [39].

«Урожайным» оказался и на количество подписанных российско-китайских соглашений и официальный визит Президента России В.В. Путина в КНР 25 июня 2016 г., по результатам которого было подписано 37 документов [40, с. 8–9].

В этом же году, 7 ноября, на состоявшейся регулярной встрече глав правительств в Санкт-Петербурге Д.А. Медведева и премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна было подписано 23 документа. Большинство из них относились к меморандумам между различными ведомствами, в том числе о сотрудничестве в энергетической, финансовой, таможенной сферах [41]. Таким образом, в 2016 г. по итогам взаимных визитов руководителей двух стран было подписано 60 документов. Не стал исключением на количество заключенных документов и 2017 г. По результатам переговоров Президента РФ В.В. Путина с председателем КНР Си Цзиньпинем, прибывшего с официальным визитом в Москву 3 июля 2017 г., было подписано около 20 документов [42]. В ходе государственного визита в КНР Президента РФ В.В. Путина в начале июня 2018 г. был также заключен обширный пакет соглашений, в том числе о российско-китайском сотрудничестве в области торговли, энергетике, транспорта [42].

Из выше представленного материала можно сделать вывод, что на втором этапе российско-китайских отношений, с 2000 по 2017 г. в целях реализации Договора 2001 г. в рамках доверительного, равноправного

партнерства и стратегического взаимодействия две страны подписали сотни разного характера соглашений, в том числе примерно 200 межгосударственных и межправительственных документов, а большинство из них относились к межведомственным и корпоративным.

Принятие сторонами столь солидного пакета документов в указанный период объясняется еще и тем, что политическое руководство РФ и КНР, кроме заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами в июле 2001 г. принимало меры о наполнении его конкретным содержанием, чтобы сформулированные в нем цели и задачи не оставались на бумаге, а выполнялись. Так, 14 октября 2004 г. Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао утвердили План по реализации Договора на период 2005–2008 годов [23, с. 297–316]. В нем предусматривалось осуществление широкого комплекса мероприятий во всех областях: политической, экономической, оборонной, правоохранительной и в международной сферах. И после 2008 г. План действий по реализации положений Договора 2004 г. неоднократно продлевался: на период 2008–2012 гг. и 2013–2016 гг. [26, с. 148–149].

В свете изложенного, можно считать, что за четверть века, с 1992 г. по 2017 г., сформировалась солидная договорно-правовая база российско-китайских отношений. Хотя точное количество подписанных документов РФ и КНР мы не можем назвать, ибо эта тема требует самостоятельного исследования с привлечением текущих архивных материалов, тем не менее мы допускаем – их было заключено более тысячи, в том числе не менее 300 межгосударственных, межправительственных документов, а подавляющее большинство из них относились все же к межведомственным и корпоративным, коммерческим. Думается, что на нынешнем этапе у Российской Федерации нет такой мощной договорно-правовой базы о сотрудничестве ни с одним иностранным государством. Причем формирование договорно-правовой основы в отношениях РФ и КНР шло по нарастающей, поступательной ступени. Если в 1990^{е} годы было подписано свыше 100 межгосударственных и межправительственных соглашений, а межведомственных, корпоративных – десятки, то в начале XXI века – соответственно 200 и сотни, если не тысячи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Российская газета. 2017. 3 июля; 2018. 7 июня.

2. Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М., 1999. С. 3.

3. Россия и Китай: сборник документов. 1991-2006 / [сост. и авт. предисл. И.И. Климин]. СПб., Изд-во Политехнического ун-та, 2007. – 474 с. – ISBN 5-7422-1455-3. – С. 290–297.

4. **Рогачев И.А.** Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века: моногр. – Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока РАН. – М., 2005. ISBN 5-206-00655-6.

5. **Лунев С.И.** Вызовы безопасности южных границ России. Серия: науч. доклады, Вып. 76. – Ин-т востоковедения РАН. – М, 1999. – 245 с. – ISBN 5-89554-069-4.

6. **Рахманин О.Б.** К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных событий. – изд. 2., дораб. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 426 с. ISBN 5-8381-0029-X

7. **Якубовский В.Б.** Трансформация международных отношений в восточной Азии: российско-китайское измерение // Россия и Китай в условиях глобализации. М., 2005. С. 142 и др.

8. **Моисеев Л.** Россия и Китай на пороге нового старта (к итогам визита Президента РФ В.В. Путина в КНР) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 5. С. 16-23

9. **Кузык Б.Н.**, **Титаренко М.Л.** Китай – Россия. 2050: стратегия соразвития. М.: Институт Дальнего Востока РАН, Институт экономических стратегий, 2006. 654 с. ISBN: 5-93618-095-6..

10. **Лю Гучан.** Воздавая должное Договору Века, достичь новых высот в китайско-российских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4. С.13-19. ISSN: 0131-2812

11. **Мясников В.С.** выступление на Круглом столе «Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 5-43 ISSN: 0131-2812

12. Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 12.

13. **Титаренко М.Л., Трифонов В. И.** Надежная основа российско-китайского стратегического партнерства, дружбы и сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С.3-13. ISSN: 0131-2812.

14. Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. С. 329.

15. **Галенович Ю. М.** Подводные камни договора // Азия и Африка сегодня. 2002. № 5. С. 47–49

16. **Чжан Дэгуан.** Широкие перспективы китайско-российских отношений (к первой годовщине заключения Договора о добрососедстве, дружбе и

сотрудничестве между КНР и РФ): пер. с кит. В. Барышникова // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 30-34.
17. Ли Чаншунь. Российско-китайские отношения в наступившем XXI веке поднимутся на качественно новый уровень // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 2. С. 43-52.
18. Российская газета. 2017. 3 июля.
19. Сюе Сяньтянь, Луань Цзинхэ. История и современное состояние китайско-российских отношений: от трех союзов до «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»: пер. с кит. А. Свешников // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 26-38.
20. Юйхэн Ян. Договор 2001 г. как правовая основа российско-китайского стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 22-34 ISSN: 0131-2812
21. Гончаров С., Ли Даньхуэй. «О территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 117-130.
22. Ивасита А. Вокруг проблемы российско-китайской границы // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 2. С. 97-104 ISSN: 0131-2227.
23. Сборник российско-китайских документов. 1999–2007. М., 2007.
24. Ливишин С. В. 2006 год – год России в Китае. Новое качество партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 11-21. ISSN: 0131-2812
25. Подсчитано по: Бюллетень международных договоров. 2007–2017. № 1–12.
26. Лихачев В.Н. Россия и Китай: вектор международного права // Международная жизнь. 2015. № 10.С. 148-156 ISSN: 0130-9625 eISSN: 0130-9625
27. Внуков К. Россия – Китай: углубление партнерства и взаимодействия (к итогам визита Президента РФ В.В. Путина в КНР) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 26-28.
28. Кашин В. Российско-китайские отношения в 2005 году // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 71-73. ISSN: 0131-2812
29. Российская газета. 2006. 22 марта;
30. Интервью посла КНР Лю Гучана журналу «Международная жизнь». 2007. № 5.
31. Российская газета. 2007. 28 марта;
32. Коммерсантъ. 2007. 27 марта.
33. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии: монография. – М. ИДВ РАН, 2015. 280 с. ISBN: 978-5-8381-0297-3
34. Коммерсантъ. 2008. 29 октября.
35. Российская газета. 2010. 28 сентября.
36. Кузнечевский В. Д. Россия между Китаем и США // Международная жизнь. 2012. № 7. С. 51-63 ISSN: 0130-9625eISSN: 0130-9625
37. Российская газета. 2014. 22 мая;
38. Российская газета. 2015. 27 марта. Приложение. Дыхание Китая. № 64.
39. Российская газета. 2015. 3 сентября.

40. Портяков В. Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 4-12 ISSN: 0131-2812
41. Коммерсантъ. 2016. 8 ноября.
42. Российская газета. 2017. 5 июля.

REFERENCES:

1. *Rossiiskaia gazeta*, 3 July 2017, accessed 7 June 2018.
2. *Sbornik rossiisko-kitaiskikh dogovorov*, 1949–1999, Moscow, 1999, p. 3.
3. *Rossiia i Kitai: sbornik dokumentov*, 1991-2006, [sost. i avt. predisl. I.I. Klimin], St.Petersburg, Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta, 2007, 474 p., ISBN 5-7422-1455-3.
4. Rogachev I.A. *Rossiisko-kitaiskie otnosheniia v kontse KhKh – nachale XXI veka*: monografiia, Ros. akad. nauk, In-t Dal. Vostoka RAN, Moscow, 2005, ISBN 5-206-00655-6.
5. Lunev S.I. *Vyzovy bezopasnosti iuzhnykh granits Rossii. Seriia: nauch. doklady*, Vol. 76, In-t vostokovedeniia RAN, Moscow 1999, 245 p., ISBN 5-89554-069-4.
6. Rakhmanin O.B. *K istorii otnoshenii Rossii-SSSR s Kitaem v KhKh veke. Obzor i analiz osnovnykh sobytii*, izd. 2., dorab., Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2000, 426 p., ISBN 5-8381-0029-Kh.
7. Iakubovskii V.B. *Transformatsiia mezhdunarodnykh otnoshenii v vostochnoi Azii: rossiisko-kitaiskoe izmerenie*, Rossiia i Kitai v usloviiakh globalizatsii, Moscow, 2005, p. 142 i dr.
8. Moiseev L. *Rossiia i Kitai na poroge novogo starta (k itogam vizita Prezidenta RF V.V. Putina v KNR)*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2000, No 5, pp. 16-23.
9. Kuzyk B.N., Titarenko M.L. *Kitai – Rossiia. 2050: strategiia sorazvitiia*, Moscow. Institut Dal'nego Vostoka RAN, Institut ekonomicheskikh strategii, 2006, 654 p., ISBN: 5-93618-095-6.
10. Liu Guchan. *Vozdavaia dolzhnoe Dogovoru Veka, dostich' novykh vysot v kitaisko-rossiiskikh otnosheniiakh*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2006, No 4, pp.13-19, ISSN: 0131-2812.
11. Miasnikov V.S. *Vystuplenie na Kruglom stole «Rossiisko-kitaiskie otnosheniia na sov-remennom etape. K 15-letiiu podpisaniia Dogovora o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdu RF i KNR*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2016, No 4, pp. 5-43, ISSN: 0131-2812.
12. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2001, No 5, p. 12.
13. Titarenko M.L., Trifonov V. I. *Nadezhnaia osnova rossiisko-kitaiskogo strategicheskogo partnerstva, druzhby i sotrudnichestva*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2011, No 3, pp.3-13, ISSN: 0131-2812.
14. *Rossiia i Kitai. Chetyre veka vzaimodeistviia. Istoriia, sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia rossiisko-kitaiskikh otnoshenii*, edited by A.V. Lukin, Moscow, Ves' mir, 2013, p. 329.
15. Galenovich Iu. M. *Podvodnye kamni dogovora*, Aziia i Afrika segodnia, 2002, No 5, pp. 47–49.

16. Chzhan Deguan *Shirokie perspektivy kitaisko-rossiiskikh otnoshenii (k pervoi godovshchine zakliucheniia Dogovora o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdu KNR i RF)*, translated by V. Baryshnikova, Problemy Dal'nego Vostoka. 2002. № 4. S. 30-34.
17. Li Chanshun' *Rossiisko-kitaiskie otnosheniia v nastupivshem XXI veke podnimutsia na kachestvenno novyi uroven'*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2002, No 2, pp. 43-52
18. Rossiiskaia gazeta, 3 July 2017.
19. Siue Sian'tian', Luan' Tszinkhe *Istoriia i sovremennoe sostoianie kitaisko-rossiiskikh otnoshenii: ot trekh soiuzov do "Dogovora o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve"*, translated by A. Sveshnikov, Problemy Dal'nego Vostoka, 2002, No 5, pp. 26-38.
20. Iuikhen Ian *Dogovor 2001 g. kak pravovaia osnova rossiisko-kitaiskogo strategicheskogo partnerstva*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2015, No 4, pp. 22-34, ISSN: 0131-2812.
21. Goncharov S., Li Dan'khuei *"O territorial'nykh pretenziiakh» i «neravnopravnykh dogovorakh" v rossiisko-kitaiskikh otnosheniiakh: mify i real'nost'*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2004, No 4, pp. 117-130.
22. Ivasita A. *Vokrug problemy rossiisko-kitaiskoi granitsy*, Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, 2005, No 2, pp. 97-104, ISSN: 0131-2227.
23. *Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov*, 1999–2007, Moscow, 2007.
24. Livishin S. V. *2006 god – god Rossii v Kitae. Novoe kachestvo partnerstva*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2006, No 1, pp. 11-21, ISSN: 0131-2812.
25. *Podschitano po: Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2007–2017, No 1–12
26. Likhachev V.N. *Rossiia i Kitai: vektor mezhdunarodnogo prava*, Mezhdunarodnaia zhizn', 2015, No 10, pp. 148-156, ISSN: 0130-9625 eISSN: 0130-9625.
27. Vnukov K. *Rossiia – Kitai: uglublenie partnerstva i vzaimodeistviia (k itogam vizita Prezidenta RF V.V. Putina v KNR)*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2004, No 6, pp. 26-28.
28. Kashin V. *Rossiisko-kitaiskie otnosheniia v 2005 godu*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2006, No 3, pp. 71-73, ISSN: 0131-2812.
29. *Rossiiskaia gazeta*, 22 March 2006.
30. *Interv'iu posla KNR Liu Guchana zhurnalu "Mezhdunarodnaia zhizn'"*, 2007, No 5
31. *Rossiiskaia gazeta*, 28 March 2007.
32. *Kommersant*, 27 March 2007.
33. Portiakov V.Ia. *Vneshniaia politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v XXI stoletii*: monografiia, Moscow, IDV RAN, 2015, 280 p., ISBN: 978-5-8381-0297-3.
34. *Kommersant*, 29 October 2008.
35. *Rossiiskaia gazeta*, 28 September 2010.
36. Kuznechevskii V. D. *Rossiia mezhdu Kitaem i SShA*, Mezhdunarodnaia zhizn', 2012, No 7, pp. 51-63, ISSN: 0130-9625eISSN: 0130-9625.
37. *Rossiiskaia gazeta*, 22 May 2014.
38. *Rossiiskaia gazeta*, 27 March 2015, Prilozhenie, Dykhanie Kitaia, No 64.

39. *Rossiiskaia gazeta*, 3 September 2015.
40. Portiakov V. Ia. *Vneshniaia politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v 2016 g.*, Problemy Dal'nego Vostoka, 2017, No 1, pp. 4-12, ISSN: 0131-2812.
41. *Kommersant*, 8 November 2016.
42. *Rossiiskaia gazeta*, 5 July 2017.

KLIMIN Ivan I. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: kmo@spbstu.ru.

THE FORMATION OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

The article discusses the formation of the legal framework in relations between Russia and China at the present stage. The characteristic of two periods of its formation is given; the most significant documents are analyzed.

RUSSIA; CHINA; LEGAL FRAMEWORK; AGREEMENT; DOCUMENT; SOURCE

УДК 327
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.06

Г. Н. Матвеев

ИТОГИ ЭКСТРЕННОГО САММИТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 25 НОЯБРЯ 2018 ГОДА

МАТВЕЕВ Георгий Николаевич – магистрант кафедры «Мировая политика» факультета Международных отношений и политических исследований. Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.
д. 57/43, Средний пр. В.О., Санкт-Петербург, 199178, Россия.
E-mail: egchjoker@gmail.com.

Статья посвящена анализу экстренного саммита ЕС, прошедшего в Брюсселе 25 ноября 2018 года. Этот саммит является одним из ключевых моментов в процессе выхода Великобритании из Европейского союза, который должен начаться с переходного периода 29 марта 2019 года. В рамках саммита лидеры 27 европейских стран (EU27) обсуждали черновик договора, который будет регулировать отношения Соединенного Королевства и Евросоюза после начала переходного периода.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ; ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, БРЕКСИТ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЫХОД СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ИЗ ЕВРОСОЮЗА

В процессе выхода Соединенного Королевства из Европейского союза одним из основных факторов стала способность договориться, именно это отличает «жесткий» Брексит от «мягкого». При оформлении «договора о выходе» Великобритания без сомнений понесет убытки, но гораздо меньшие, чем при выходе без какого-либо договора вообще. В связи с этим, была необходимость в составлении проекта такого договора, учитывая сроки, это необходимо было сделать до конца 2018 года, для того чтобы успеть до 29 марта 2019. С целью ускорить процесс, Дональд Туск созвал экстренный внеочередной саммит для «окончательной доработки и оформления» договора, регулирующего отношения после формального выхода Великобритании из ЕС.

Председатель Европейского совета также отметил, что, несмотря на то, что он не разделяет энтузиазма Терезы Мэй по поводу Брексита, он будет стремится сделать выход как можно менее болезненным, так как сам процесс, по его мнению, был изначально проигрышным для обеих сторон. Перед саммитом обеспокоенность высказывал и Мишель Барнье, главный переговорщик от ЕС по Брексит, он отмечал позитивную динамику, но вместе с этим и достаточно большой объем работы впереди и «долгий путь, который необходимо пройти обеим сторонам процесса» [1]. Кроме того, перед саммитом отмечались ключевые цели, которые были поставлены еще два года назад:

- свести к минимуму неопределенность и ущерб, вызванный процессом выхода, для граждан ЕС, предприятий и государств-членов;
- урегулировать статус граждан ЕС, которые живут, работают и учатся в Великобритании с получением взаимных гарантий;
- избежать жесткой границы между Северной Ирландией и Ирландией;
- проследить, чтобы Соединенное Королевство выполняло все взятые на себя финансовые обязательства.

По заверению Дональда Туска в приглашении, направленном странам-членам ЕС, все эти цели были выполнены в процессе составления соглашения о выходе, который является «лучшим из возможных» компромиссов, найденных за это время [2].

В ходе саммита главным итогом стало одобрение лидерами EU27 соглашения о выходе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из состава Европейского союза и ЕВРАТОМ. Европейский совет одобрил политическую декларацию, в которой излагаются основы будущих отношений между Европейским союзом и Соединенным Королевством. Европейский совет вновь подтвердил, что сделает всё возможное для тесного партнерства с Великобританией в будущем. Дональд Туск резюмировал: «впереди сложный процесс ратификации, а также дальнейшие переговоры. Но независимо от того, как все это закончится, одно можно сказать наверняка: мы останемся друзьями до конца дней и на один день дольше» [3]. В связи с этим можно утверждать, что ЕС со своей стороны делает всё, чтобы сохранить отношения с важнейшим партнером в будущем. Но это не означает, что

ключевые проблемы позади, все еще не до конца ясен статус Гибралтара. В декларации указывается [4], что в соглашении о выходе не будет указан Гибралтар, вместо этого предлагается заключить отдельный договор между ЕС и Великобританией, но с предварительного одобрения Испании, в соответствии со статьей 4 Договора о Европейском союзе. Идет речь о возможных трехсторонних договоренностях между ЕС, Испанией и Великобританией, но формально ничего не оформлено и вполне возможно, что проблема просто откладывается, а не решается. В какой-то момент Педро Санчес, председатель правительства Испании, фактически угрожал бойкотировать переговоры по выходу Великобритании из-за Гибралтара, но после экстренного саммита появилась информация о возможном продвижении в вопросе статуса заморской территории, хотя присутствует вариант, при котором проблема пока замалчивается и её решение отложено на более поздний срок. Тереза Мэй указала на то, что позиция Великобритании по вопросу суверенитета не поменялась и не поменяется, несмотря на разговоры.

Кроме проблемы статуса Гибралтара, существует реальная внутренняя угроза срыва соглашения по выходу, которая исходит от парламента Великобритании. По предварительным данным, голосование за проект договора о выходе, уже одобренного на экстренном саммите ЕС, пройдет 10 или 11 декабря, за пару дней до следующего саммита ЕС, который пройдет 13 декабря. С большой долей вероятности предложение Терезы Мэй будет отклонено, несмотря на слова Жана-Клода Юнкера, председателя Европейской комиссии о том, что нынешний черновик договора является лучшим и единственно возможным из всех. Тереза Мэй, в свою очередь, признает, что провал возможен и необходимо просчитать все риски, и тем, кто планирует голосовать против, нужно подумать прежде всего о гражданах Великобритании и последствиях, которые грядут при отклонении существующего проекта договора. В «письме к нации» Мэй заявила, что выход из ЕС 29 марта 2019 года ознаменует собой «новую главу для Великобритании», и после жестких переговоров с Европой будет «обновление отношений и примирение» [5]. По всей видимости у Мэй и переговорщиков от ЕС есть «план Б» на случай отклонения договоренностей в парламенте. Это приведет к реализации «норвежского стиля» отношений с Брюсселем, где страна придерживается правил ЕС, остается в едином рынке и таможенном союзе. Министр

иностранных дел Великобритании Джереми Хант признал, что правительство может распасться, если проект договора о Брексит будет отклонен. Поскольку это будет одним из ключевых моментов в процессе выхода Великобритании из ЕС, его опасения не лишены оснований, опасность состоит еще и в том, что лидеры стран-членов ЕС после непринятия договора британским парламентом могут не пойти на большие уступки и фактически «война на два фронта» Терезы Мэй может закончится выходом без договоренностей.

В контексте анализа итогов саммита 25 ноября, отдельно можно выделить «ирландскую проблему». Премьер-министр Ирландии Лео Варадкар подтвердил, что одобренная ЕС сделка полностью отвечает нуждам Ирландии и включает в себя необходимые гарантии касательно ирландской границы, по его мнению, это «один из лучших дней в политике». Проект договора предусматривает защиту мирного процесса, Белфастского соглашения, рабочих мест, торговли и экономики [6]. В начале ЕС предлагал Северной Ирландии остаться в таможенном союзе и едином рынке, что встретило резкую критику Терезы Мэй, после этого Евросоюз пошел на компромисс и предложил всей Великобритании остаться в таможенном союзе, а Ирландии соблюдать правила единого рынка. Кроме «ирландской проблемы» в договоре ключевыми вопросами являются права граждан ЕС в Великобритании, которых на территории Соединенного Королевства проживает больше 3 миллионов человек. Тереза Мэй изначально хотела договориться на равные права для граждан ЕС только для тех, кто приехал до 29 марта 2019 года, но Евросоюз настоял на своем и равными правами, как и до событий Брексит будут обладать граждане ЕС, въехавшие в страну до окончания переходного периода, то есть как минимум до 2021 года. Также обсуждалась и сумма, которую должна будет уплатить Великобритания за выход из состава союза. Звучали суммы от нуля, так как в договорах ЕС нет ничего про своеобразные «контрибуции», до 100 миллиардов фунтов стерлингов, где именно эта сумма покроет расходы. По пункту средств удалось договориться на 39 миллиардов фунтов стерлингов, которые покроют взносы Великобритании в бюджет ЕС до 2020 года [7].

Великобритания надеется не только поддерживать существующий уровень безопасности и международного сотрудничества, но и повысить свой статус. Как отметил премьер-министр Люксембурга: «когда

Великобритания находилась в ЕС, она имела ряд исключений, теперь, когда они за пределами, они хотят получить привилегии». По итогам экстренного саммита 25 ноября можно сделать основной вывод о том, что со стороны Евросоюза Великобритания смогла договориться и предварительно оформить договор, формирующий отношения Соединенного Королевства и ЕС до и после окончательного выхода страны из союза. Такого нельзя сказать о внутригосударственном настроении, учитывая желания ряда политических сил Великобритании, скорее всего страну ждут еще очень тяжелые переговоры, в которых Терезе Мэй придется договариваться сразу на две стороны. Не исключено, что при провале одобренного плана на голосовании в парламенте 11 декабря, договора как такового вообще не будет и ситуация примет иной оборот. Против Мэй также сыграли и слова Дональда Трампа, который выразил обеспокоенность по поводу возможности Великобритании торговать с США в рамках «договора о выходе», он указал на то, что сделка хороша для Евросоюза, но у британцев должны быть к ней вопросы [8].

Суммируя, можно выделить несколько дальнейших вариантов развития ситуации: первый, самый простой и маловероятный вариант – это колоссальная работа Терезы Мэй, которая сможет заставить голосовать 11 декабря ровно наоборот, поскольку уже сейчас понятно, что сделку отклонят в парламенте, а ближайшие поездки Мэй в Уэльс и Шотландию не изменят общей расстановки сил; вторым вариантом может стать реформирование проекта договора, а после, его одобрение EU27 и парламентом. Этот вариант имеет несколько большие шансы на реализацию, не учитывая то, что ЕС было сказано о единственно возможном договоре, который и был представлен на саммите 25 ноября; третий вариант, о котором в последнее время спрашивают Терезу Мэй все чаще, – это вариант применения «норвежской модели», премьер-министр его отрицает, но отсутствие должного «договора о выходе» может подтолкнуть и к использованию данной модели отношений с Европейским союзом. Кроме этого, существует и четвертый вариант, при котором договор как таковой отсутствует, а Соединенному Королевству каким-то образом придется выходить из сложившейся ситуации, заключая сделки, по словам Мэй, по всему миру, а также решать «ирландскую» проблему и проблему статуса Гибралтара, поскольку без договора эти вопросы лишь обострятся.

Так или иначе, если у Терезы Мэй действительно нет, как она утверждает, «плана Б», то в плане достижения результата Великобритания и ЕС еще дальше, чем говорил об этом Мишель Барнье. И возникает необходимость в еще более серьезной работе, для того, чтобы после выхода Соединенного Королевства из Евросоюза обе стороны остались «добрыми друзьями».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. D. Boffey, J. Rankin, “Summit to finalise Brexit deal to be held on 25 November”, The Guardian, [Эл. ресурс], 15 ноября 2018. – URL: https: //www.theguardian.com/world/2018/nov/15/brexit-summit-finalise-deal-donald-tusk.

2. Приглашение Д. Туска на экстренный саммит ЕС, Официальный сайт Европейского совета, [Электронный ресурс], 24 ноября 2018. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/11/24/invitation-letter-by-president-donald-tusk-to-the-members-of-the-european-council-art-50-ahead-of-their-special-meeting-on-25-november-2018/ – (дата обращения: 26.11.2018).

3. Комментарий Д. Туска по завершению экстренного саммита ЕС, Официальный сайт Европейского совета, [Эл. ресурс], 25 ноября 2018. – URL: https: //www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/11/25/remarks-by-president-donald-tusk-after-the-european-council-art-50-meeting/# (дата обр.: 26.11.2018).

4. Декларация, посвященная соглашению о выходе Великобритании из ЕС, Официальный сайт Европейского совета, [Эл.ресурс], 25 ноября 2018. – URL: https: //www.consilium.europa.eu/media/37102/xt20017-en18.pdf (дата обр.: 26.11.2018).

5. «Письмо к нации» Терезы Мэй, BBC, [Электронный ресурс], 25 ноября 2018. – URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-46333338 – (дата обращения: 26.11.2018).

6. L. O’Carrol, “Irish PM heralds 'pretty good' day as he secures Brexit guarantee”, The Guardian, [Эл. ресурс], URL: https: // www.theguardian.com/world/2018/nov/14/ireland-hardening-irish-sea-border-brexit (дата обр.: 26.11.2018).

7. D. Boffey, J. Rankin, “Brexit deal explained: backstops, trade and citizens' rights”, The Guardian, [Электронный ресурс], 25 ноября 2018. – URL: https://www.theguardian.com/politics/2018/nov/25/may-brexit-deal-explained-eu-withdrawal-agreement-trade-backstop-citizens-rights – (дата обращения: 26.11.2018).

8. D. Sabbagh, J. Elgot, P. Crerar, “Brexit deal: Theresa May gives herself two weeks to win over MPs”, The Guardian, [Электронный ресурс], 26.11.2018. – URL: https://www.theguardian.com/politics/2018/nov/26/11-december-named-as-date-for-mps-vote-on-mays-brexit-deal (дата обращения: 27.11.2018).

REFERENCES:

1. D. Boffey, J. Rankin *“Summit to finalise Brexit deal to be held on 25 November”*, The Guardian, available at https://www.theguardian.com/world/2018/nov/15/brexit-summit-finalise-deal-donald-tusk (accessed 26 November 2018).

2. Priglashenie D. *Tuska na ekstrennyi sammit ES*, Ofitsial'nyi sait Evropeiskogo soveta, available at https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/11/24/invitation-letter-by-president-donald-tusk-to-the-members-of-the-european-council-art-50-ahead-of-their-special-meeting-on-25-november-2018/.
3. Kommentarii D. *Tuska po zaversheniiu ekstrennogo sammita ES*, Ofitsial'nyi sait Evropeiskogo soveta, available at https: //www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/11/25/remarks-by-president-donald-tusk-after-the-european-council-art-50-meeting/# (accessed 26 November 2018).
4. *Deklaratsiia, posviashchennaia soglasheniiu o vykhode Velikobritanii iz ES*, Ofitsial'nyi sait Evropeiskogo soveta, available at https: // www.consilium.europa.eu/media/37102/xt20017-en18.pdf (accessed 26 November 2018)
5. *"Pis'mo k natsii" Terezy Mei*, BBC, available at https://www.bbc.com/news/uk-politics-46333338 (accessed 26 November 2018).
6. L. O'Carrol *"Irish PM heralds 'pretty good' day as he secures Brexit guarantee"*, The Guardian, available at https: //www.theguardian.com/world/2018/nov/14/ireland-hardening-irish-sea-border-brexit (accessed 26 November 2018).
7. D. Boffey, J. Rankin *"Brexit deal explained: backstops, trade and citizens' rights"*, The Guardian, available at https://www.theguardian.com/politics/2018/nov/25/may-brexit-deal-explained-eu-withdrawal-agreement-trade-backstop-citizens-rights (accessed 26 November 2018).
8. D. Sabbagh, J. Elgot, P. Crerar *"Brexit deal: Theresa May gives herself two weeks to win over MPs"*, The Guardian, available at https: //www.theguardian.com/politics/2018/nov/26/11-december-named-as-date-for-mps-vote-on-mays-brexit-deal (accessed 27 November 2018).

MATVEEV Georgii N. – North-West Institute of Management, branch of RANEPA. 57/43, Sredny pr. V.O., St. Petersburg, Russia, 199178. E-mail: egchjoker@gmail.com.

THE EUROPEAN UNION EMERGENCY SUMMIT RESULTS, NOVEMBER 25, 2018

The article is devoted to the analysis of an emergency EU summit held in Brussels on November 25, 2018. This summit is one of the key points in the process of leaving the UK from the European Union, which should begin with a transition period on March 29, 2019. At the summit, the leaders of 27 European countries (EU27) discussed a draft treaty that would regulate relations between the United Kingdom and the European Union after the start of the transition period.

EUROPEAN UNION; UNITED KINGDOM; BREXIT; INTERNATIONAL RELATIONS; UNITED KINGDOM WITHDRAWAL FROM THE EUROPEAN UNION

УДК 323.1
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.07

О. А. Семернина

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СААМОВ ФИНЛЯНДИИ: УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

СЕМЕРНИНА Ольга Александровна – студентка 1 курса магистратуры по направлению «Зарубежное регионоведение» кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: semernina.o@edu.spbstu.ru.

Саамы являются малочисленным коренным народом четырех стран – Финляндии, Швеции, Норвегии и России. Из-за проводимой политики интеграции возникла угроза потери национальной идентичности саамского народа. В данной работе рассматриваются этапы становления и развития правового статуса саамов в Финляндии на рубеже XX–XXI вв. и в настоящее время, а также отмечаются возможные проблемы и факторы, негативно влияющие на сохранение и развитие саамской культуры.

СААМЫ; ФИНЛЯНДИЯ; НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ; МАЛОЧИСЛЕННЫЙ КОРЕННОЙ НАРОД; ПРАВОВОЙ СТАТУС; ПАРЛАМЕНТ СААМОВ; СААМСКАЯ КУЛЬТУРА

В настоящее время прослеживаются тенденции к созданию общеэкономических пространств, стиранию границ, что предполагает интенсивную интеграцию культур. В связи с этим у многих народов мононациональных государств[1] (Финляндия, Швеция) есть опасения по

[1] Мононациональное государство – государство, в котором проживает незначительное количество представителей некоренных наций, не оказывающих влияния на национально языковую ситуацию в стране. Соответственно представителей титульной нации проживает большинство. / Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2010.

поводу утраты национальной идентичности.[2] Остро стоит вопрос о положении коренных малочисленных народов, об определении и закреплении их статуса на законодательном уровне. Под коренным малочисленным народом следует понимать «особые группы населения, проживающие на территориях традиционного расселения их предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы» [1]. В Конвенции Международной Организации Труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» можно встретить следующее толкование – «народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой данная страна, в период её завоевания или колонизации, или в период установления существующих границ» [2]. По определению В.-П. Лехтолы, профессора университета г. Оулу, коренным народом является «группа населения, чьи предки проживали на заявленной территории во время завоеваний или более поздних поселений; или до образования современных форм государственности» [3, s. 22].

Саамы – это малочисленный коренной народ, проживающий на территории четырех стран: Финляндии, Швеции, Норвегии и России. У них интересная и долгая история становления, уникальная культура и виды традиционных форм хозяйствования. В Финляндии саамы, численность которых достигает около десяти тысяч человек [4, s. 13], на данный момент имеют статус коренного народа и обладают широким спектром прав в области образования, культуры и языка на законодательном уровне. Уделяется должное внимание образованию на саамском языке в начальных, средних и высших учебных заведениях, что является важным шагом для увеличения числа будущих специалистов, владеющих саамским языком. Статус саамского языка закреплен законодательно и государство оказывает всестороннюю поддержку его

[2] Под «национальной идентичностью» следует понимать «множество компонентов, таких как мировоззрение, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческая память, этнонациональные образы, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения и т.п.». / Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект. // Вопросы философии [Электронный ресурс] – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (режим доступа – 20.11.2018).

развитию согласно закону «О саамском языке» [5]. Интересно отметить, что власти не в праве ограничивать или запрещать использование саамского языка, «независимо от владения саамом государственными языками (финским или шведским)» [5]. Кроме того, за саамским народом остается право заниматься традиционным видом хозяйства – оленеводством [6]. В настоящее время оленеводство распространено на 33% территорий от всей площади Финляндии. Более того, существующие законодательные акты Европейского Союза, регулирующие охоту и рыболовство, и регламентирующие сроки добычи зверя, дичи и рыбы, и их количество, не ограничивают права саамов на ведение традиционного хозяйства. Государство не стремится навязать новый жизненный уклад саамам, а поддерживает их и создает благоприятные условия для соблюдения многовековых традиций, что в очередной раз закрепляет их право на самоопределение согласно Конституции Финляндии [7]. Всё вышеперечисленное стало возможным, прежде всего, благодаря росту саамского самосознания и постепенным изменениям в национальной политике.

Следует отметить, что в стремлении юридически закрепить своё положение и сохранить национальную идентичность, саамский народ прошел долгий путь становления. Первые улучшения, касающиеся статуса саамов как коренного народа, произошли после общего национального собрания саамов 6 февраля 1917 г. в норвежском городе Тронхейм [8, s. 76]. Это была первая попытка собрать представителей саамов вместе, чтобы обсудить вопрос «сотрудничества без границ» [8, s. 76]. В настоящее время дата первого национального собрания саамов 6 февраля отмечается как Национальный День саамов. Важно отметить, что с момента получения независимости Финляндией 6 декабря 1917 года, стало возможным проведение самостоятельной национальной политики [8, s. 74], что и привело к следующему шагу в развитии саамского общества – к созданию Ассоциации Лапландской культуры [8, s. 80], при поддержке которой начался выпуск газеты на саамском языке *саам. Sabmelaš* (*фин. Saamelainen, рус. Саамы*). Указанная газета распространялась на

территории Финляндии и за её пределами, став, таким образом, каналом для передачи значимой для саамов информации.

В конце 1945 г. появляется Союз саамов (*фин. Samii Litto*), первая независимая организация на территории Финляндии [3, s. 116], она начинает активно развивать радиовещание на саамском языке. Кроме того, по инициативе Союза, саамский язык начинает использоваться в качестве языка обучения в саамских народных школах [3, s. 116].

Позднее с 1953 г. стала проводиться Конференция саамов, на которой присутствовали представители саамов всех четырех государств – Финляндии, Швеции, Норвегии и России. Первая конференция 1953 г., проводившаяся в шведском городе Йоккмокк, стала форумом для принятия и утверждения общенационального символа саамов – флага [9, s. 56]. Подобные конференции стали проводиться раз в четыре года, где обсуждались важные и значимые вопросы и проблемы. В частности, на Конференции саамов в 1971 г. темой обсуждения стали вопросы сохранения саамского языка [8, s. 86]. По результатам Конференции было принято решение об учреждении нового органа – Совета по саамскому языку, главной задачей которого является сохранение и развитие саамского языка, а также саамской письменности.

В начале 70-х гг. XX в. произошли серьезные изменения, повлиявшие на правовое положение саамского народа в Финляндии – была создана Саамская Делегация (*фин. Saamelaisvaltuuskunta),* которая продолжила деятельность Союза саамов. Делегация стала первым политическим органом представительства саамов в Северной Европе [3, s. 117]. Первые выборы в Саамскую Делегацию прошли в 1972 году, где участие в голосовании приняли порядка трех тысяч саамов. Стоит отметить, что у данного представительного органа не было права принятия решений, вся его деятельность носила консультативно-рекомендательный характер. Но важное историческое значение работы Саамской Делегации в том, что Финляндская Республика впервые официально признала саамов и их статус [3, s. 118], заложив, таким образом, грамотную основу для дальнейшей деятельности ново-сформированного органа – Парламента саамов (правопреемник Саамской делегации с 1995 г.).

Благодаря деятельности Парламента на рубеже XX–XIX вв. произошли положительные изменения в области саамского самоуправления [8, s. 214]. Свою деятельность Парламент саамов Финляндии осуществляет на основании закона «О Парламенте саамов» от 17.07.1995 года [10]. Парламент саамов подчиняется Министерству юстиции Финляндии [10]. Основное финансирование деятельности Парламента идет из государственного бюджета. В последние годы наблюдается увеличение выделяемых из бюджета средств на развитие саамской культуры и поддержку деятельности Парламента саамов. Было заявлено, что финансирование на 2018 год увеличится больше, чем на двести пятьдесят тысяч евро по сравнению с 2017 годом [11].

Главной задачей Парламента является реализация саамской культурной автономии, а также сохранение и развитие коренной культуры саамов [12]. Согласно закону «О Парламенте саамов» от 17.07.1995 года, его задачей является «забота о культуре саамов и их языке, а также о деятельности, касающейся статуса саамов как коренного народа» [10].

Как и Саамская делегация, Парламент саамов выступает консультативным органом по вопросам законотворчества и мер, влияющих на положение саамов как коренного народа, а также касающихся территории расселения саамов. Обсуждение или рассмотрение вопросов относительно государственных земель, заповедников, добычи полезных ископаемых, сферы здравоохранения и социального развития, использования саамского языка в государственных учреждениях, популяризации саамской культуры, – проходит при участии Парламента саамов.

Парламент саамов состоит из 21 депутата, выборы которых проходят раз в четыре года. От каждого муниципалитета избирается минимум три человека и один является «запасным» [10]. Управляет Парламентом председатель и два его заместителя. В настоящее время председателем действующего Парламента является Санила-Айкио Тиина (*фин. Sanila-Aikio Tiina*) [10]. В состав Парламента саамов входят комитеты, занимающиеся вопросами определенных сфер, что помогает оптимизировать работу и более эффективно решать поставленные задачи. Так, Комитет образования и учебных материалов [10] представляет и защищает права саамских

учеников на образование на родном языке и занимается вопросами укрепления положения образования на саамском языке в системе образования Финляндии. Для достижения более высоких результатов в этой области ведется совместная работа с другими северными странами, на территории которых проживают саамы, а также с Министерством образования Финляндии. В 2018 году празднование национального Дня саамов, 6 февраля, стало неким подведением итогов совместной работы Парламента саамов и Министерства образования, так как на протяжении трех лет велись всевозможные переговоры, встречи и собрания, с помощью которых в конечном итоге удалось повысить качество образования и учебных материалов. Следует отметить, что учащиеся, говорящие на саамском языке, но не проживающие на основной территории расселения саамов, также получили возможность обучаться на родном саамском языке. Выступая в этот день с речью, министр образования Финляндии Санни Гран-Лаасонен (*фин. Sanni Grahn-Laasonen*) подчеркнула важность полученной возможности обучения на родном языке. В частности, она отметила, что «Родной язык – это такой инструмент, с помощью которого мы лучше всего выражаем свои чувства, мысли, а также общаемся со всеми. Было здорово отметить, как высоко саамская молодежь ценит свой язык, свои культурные традиции и желает дальше развиваться в этом направлении» [13].

Помимо деятельности комитетов, Парламент саамов активно занимается образовательно-просветительской работой среди молодежи, что способствует популяризации саамского языка и культуры. Под эгидой Парламента действует Молодежный Совет [14]. Примечательно, что для участия в деятельности совета не обязательно быть членами Парламента саамов. Молодежный Совет является хорошей базой для подготовки и воспитания будущих активных членов Парламента саамов, знакомыми с деятельностью организации.

В середине апреля, с 16 по 22 апреля 2018 года в Нью-Йорке проходил Постоянный Форум коренных народов Организации Объединенных Наций, в работе которого от Финляндии принимала участие делегация Парламента саамов и представители Молодежного Совета [15]. В форуме также принимали участие Парламенты саамов

Норвегии и Швеции, а также ассоциации саамов Норвегии, Швеции, Финляндии и России. Темой форума стали вопросы коллективного права коренных народов на землю и природные ресурсы. Помимо обсуждения основных вопросов, мероприятия форума были нацелены на привлечение внимания к проблемам малочисленных коренных народов и распространению информации о саамской культуре. В ходе работы форума на одном из заседаний выступил заместитель председателя Парламента саамов Финляндии Туомас Аслак Ююсо (*фин. Tuomas Aslak Juuso*). В своем обращении он заявил, что Парламенты саамов и представители государственной власти должны постоянно находиться в тесной связи и совместно принимать решения о важных мерах, которые могут «прямо или косвенно повлиять на статус саамов как коренного народа» [16]. Особое внимание стоит обратить на ограниченные полномочия Парламента саамов по принятию решений, касающихся прав на землю и ресурсы, т.е. отсутствуют законодательные положения, закрепляющие права саамов на землю, воду и природные ресурсы, находящиеся на территории их расселения. Вызывает опасения рост инвестиций в Арктический регион в целях разработки месторождений природных ресурсов в этой местности, что может негативно сказаться, во-первых, на экологической обстановке в регионе, а во-вторых, это приведет к нарастанию социального напряжения саамского населения и возможным нарушениям имущественных прав саамов. При дальнейшем развитии Арктического региона и осуществление проектной деятельности необходимо проведение консультаций с саамским народом или его представительным органом. «В таком случае, получение согласия на осуществление инвестиционных проектов в области природных ресурсов на саамских традиционных территориях является обязательным», – отметил заместитель председателя Туомас Аслак Ююсо (*фин. Tuomas Aslak Juuso*) [16].

Несмотря на оказываемую поддержку со стороны государства и работу представительных органов, саамы сталкиваются с различными проблемами и угрозами. Одной из актуальных проблем является снижение численности населения и угроза исчезновения. Как любой народ, саамы хотят сохранить свои духовные и культурные ценности, традиции и свой язык. Но возникает проблема разрозненности, так как саамы проживают на

территории четырех государств, что не позволяет им действовать слаженно в решении важных вопросов, а также саамы каждой страны в силу различного законодательства имеют разную степень автономности или вовсе не имеют таковой. Возможным решением проблемы разрозненности может стать создание общего Парламента саамов [17, s. 43], куда будут входить представительные органы всех четырех стран, что в дальнейшем будет способствовать единению и повышению гражданской активности саамов. Кроме того, объединенный Парламент саамов станет крупным представительным органом, который сможет координировать действия и проводить более эффективную политику по сохранению и развитию саамской культуры.

С 1960-х годов одним из главных неурегулированных вопросов остается право на землю. Финское законодательство не предоставляет саамам каких-либо особенных земельных прав на их территорию проживания, которая считается исконно саамской. В соответствии с законодательством, наследственные права на землю саамов основаны на принципе постоянного пользования, но эти права не были закреплены за саамами документально. Эти территории находятся в государственной собственности. По закону, все земли, расположенные внутри государственных границ, должны иметь своего владельца. Если земля не была юридически закреплена за определенным владельцем, то она считалась государственной, так как саамы не рассматривались как обладатели земельных прав по причине их жизненного уклада, который определялся как кочевой [17, s. 45]. Таким образом, земли, которые саамы рассматривают и используют как свои собственные с незапамятных времен, были классифицированы как «бесхозные», из чего следует, что их законным владельцем является государство [8, s. 211]. Несмотря на то, что эти земли являются государственной собственностью, саамы имеют право заниматься на этих землях традиционными видами хозяйства. Это положение находит свое подтверждение в Саамской Конвенции [18]. Правительства Норвегии, Финляндии и Швеции констатировали, что «саамам необходим доступ к территориальным и водным ресурсам, создающим основание для саамской культуры» [18].

В 1990 году Финляндия заявила о том, что не может ратифицировать Конвенцию Международной организации труда №169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» от 27.06.1989 года, принятую на Генеральной конференции Международной организации труда [2]. Данная Конвенция, в силу изменившихся принципов международного права, должна была стать инструментом для предотвращения дискриминации и смены курса с ассимиляции коренных малочисленных народов на их сохранение и развитие. Был принят во внимание тот факт, что коренные народы вносят неоценимый вклад в культурное разнообразие государств, а также способствуют созданию толерантного и гармоничного общества, где возможно всестороннее международное сотрудничество и отсутствие любых видов дискриминации. В Конвенции №169 были отражены положения касательно права землепользования: «невозможность выселения с заселяемой территории, право на использование и сохранение ресурсов, возможность возвращения традиционных земель» [2], что было важно для саамского населения. Правительство Финляндии заявило о том, что оно не может полностью обеспечить права собственности и владения территориями их традиционного проживания [3]. Таким образом, земельный вопрос не решен, и саамы как коренной народ законодательно обладают только культурной автономией.

В 2017 году Министерство транспорта и связи Финляндии анонсировало проект строительства железной дороги в северных регионах с дальнейшим выходом в Северный Ледовитый океан. Этот проект, который окрестили как «арктический шелковый путь» [19], будет разработан Финляндией совместно с Норвегией и позволит стране выйти к Северному морскому пути. Было заявлено, что «Министерство транспорта и связи Финляндии приняло решение рассматривать в дальнейшем маршрут железнодорожного сообщения с Северным Ледовитым океаном, который пройдет через финские города *Oulu, Rovaniemi и Kirkkoniemi (фин.)*» [19]. По оценке экспертов, строительство железной дороги в северных регионах улучшит условия для работающих там предприятий, а также позволит привлечь больше инвестиций. Этот проект вызывает

опасения у Парламента саамов, так как он может оказать значительное негативное воздействие на саамскую культуру [16].

Важно отметить, что, несмотря на всю оказываемую властями поддержку, Парламент саамов обеспокоен, что языковые права саамов реализуются неполностью, как закреплено в Конституции Финляндии и в законе «О саамском языке» [5; 7]. Учитывая, что образование на саамском языке введено недавно, ощущается нехватка персонала, говорящего на саамском языке. Государственная программа поддержки, направленная на увеличение объема оказываемых услуг, не выполняется полностью, поэтому количество предоставляемых услуг на саамском языке остается на том же уровне [20, p. 48].

Опасения вызывает и тенденция, которая наблюдается среди взрослого саамского населения, проживающего за традиционной территорией поселения саамов [21, s. 37] или за рубежом, связанная с ассимиляцией и постепенной утратой родного языка и культуры.

Саамский народ, проживающий в суровых северных условиях, является носителем уникальной культуры и хранителем традиционного жизненного уклада, формировавшегося на протяжении многих лет. По мнению саамов, одной из значительных проблем являются пробелы и неточности в земельном законодательстве Финляндии, что, во-первых, негативно влияет на имущественные права и создает трудности для занятий традиционными видами хозяйства [22, p. 187], во-вторых, Финляндия является одной из ведущих стран по производству бумаги, дерева и пиломатериалов, что приводит к сокращению количества лесных угодий, что также влияет на возможность саамов заниматься охотой. В-третьих, вызывают опасения и государственные проекты, строительство и осуществление которых будет осуществляться на территории традиционного проживания саамов. Как заявляет Парламент саамов, совместных обсуждений с государственными органами не производилось, что нарушает подписанную Финляндией Саамскую Конвенцию Северных стран.

Возможно, эти трудности объясняются ещё тем, что у саамов отсутствует единый представительный орган, и это вызывает некоторые трудности в международной деятельности, сотрудничестве и в решении значимых саамских вопросов. Саамы, как и другие малочисленные народы,

обеспокоены вопросом сохранения национальной идентичности и закреплением своих прав на законодательном уровне. Финляндия одна из немногих стран, которая всесторонне занимается проблемами сохранения и развития малочисленных коренных народов, таких как саамы. Их статус, культурная автономия, положения о саамском языке и традиционных видах хозяйства закреплены в законодательных актах государства, которые были разработаны совместно с саамским народом и его представительным органом – Парламентом, что в настоящее время позволяет активно проводить национальную политику. Но в силу происходящих изменений и новых тенденций саамский народ сталкивается с проблемами утраты национальной идентичности и другими негативно влияющими факторами, что, несомненно, требует поиска совместного решения и улучшений в законодательстве страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Андриченко Л.В. Коренные малочисленные народы / Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов; 2004-2017, т. 15. М. – 2010. – С. 260.

2. C169 – Indigenous and Tribal Peoples Convention, 1989 (Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах») / Офиц. сайт Международной Организации Труда (International Labour Organization) [Эл. ресурс] – URL: http: // www.ilo.org/ dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169

3. Lehtola Veli–Pekka. Saamelaiskiista. – Into, 2015. – 300 s.

4. Saamentutkimus tänään. Toimit. S.-K. Irja and R. Pulkkinen. – Helsinki, 2011.-450 s.

5. Saamen kielilaki. (Закон «О саамском языке») 15.12.2003. / Finlex.fi [Эл. ресурс] – URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2003/20031086#L1 (21.02.2019).

6. Poronhoitolaki. (Закон «Об оленеводстве») 14.09.1990. / Finlex.fi [Эл.ресурс] – URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1990/19900848 (дата обр.: 21.02.2019).

7. Suomen perustuslaki. (Конституция Финляндии) 11.06.1999. / Finlex.fi [Эл. ресурс] – URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731(22.02.2019).

8. Lehtola Veli–Pekka. Saamelaiset: historia, yhteiskunta, taide. – Puntsi, 2015. – 305s.

9. The Saami – a cultural encyclopedia, eds. U.-M. Kulonen, S.-K. Irja and R. Pulkkinen. – Vammala: Finnish Literature Society, 2005. – 235 s.

10. Laki saamelaiskäräjistä. (Закон «О Парламенте саамов») 17.07.1995. / Finlex.fi [Эл.ресурс] – URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1995/19950974 (22.02.2019).

11. Saamelaiskäräjien rahoitus kasvaa ensi vuonna yli 250 000 euroa (Финансирование Парламента саамов вырастит на 250 тысяч евро в следующем году) / Lapin kansa

[Эл. ресурс] – URL: https: //www.lapinkansa.fi/lappi/saamelaiskarajien-rahoitus-kasvaa-ensi-vuonna-yli-250-000-euroa-200619089/ (23.02.2019).
12. Saamelaiskäräjät. Ydintehtävä. (Парламент саамов. Основная задача) / Офиц. Сайт Парламента саамов Финляндии. [Электронный ресурс] – URL: https://www.samediggi.fi/ydintehtava/ (23.02.2019).
13. Opetus-ja kulttuuriministeriö ja Opetushallitus kutsuvat viettämään saamelaisten kansallispäivää! /Офиц. сайт Министерства образования Финляндии [Эл. ресурс] – URL: http: //www.oph.fi/ajankohtaista/verkkouutiset/101/0/opetus-_ja_kulttuuriministerio_ja_opetushallitus_kutsuvat_viettamaan_saamelaisten_kansallispaivaa.
14. Nuorisoneuvosto. (Молодежный совет) / Офиц. сайт Молодежного совета саамов Финляндии. [Эл.ресурс] – URL: http://www.saamicouncil.net/ (21.02.2019).
15. Saamelaiskäräjien delegaatio YK:n alkuperäiskansojen pysyvässä foorumissa 16.-22.4.2018 (Делегация Парламента саамов на Постоянном форуме ООН по вопросам коренного населения) / Офиц. сайт Парламента саамов Финляндии. [Эл. ресурс] – URL: https://www.samediggi.fi/2018/04/19/saamelaiskarajien–delegaatio–ykn–alkuperaiskansojen–pysyvassa–foorumissa–16–22–4–2018/
16. The United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues 2018. Statement. / Saamelaiskäräjät [Электронный ресурс] – URL: https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2018/04/Agenda-Item-UNPFII-2018-final_pdf (20.02.2019).
17. Valkonen Sanna. Poliittinen saamelaisuus. – Tampere: Vastapaino, 2009. – 309 s.
18. Nordisk samekonvention. art. 32 (Саамская конвенция Северных стран) / Офиц. сайт Парламента саамов Швеции. [Электронный ресурс] – URL: https://www.sametinget.se/105173 (20.02.2019).
19. Арктический «шелковый» путь пройдет мимо России / Офиц. сайт РБК России [Электронный ресурс] – URL: https: //www.rbc.ru/spb_sz/12/03/2018/5aa68a6c9a794752737189bc
20. National Minorities in Finland – Richness of Cultures and Languages Published in 2016. – Minority Rights Group Finland, 2016. – 128 p.
21. Kuka on saamelainen ja mitä on saamelaisuus: identiteetin juurilla. Toim. Erika Sarivaara, Kaarina Määttä ja Satu Uusiautti. – Rovaniemi: Lapin yliopistokustannus, 2013. – 205 s.
22. Pennanen J. Siidastallan, From Lapp Communities to Modern Sami Life. – Oulu: Pohjoinen, 2000. – 240 p.

REFERENCES:

1. Andrichenko L.V. *Korennye malochislennye narody*, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia :[vol. 35], edited by Iu.S. Osipov, 2004-2017, Vol. 15, Moscow, 2010.
2. *C169 – Indigenous and Tribal Peoples Convention*, 1989 (Konventsiia MOT No 169 “O korennykh narodakh i narodakh, vedushchikh plemennoi obraz zhizni v

nezavisimykh stranakh”), available at http: // www.ilo.org/ dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169.
3. Lehtola Veli–Pekka *Saamelaiskiista*, Into, 2015, 300 p.
4. S.-K. Irja and R. Pulkkinen *Saamentutkimus tänään*, Toimit, Helsinki, 2011, 450 p.
5. *Saamen kielilaki* (Zakon “O saamskom iazyke”), 15 December 2003, available at http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2003/20031086#L1 (accessed 21 February 2019).
6. *Poronhoitolaki* (Zakon “Ob olenevodstve”), 14 September 1990, available at http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1990/19900848 (accessed 21 December 2019).
7. *Suomen perustuslaki* (Konstitutsiia Finliandii), 11 June 1999, available at http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731 (accessed 22 February 2019).
8. Lehtola Veli–Pekka *Saamelaiset: historia, yhteiskunta, taide*, Puntsi, 2015, 305 p.
9. *The Saami – a cultural encyclopedia*, eds. U.-M. Kulonen, S.-K. Irja and R. Pulkkinen, Vammala: Finnish Literature Society, 2005, 235 p.
10. *Laki saamelaiskäräjistä* (Zakon “O Parlamente saamov”), 17 July 1995, available at http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1995/19950974 (accessed 22 February 2019).
11. *Saamelaiskäräjien rahoitus kasvaa ensi vuonna yli 250 000 euroa (Finansirovanie Parlamenta saamov vyrastit na 250 tysiach evro v sleduiushchem godu)*, Lapin kansa, available at https: //www.lapinkansa.fi/lappi/saamelaiskarajien-rahoitus-kasvaa-ensi-vuonna-yli-250-000-euroa-200619089/ (accessed 23 February 2019).
12. *Saamelaiskäräjät, Ydintehtävä* (Parlament saamov. Osnovnaia zadacha), available at https://www.samediggi.fi/ydintehtava/ (accessed 23 February 2019).
13. *Opetus-ja kulttuuriministeriö ja Opetushallitus kutsuvat viettämään saamelaisten kansallispäivää*! available at http: //www.oph.fi/ajankohtaista/verkkouutiset/101/0/opetus-_ja_kulttuuriministerio_ja_opetushallitus_kutsuvat_viettamaan_saamelaisten_kansallispaivaa.
14. *Nuorisoneuvosto (Molodezhnyi sovet)*, available at http://www.saamicouncil.net/ (accessed 21 February 2019).
15. *Saamelaiskäräjien delegaatio YK:n alkuperäiskansojen pysyvässä foorumissa 16*, accessed 22 June 2018 (Delegatsiia Parlamenta saamov na Postoiannom forume OON po voprosam korennogo naseleniia), available at https://www.samediggi.fi/2018/04/19/saamelaiskarajien–delegaatio–ykn–alkuperaiskansojen–pysyvassa–foorumissa–16–22–4–2018/.
16. *The United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues 2018. Statement*, Saamelaiskäräjät, available at https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2018/04/Agenda-Item-UNPFII-2018-final_pdf (accessed 20 Febr. 2019).
17. Valkonen Sanna *Poliittinen saamelaisuus*, Tampere, Vastapaino, 2009, 309 p.
18. *Nordisk samekonvention. art. 32* (Saamskaia konventsiia Severnykh stran), available at https://www.sametinget.se/105173 (accessed 20 February 2019).
19. *Arkticheskii “shelkovyi” put' proidet mimo Rossii*, available at https: //www.rbc.ru/spb_sz/12/03/2018/5aa68a6c9a794752737189bc.
20. *National Minorities in Finland – Richness of Cultures and Languages Published in 2016*, Minority Rights Group Finland, 2016, 128 p.

21. *Kuka on saamelainen ja mitä on saamelaisuus: identiteetin juurilla*. Toim. Erika Sarivaara, Kaarina Määttä ja Satu Uusiautti, Rovaniemi. Lapin yliopistokustannus, 2013, 205 p.
22. Pennanen J. *Siidastallan, From Lapp Communities to Modern Sami Life*, Oulu, Pohjoinen, 2000, 240 p.

SEMERNINA Olga A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: semernina.o@edu.spbstu.ru.

THE LEGAL SITUATION OF THE SAAMI IN FINLAND: A THREAT TO NATIONAL IDENTITY

The Saami are indigenous people of four countries – Finland, Sweden, Norway, and Russia. Due to the policy of integration, the national identity of the Sami people has been threatened. This paper describes the development of the legal status of the Sami in Finland at the turn of the XX–XXI centuries and now, as well as the possible problems to the Saami nowadays and the factors, which are negatively affecting the preservation and development of the Saami culture.

SAAMI PEOPLE; FINLAND; NATIONAL IDENTITY; MINORITY INDIGENOUS PEOPLE; LEGAL STATUS; SAMI PARLIAMENT; SAMI CULTURE

УДК 327:33.025
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.08

Т. С. Тараканова, С. Н. Погодин

РАЗВИТИЕ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ТАРАКАНОВА Тамара Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью», Гуманитарного института Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: tarakanova_ts@spbstu.ru.

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru.

В статье рассмотрены интересы Российской Федерации в отношении ряда стран Центральной Азии (ЦА), а также перспективы развития сотрудничества РФ с государствами региона в условиях мировых экономических преобразований. Проведен анализ системы двусторонних отношений России и стран региона Центральная Азия: Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и Таджикистана. Сделан вывод о том, что, несмотря на большие экономические изменения, в результате которых инвестиционные и торговые перспективы в Центрально-Азиатском регионе, Россия все еще остается главной экономической силой в регионе, а рост экономики Китая в Центральной Азии как минимум не противоречит напрямую интересам России, а во многом дополняет их.

РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ; ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; РОССИЯ; НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; КЫРГЫЗСТАН; ТАДЖИКИСТАН; КАЗАХСТАН; УЗБЕКИСТАН

В условиях стремительного экономического развития Китайской Народной Республики становится актуальным рассмотрение существующего положения дел в контактах России и государств региона Центральной Азии с целью понимания перспектив развития стратегии России в рамках ее евразийского направления и регионализма во внешней политике. Основное внимание в исследовании будет уделено отношениям РФ с Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном.

Крепкие исторические связи стран региона Центральной Азии с Россией обусловило то, что еще с XIX века регион входил в состав Российской империи, а затем в СССР. По словам Н. Злобина, директора российских и азиатских программ Института мировой безопасности в Вашингтоне, главная задача РФ в данном регионе – способствовать превращению ЦА в ведущий регион глобальной политики, а прочие государства видят в ней только источник ресурсов и платформу для борьбы с терроризмом [1]. В то время, как Россия полагает ЦА сферой исключительного российского влияния и интересов, считая, что регион Центральной Азии представляет стратегическое значение для РФ.

Поэтому российское руководство намерено путем развития и расширения двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках различных международных структур ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и др. укреплять отношения со странами региона. В одном из пунктов внешнеполитической концепции РФ от 2016 года зафиксировано, что в отношении региональных приоритетов внешней политики России ключевой является задача «… углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Республикой Армения, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой в целях стабильного развития, всестороннего технологического обновления, кооперации, повышения конкурентоспособности экономик государств – членов ЕАЭС и повышения жизненного уровня их населения...» [2].

Говоря о сотрудничестве России со странами центрально-азиатского региона в целях обеспечения общей безопасности на постсоветском пространстве, можно отметить, что РФ считает главным компонентом современного комплекса обеспечения безопасности Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ): «Россия выступает за

качественное развитие ОДКБ, превращение ее в авторитетную многофункциональную международную организацию, способную противостоять современным вызовам и угрозам в условиях усиливающегося воздействия разноплановых глобальных и региональных факторов в зоне ответственности ОДКБ и прилегающих к ней районах» [2].

В этом контексте страны региона ЦА становятся важным элементом в выстраивании Россией своей внешнеполитической стратегии в Азии, особенно в условиях политики регионализма и «поворота на Восток». Регион Центральная Азия – это стратегическая связка России с Китаем, Индией, странами Ближнего Востока. Поэтому в концепции внешней политики России 2016 года указаны следующие группы интересов РФ в регионе ЦА, которые не слишком отличаются от положений, зафиксированных в концепции в 2013 году [3]:

1. обеспечение экономической и политической безопасности региона на основе сформированной договорно-правовой базы;
2. повышение эффективности работы СНГ;
3. формирование общего регионального открытого и недискриминационного экономического партнерства;
4. сохранение и укрепление позиций России в роли ключевой державы в регионе;
5. борьба с терроризмом, наркотрафиком и работорговлей.

Развитие экономических связей на государственном уровне и создание условий для участия в международной экономике региона российского бизнеса являются инструментами политики России для реализации вышеперечисленных задач. Для работы в этих направлениях Россией было инициировано создание ряда экономических институтов, таких как Таможенный Союз, ЕАЭС, ЕАБР, Соглашение о зоне свободной торговли в СНГ и некоторые другие, в рамках которых проводятся меры по улучшению связей между государствами [4, с. 20].

Хорошо структурированные торгово-экономические связи поддерживаются российскими инвестициями, которые составляют около 20 млрд. долл., а также содействием РФ государствам Центральной Азии – на двусторонней и многосторонней основе (более 6 млрд. долл.). В регионе ЦА работают более 7,5 тыс. российских и совместных

предприятий. Существенные финансовые потоки (в период с 2013 по 2016 годы порядка 37 млрд. долл.) идут в страны ЦА в результате трудовой активности их граждан на территории РФ.

В основе экономических отношений РФ и ЦА лежат энергетические инфраструктурные проекты: из России в страны Центрально-Азиатского региона экспортируются уголь, сырая нефть, нефтепродукты и электроэнергия, в свою очередь из центрально-азиатских республик Россия проводит транзит крупных поставок энергоносителей в Западную Европу, кроме того, ЦА является для РФ крупнейшим рынком сбыта продовольствия [4, с. 22–24].Также нужно отметить, что Россия является инициатором и инвестором нескольких проектов в нефтегазовой сфере региона ЦА. Можно привести пример газопровода «Средняя Азия – Центр», который обеспечивает внутренние потребности рынка не только России, но и СНГ, а также дальнего зарубежья. Газопровод идёт по территории нескольких стран: Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и России; его маршрут составляет около 5000 км [5]. Этот газопровод был построен еще в советское время, но до сих пор не утратил своей актуальности. Расширение газотранспортной системы «Средняя Азия – Центр» является одним из приоритетных направлений работы «Газпрома», что, несомненно, повысит её надежность и значительно увеличит мощность экспорта туркменского, узбекского и казахстанского газа [6].

15 марта в Астане состоялась встреча глав государств Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, а также председателя Туркмении, на которой были проведены консультации по вопросам региональной безопасности, ситуации в Афганистане и наращивании торгово-экономического сотрудничества. Это была первая встреча лидеров стран Центральной Азии в таком формате за последние девять лет. Следующая подобная встреча пройдет в Ташкенте в 2019 году.

В 2017 году отмечалось 25-летие установления дипломатических отношений между РФ и республиками Центрально-Азиатского региона. В рамках многочисленных мероприятий в различных сферах, посвященных этой годовщине, было не раз отмечено, что в список национальных интересов России наряду с вопросами экономической безопасности, включена острая проблема наркотрафика через страны ЦА.

С 2011 года потребление наркотиков в России выросло в 3,5 раза, до $60 млрд. [7]. Притом, что в 2017 году произошло резкое расширение афганских наркоплантаций и соответственно увеличилось количество поставок героина в РФ, Китай, Европу через центрально-азиатские республики. Соединенные Штаты Америки, Россия и КНР совместными усилиями осуществляют программу по борьбе с этой мировой проблемой, но её решение усложняется наличием того факта, что и странах ЦА существует производство некоторых видов наркотиков. Для решения проблемы наркотрафика, а также нелегальной миграции, терроризма и работорговли Россия инициирует усиление взаимодействия по линии силовых ведомств, оказывая значительное содействие государствам Центральной Азии на безвозмездной основе [8].

Крайне важные вопросы легальной трудовой миграции занимают особое место в отношениях России и республик ЦА. Но, к сожалению, несовершенство законодательной базы и слабая отработанность взаимодействия государственных и таможенных служб, а в большей степени коррупция и криминогенная ситуация в ряде стран приводят к тому, что большинство трудовых мигрантов нелегальным путем приезжают в Россию из Таджикистана и Узбекистана. Казалось бы, миграция должна способствовать укреплению связей российского и центрально-азиатского общества, а с другой стороны ее нелегальный формат вызывает недовольство и раздражение россиян. Кроме того, надо признать, что наряду с трудовыми мигрантами в Россию проникают участники террористических организаций, исповедующие ислам, которые занимаются агитацией российской молодежи, завлекая их в ряды террористов. Ситуация ухудшилась в связи с критической ситуацией в Сирии и Ираке, а также с появлением на границах региона ЦА так называемого «Исламского государства», запрещенного на территории РФ. Однако надо признать, что миграция из ЦА в Россию приносит экономические выгоды как РФ, так и центрально-азиатским республикам, чей бюджет во многом формируется внешними поступлениями из России. Кроме того, РФ выдает технические кредиты, что предотвращает накопление серьезной задолженности центрально-азиатских стран за межгосударственные поставки. Да и сложная демографическая ситуация в

России требует увеличения численности трудового населения, которое пополняется мигрантами [4, с. 25–26].

Значительное внимание Российской Федерацией уделяется наращиванию гуманитарного сотрудничества, в частности с целью создания единого научного, образовательного и культурного пространства. Как известно, после развала СССР вне территории РФ оказалось 25 млн. русских, находящихся на территории новых независимых государств. Из них порядка 8 млн. проживает на территории стран ЦА. Поэтому для части граждан стран ЦА русский язык является родным или вторым родным. Большая русская диаспора в Центральной Азии обеспечивает и поддерживает связи между государствами, Россия же со своей стороны активно содействуем поддержанию интереса к изучению русского языка, прежде всего у молодых граждан. В России получают образование около 150 тыс. студентов из ЦА, часть из которых имеют возможность получать стипендию из средств бюджета РФ [9].

Стоит рассмотреть группу двусторонних отношений России и стран ЦА.

Россия – Казахстан. Часто Казахстан называют «южным подбрюшьем РФ», поскольку у России с Казахстаном одна из наиболее протяженных границ. На данный момент между РФ и Казахстаном подписано более 300 договоров и соглашений, основополагающим из которых является «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 25 мая 1992 г.» [10]. Согласно этому документу, одним из приоритетных аспектов двусторонних отношений являются торгово-экономические связи. В Казахстане работают более 6000 компаний с участием российского капитала. Так по данным на 1 мая 2018 года в Казахстане зарегистрировано 44,5 тысяч совместных предприятий с иностранным участием. Из них 14,3 тысячи – это российские компании [11]. В России более 3 тысяч совместных предприятий, 76 субъектов РФ имеют торгово-экономические связи с Казахстаном [12]. Только за восемь месяцев 2018 года товарооборот двух стран составил порядка 11 млрд. долл. Предполагается, что к концу года цифра может превысить 18 млрд. долл. Растет и доля обработанных товаров во взаимной торговле, достигнув на конец 2018 года 82 %. Россия остается крупнейшим рынком для

казахстанского экспорта обработанной продукции – более 2 млрд. долл. За то время, что Казахстан стал независимым, прямые иностранные инвестиции России в страну составили около 14 млрд. долл., Казахстана в Россию – порядка 4 млрд. долл. [13].

Совместно уже реализовано более 60 крупных инвестиционных проектов на 10 миллиардов долларов. Ещё порядка 57 проектов находятся на стадии реализации на общую сумму шесть миллиардов: в нефтегазовой отрасли, горно-металлургическом комплексе, агропромышленном комплексе: такие как «Еврохим», «Западная Европа – Западный Казахстан» и др.

На территории Казахстана также разворачивается производство воздушного гражданского и военного транспорта в рамках утвержденной (ноябрь 2018 года) программы стратегического партнерства Казахстана и России в военной области на 2019–2021 годы [14].

Кроме того Россия и Казахстан планируют активизировать работу в одном из важнейших (особенно в условиях экономического кризиса и санкционной блокады РФ) направлений сотрудничества обеих стран – развитие двустороннего туризма.

Россия – Кыргызстан. Российско-Киргизское стратегическое партнерство успешно развивается во многих сферах, в частности укрепляются экономические связи между государствами. РФ является одним из основных торгово-экономических партнеров Киргизии. На территории Республики функционируют более 700 совместных российско-киргизских предприятий. По итогам на 2018 год товарооборот двух стран составил 2 млрд. долл., что выше на 17 % по сравнению с прошлым годом. И 350 млн. долл. достиг объем встречных инвестиций [15]. Имея экономический интерес, Россия в то же время рассматривает Киргизию как форпост антитеррористической борьбы с угрозой из Афганистана, в связи с этим в Кыргызстане располагается российская военная база в Канте. В своё время в Манасе была ликвидирована военная база США по требованию нынешнего руководства Кыргызстана. В связи со вступлением в 2015 году Республики в ЕАЭС, трудовая миграция в Россию и другие страны Союза теперь осуществляется на легальной основе. Для обеспечения лучшего контроля к 2020 году планируется закончить

переоснащение пунктов контроля на границах Киргизии [16]. Кроме того, Кыргызстан является единственной страной центрально-азиатского региона, где Конституцией предусмотрены два государственных языка: киргизский и русский.

28 марта в ходе переговоров первых лиц государств России и Киргизии были намечены наиболее перспективные направления для развития межгосударственных связей России и Республики Киргизия. Среди них развитие сферы высоких технологий; развитие инновационных проектов, в частности производство на территории Киргизии монокристаллических пластин для солнечных электростанций; сотрудничество в области природных ресурсов, например, разработка золоторудного месторождения и др.

Россия – Таджикистан. «Протокол об установлении дипломатических отношений между РФ и Республикой Таджикистан» от 8 апреля 1992 г. лежит в основе дипломатических отношений двух стран [17]. Россия – основной торговый партнер Республики Таджикистан. Торговый оборот между государствами за первые 9 месяцев 2018 года превысил 750 млн. долл., эта цифра на 12% больше, чем в 2017 году. В 1990-е гг. Для Таджикистана был тяжелым период гражданской войны, что не могло негативно не сказаться на экономическом положении страны. В этой связи развитие сектора гидроэнергетики стало перспективным направлением. Россия принимает активное участие в расширении гидроэнергетического комплекса на территории Таджикистана: строительство и запуск Сангтудинской ГЭС-1, Рогунской ГЭС (запуск которой состоялся в ноябре 2018 года) [18], реконструкция Кайраккумской ГЭС. Помимо этого, на нефтегазоперспективных площадях Республики страны работают над проектами по проведению геологоразведочных работ [12]. В перспективе развития экономических отношений двух стран создание совместных предприятий в свободных экономических зонах (СЭЗ) Таджикистана [19]. Между Таджикистаном и Россией время от времени проводятся гуманитарные и культурные мероприятия. В Душанбе действует Российско-Таджикский (Славянский) университет, функционирует Русский центр Фонда «Русский мир» на базе Таджикского государственного института языков и Российско-Таджикского (Славянского) университета

[12]. Для дальнейшего укрепления взаимодействия двух стран в рамках гуманитарного сотрудничества реализуется совместный проект по распределению российских педагогов из различных регионов РФ на работу в средние образовательные учреждения Таджикистана, а также реализация проекта по строительству пяти современных школ в Таджикистане на 1200 мест [20].

Россия – Узбекистан. 20 марта 1992 года были установлены дипломатические отношения между РФ и Республикой Узбекистан. Договор «О стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан» от 16 июня 2004 года предполагал форсированную интеграцию и кооперацию в топливно-энергетическом комплексе, энергетике, мирном использовании атомной энергии, в области транспорта и коммуникаций, авиастроении, в банковской сфере [21]. Порядка 200 различных соглашений составляют договорно-правовую базу сотрудничества России и Узбекистана. Узбекистан, являясь второй по размеру и значению после Республики Казахстан страной Центрально-Азиатского региона, и еще в советское время располагал тесными кооперационными связями с РСФСР, особенно в области авиастроения и транспорта. В сегодняшних мирополитических условиях для РФ важно возобновить многие направления экономического сотрудничества с Узбекистаном. Республика является одним из значимых участников экономического партнерства России на пространстве СНГ. Растет товарооборот между Узбекистаном и РФ. Доля России в общем объеме экспорта Узбекистана на 2017 год превысила 18%, товарообращение РФ с Республикой аналогичный период по сравнению с предыдущим годом увеличился почти на 34% – до 3,651 млрд. долл. Экспорт РФ в Узбекистан в 2017 году был равен 2,625 млрд. долл., импорт – 1,026 млрд. долл. [22]. В октябре 2018 года во время двухдневного государственного визита Путина В.В. в Узбекистан был дан старт началу строительства атомной электростанции (АЭС) – первой в республике и в регионе Центральной Азии. Стоимость проекта оценивается в $11 млрд. [23]. РФ и Узбекистан достаточно успешно участвуют в борьбе против терроризма и экстремизма, наркоторговли. Поток наркотрафика через Узбекистан в

Россию несравнимо меньше, чем через соседние менее крупные страны – Таджикистан и Киргизию [24]. Это стало возможным, в том числе благодаря созданным совместным межведомственным мобильным группам для борьбы с оборотом наркотиков.

Эксперты стран ЦА отмечают, что для укрепления позиций РФ в центрально-азиатском регионе российским властям следует обратить внимание на следующие аспекты [25]:

- противостояние с расширяющимся влиянием мировых держав, особенно Китая и США, может привести к глобальному кризису в регионе;
- значительно влияют на национальную безопасность России проблемы терроризма, экстремизма, нелегальной торговли; нужно разработать широкий комплекс мер по борьбе с этими явлениями, полагая, что государство в одиночку с ними не справится;
- регион становится всё более привлекательным для мировых держав в связи с бурным ростом добычи и транспортировки полезных ископаемых;
- для надёжного укрепления отношений нужно обеспечивать стабильность в республиках ЦА, решая социально-экономические проблемы региона, которые как раз и создают почву для этнополитических столкновений;
- в приоритете должно быть решение вопросов трудовой миграции, которые порождают рост преступности и обострение конкуренции на рынке труда;
- существенный интерес для России представляют Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан, именно в этих государствах нужно заниматься консолидацией русского населения и укреплять его связи с родиной.

Следовательно, внешнеполитические и внешнеэкономические цели РФ в Центрально-Азиатском регионе определяются важностью данного региона в новой экономической ситуации, развивающейся в мире, в условиях усиления борьбы за ресурсы и территориальную целостность государств «Большого Ближнего Востока», за экономическое влияние. И РФ, и КНР территориально граничат с центрально-азиатскими странами. Однако для России, исторически имеющей тесную взаимосвязь со странами ЦА, очень важна военно-политическая стабильность в регионе,

для поддержания национальной безопасности РФ и защиты от угрозы терроризма, экстремизма, наркоторговли и работорговли.

За последнее десятилетие Центральная Азия реструктурирует свои экономические связи, так как Китай опережает Россию в регионе по инвестициям, торговле и развитию инфраструктуры. Однако РФ по-прежнему сохраняет свое влияние в Центральной Азии, а КНР все еще старательно следит за тем, чтобы её экономические инициативы в регионе в значительной степени соответствовали интересам Москвы. Хотя Китай и Россия вместе работают над уменьшением потенциальных различий в интересах и возможностях в Центральной Азии, некоторые факторы, вероятно, могут вызвать проблемы между Москвой и Пекином в ближайшие годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Осули Касем. Цели и интересы России в Центральной Азии: настоящее и будущее. ИНОСМИ, 05.03.2014 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://inosmi.ru/middle_asia/20140305/218193884.html (дата обращения 10.12.2018).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. (01.12.16) [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 14.12.2018).

3. Тараканова Т.С. Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества: проблемы политико-экономического взаимодействия: дисс…..канд. полит. наук. 23.00.04. СПб, 2017. – 162с.

4. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / [В.В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2013. – 64 с. – ISBN 978-5-91891-223-2

5. Средняя Азия-Центр. Официальный сайт «ГАЗПРОМ» [Электронный ресурс] /Режим доступа: http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/central-asia/ (дата обращения 10.12.2018).

6. Транспортировка и хранение газа: Развитие газотранспортной системы. Официальный сайт «ГАЗПРОМ» [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.gazprom.ru/about/strategy/transportation/ (дата обращения 14.12.2018).

7. Мягченко О. Россия утроила наркотрафик. 27.08.2018. «Метагазета» [Элект. ресурс] / Режим доступа: https://metagazeta.ru/society/rossiya-utroila-narkotrafik/ (дата обращения 20.03.2019).

8. Лавров: отношения между странами Центральной Азии приобрели положительную динамику. 27.03.18. ТАСС [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://tass.ru/politika/5069634 (дата обращения 24.02.2019).

9. Лавров С. Партнерство, испытанное временем. Российская газета – Федеральный выпуск.№7389.04.10.17 (223) [Электронный ресурс] / Режим доступа:https://rg.ru/2017/10/04/lavrov-pomoshch-rf-centralnoj-azii-prevysila-6-milliardov-dollarov.html (дата обращения 14.02.2019).
10. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 25 мая 1992 [Элект. ресурс] / Режим доступа: http://www.docipedia.ru/document/5191630 (дата обращения 10.12.2018).
11. Яковлев А. в Казахстане работает более 44 тысяч совместных предприятий с иностранным участием. 27.06.2018. КУРСИВ [Электронный ресурс] / Режим доступа:: https://kursiv.kz/news/vlast-i-biznes/2018-06/v-kazakhstane-rabotaet-bolee-44-tysyach-sovmestnykh-predpriyatiy-s?page=81 (дата обращения 10.12.2018).
12. Рахимов М. Взаимоотношения республик Центральной Азии и России. Uzbekistan Initiative Papers, №21, октябрь 2014 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.academia.edu/14395823 (дата обращения 10.12.2018).
13. Выступление Путина ВВ. и Назарбаева Н. на Форуме Межрегионального сотрудничества России и Казахстана. 09.11.2018[Электронный ресурс] / Режим доступа:http://kremlin.ru/events/president/news/59075 (дата обращения 14.02.2019).
14. Хроленко А. Для чего Россия и Казахстан наращивают военно-техническое сотрудничество. 24.01.2019. Таджикистан Спутник [Элект. ресурс] / Режим доступа: https://tj.sputniknews.ru/columnists/20190124/1028069518/kazahstan-russia-narashchivayut-voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo.html (дата обращения 14.02.2019).
15. Рост товарооборота между Россией и Киргизией составил 17%. 22.03.2019. Известия.ru [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://iz.ru/859569/2019-03-22/rost-tovarooborota-mezhdu-rossiei-i-kirgiziei-sostavil-17 (дата обращения 22.03.2019).
16. Золото и инновации – новые приоритеты в сотрудничестве РФ и Киргизии. Март 2019 [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://regnum.ru/news/2600721.html (дата обращения 28.03.2019).
17. Протокол об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, 08.04.1992 [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.lawmix.ru/abrolaw/13657/ (дата обращения 09.02.2019).
18. Бовдунов А. Родом из СССР: как запуск Рогунской ГЭС может повлиять на экономические и политические процессы в Центральной Азии. 16.11.2018. RP [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://russian.rt.com/ussr/article/573945-tadzhikistan-ges-zapusk (дата обращения 09.02.2019).
19. Джуразода: Таджикистан хочет создать совместные с Россией предприятия в СЭЗ. 30.05.18. Спутник Таджикистан [Элект.ресурс] / Режим доступа: https: //tj.sputniknews.ru/radio/20180530/1025718903/tajikistan-russia-sez-predpriyatiya.html (дата обращения 21.02.2019).
20. Социальное и гуманитарное сотрудничество России и Таджикистана обсудили в Совете Федерации. 25.10.2018. Официальный сайт Совета Федерации РФ [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://council.gov.ru/events/news/97488/ (дата обращения 18.02.2019).

21. Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан, 16 июня 2004 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/text/docs/2004/06/75277.shtml (дата обращения 17.10.2018).
22. Межгосударственные отношения России и Узбекистана. 09.06.2018. РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ria.ru/20180609/1522124017.html (дата обращения 24.10.2018).
23. Бовдунов А. «Новы этап развития отношений»: какие вопросы будут обсуждаться в ходе визита Владимира Путина в Узбекистан. 18.10.2018. RT [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://russian.rt.com/ussr/article/565178-putin-uzbekistan-vizit-peregovory (дата обращения 24.10.2018).
24. Игры Узбекистана в эпоху санкций. Правда.ру, 23 декабря 2014 [Элект. ресурс] / Режим доступа: http://www.pravda.ru/world/asia/centralasia/23-12-2014/1241085-uzbekistan-0 (дата обращения 24.10.2018).
25. Сыздыкова Ж.С. Геополитические интересы России в Центральной Азии // Теория и практика общественного развития, 2013. №8. С.264–265. ISSN: 1815-4964.

REFERENCES:

1. Osuli Kasem. *Tseli i interesy Rossii v Tsentral'noi Azii: nastoiashchee i budushchee*, INOSMI, 5 March 2014, available at http://inosmi.ru/middle_asia/20140305/218193884.html (accessed 10 December 2018).
2. *Kontseptsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinym 30 noiabria 2016 g.*, (01 December 16), available at http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (accessed 14 December 2018).
3. Tarakanova T.S. *Rossiia i Kitai v Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva: problemy politiko-ekonomicheskogo vzaimodeistviia*: diss. kand. polit.nauk, 23.00.04, Saint-Petersburg, 2017, 162 p.
4. *Interesy Rossii v Tsentral'noi Azii: soderzhanie, perspektivy, ogranichiteli*, V.V. Naumkin (ruk.) i dr., edited by I.S. Ivanov, Rossiiskii sovet po mezhdunar. delam (RSMD), Moscow, Spetskniga, 2013, 64 p., ISBN 978-5-91891-223-2.
5. *Sredniaia Aziia-Tsentr*, available at http: // www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/central-asia/ (10 Dec. 2018).
6. *Transportirovka i khranenie gaza: Razvitie gazotransportnoi sistemy*. available at http://www.gazprom.ru/about/strategy/transportation/ (accessed 14 December 2018).
7. Miagchenko O. *Rossiia utroila narkotrafik*, 27 August 2018, “Metagazeta”, available at https://metagazeta.ru/society/rossiya-utroila-narkotrafik/ (20 March 2019).
8. *Lavrov: otnosheniia mezhdu stranami Tsentral'noi Azii priobreli polozhitel'nuiu dinamiku*, 27 March 18, TASS, available at https://tass.ru/politika/5069634 (24 Febr. 2019).
9. Lavrov S. *Partnerstvo, ispytannoe vremenem*, Rossiiskaia gazeta, Federal'nyi vypusk, No 7389.04.10.17 (223), available at https://rg.ru/2017/10/04/lavrov-pomoshch-rf-centralnoj-azii-prevysila-6-milliardov-dollarov.html (accessed 14 February 2019).

10. *Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoi pomoshchi mezhdu Respublikoi Kazakhstan i Rossiiskoi Federatsiei ot 25 maia 1992*, available at http://www.docipedia.ru/document/5191630 (accessed 10 December 2018).
11. Iakovlev A. *V Kazakhstane rabotaet bolee 44 tysiach sovmestnykh predpriiatii s inostrannym uchastiem*, 27 June 2018, KURSIV, available at https://kursiv.kz/news/vlast-i-biznes/2018-06/v-kazakhstane-rabotaet-bolee-44-tysyach-sovmestnykh-predpriyatiy-s?page=81 (accessed 10 December 2018).
12. Rakhimov M. *Vzaimootnosheniia respublik Tsentral'noi Azii i Rossii*, Uzbekistan Initiative Papers, No 21, October 2014, available at http://www.academia.edu/14395823 (accessed 10 December 2018).
13. *Vystuplenie Putina VV. i Nazarbaeva N. na Forume Mezhregional'nogo sotrudnichestva Rossii i Kazakhstana*, 09 November 2018, available at http://kremlin.ru/events/president/news/59075 (accessed 14 February 2019).
14. Khrolenko A. *Dlia chego Rossiia i Kazakhstan narashchivaiut voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo*, 24 January 2019, Tadzhikistan Sputnik, available at https://tj.sputniknews.ru/columnists/20190124/1028069518/kazahstan-russia-narashchivayut-voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo.html (accessed14 February 2019).
15. *Rost tovarooborota mezhdu Rossiei i Kirgiziei sostavil 17%*, available at https://iz.ru/859569/2019-03-22/rost-tovarooborota-mezhdu-rossiei-i-kirgiziei-sostavil-17 (accessed 22 March 2019).
16. *Zoloto i innovatsii – novye prioritety v sotrudnichestve RF i Kirgizii*, available at https://regnum.ru/news/2600721.html (accessed 28 March 2019).
17. *Protokol ob ustanovlenii diplomaticheskikh otnoshenii mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Tadzhikistan*, 08 April 1992, available at https://www.lawmix.ru/abrolaw/13657/ (accessed 09 February 2019).
18. Bovdunov A. *Rodom iz SSSR: kak zapusk Rogunskoi GES mozhet povliiat' na ekonomicheskie i politicheskie protsessy v Tsentral'noi Azii*, 16 November 2018, RP, available at https://russian.rt.com/ussr/article/573945-tadzhikistan-ges-zapusk (accessed 09 February 2019).
19. *Dzhurazoda: Tadzhikistan khochet sozdat' sovmestnye s Rossiei predpriiatiia v SEZ*, 30 May 18, Sputnik Tadzhikistan, available at https: // tj.sputniknews.ru/radio/20180530/1025718903/tajikistan-russia-sez-predpriyatiya.html (accessed 21 February 2019).
20. *Sotsial'noe i gumanitarnoe sotrudnichestvo Rossii i Tadzhikistana obsudili v Sovete Federatsii*, 25 November 2018, available at http://council.gov.ru/events/news/97488/.
21. *Dogovor o strategicheskom partnerstve mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Uzbekistan*, 16 June 2004, available at http://archive.kremlin.ru/text/docs/2004/06/75277.shtml (accessed 17 October 2018).
22. *Mezhgosudarstvennye otnosheniia Rossii i Uzbekistana*, 09 June 2018, RIA NOVOSTI, available at https://ria.ru/20180609/1522124017.html (24 Oct.,2018).
23. Bovdunov A. *"Novy etap razvitiia otnoshenii": kakie voprosy budut obsuzhdat'sia v khode vizita Vladimira Putina v Uzbekistan*, 18 October 2018, RT, available at

https://russian.rt.com/ussr/article/565178-putin-uzbekistan-vizit-peregovory (24 Oct.,2018).
24. *Igry Uzbekistana v epokhu sanktsii*, 23 December 2014, available at http: //www.pravda.ru/world/asia/centralasia/23-12-2014/1241085-uzbekistan-0 (24 Oct., 2018).
25. Syzdykova Zh.S. *Geopoliticheskie interesy Rossii v Tsentral'noi Azii*, Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia, 2013, No 8, pp. 264-265, ISSN: 1815-4964.

TARAKANOVA Tamara S. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: tarakanova_ts@spbstu.ru.

POGODIN Sergey N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru.

THE DEVELOPMENT OF THE PARTNERSHIP RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

The article considers the interests of the Russian Federation in relation to a number of Central Asian countries (Central Asia), as well as the prospects for the development of cooperation between the Russian Federation and the states of the region in the context of global transformations. The system of bilateral relations between Russia and the countries of the region Central Asia was analyzed: Uzbekistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Tajikistan .It has been concluded that, despite major economic changes, which led to the fact that the investment and trade prospects in the Central Asian region shifted from the Russian Federation to China, Russia still remains the main economic force in the region, and the growth of China's economy in Central Asia does not directly contradict Russia's interests. and in many ways complements them.

CENTRAL ASIAN REGION; ECONOMIC COOPERATION; RUSSIA; NATIONAL SECURITY; KYRGYZSTAN; TAJIKISTAN; KAZAKHSTAN; UZBEKISTAN

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 327
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.09

Э. Ф. Ализаде

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КООРДИНАТ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

АЛИЗАДЕ Эльдар Фуад оглы – магистрант кафедры «Мировая политика» факультета Международных отношений и политических исследований. Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.
д. 57/43, Средний пр. В.О., Санкт-Петербург, 199178, Россия.
E-mail: ea042@mail.ru.

Данная статья посвящена роли энергетического фактора в формировании внешней политики Азербайджанской Республики. Автор провел краткий анализ нефтегазовой стратегии Азербайджана. Обозначены факторы, определяющие интерес к Каспию не только прибрежных, но и нерегиональных государств, рассматриваются особенности геополитической ситуации вокруг Каспийского моря. Также в статье отмечается рост конкуренции между странами за доступ к запасам углеводородов в Каспийском регионе и уделено особое внимание международно-правовому статусу Каспийского моря.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА; КАСПИЙСКОЕ МОРЕ; КОНТРАКТ ВЕКА; ПРАВОВОЙ СТАТУС; ЭНЕРГЕТИКА

Каспийский регион издревле занимал важное, стратегическое место в геополитике, был ареной столкновения национальных интересов сверхдержав. Благодаря своим энергетическим ресурсам, биологическим богатствам и транспортно-географическому положению на стыке Европы и Азии, господство в этом регионе являлось одной и главных задач.

На сегодняшний день эксперты и исследователи не пришли к общему определению термина «Каспийский регион», хотя это понятие

широко используется в лексиконе международных экспертов. Одним из самых первых, кто попытался дать определение термину «Каспийский регион» был английский геополитик Х. Маккиндер. По нему в этот регион входят Южная Россия, Кавказ, западная часть Центральной Азии и Северный Иран. Он является геополитической сердцевиной Центрально-Евразийского мегарегиона [1]. В 2012 году в рамках виртуального экспертного форума «Каспийский фактор в Евразии» ряд экспертов озвучили свою трактовку термина. Например, эксперт из Казахстана, старший научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ), Лидия Тимофеенко дает такое определение – это сформулированная особая зона мирового геополитического пространства во взаимодействии, в которым заинтересованы не только прибрежные государства, но и территориально дистанцированные [2]. По мнению казахстанского исследователя, А. Абишева, Каспийский регион – это западная часть Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан), Закавказья, прилегающие к морю районы Российской Федерации и Исламской Республики Иран, которые образуют «центральную зону Евразийского материка и занимает особое место на геополитической карте мира» [3]. Российский геополитик, профессор Владимир Александрович Дергачёв дает такую трактовку: «Каспийский регион – геополитический регион, возникший в Евразии в результате распада Советского Союза. К нему относят Россию, Иран, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, непосредственно выходящих к озеру-морю. В расширенном толковании включает Южный Кавказ и Центральную Азию [4]. Такого же мнения придерживается и руководитель Российского Центра Стратегического Развития, А.И. Гушер [5, с. 14].

Можно сделать вывод о том, что для трактовки понятия «Каспийский регион» существуют различные подходы: транспортно-географический, культурно-цивилизационный и геополитический.

Из истории известно, что регион всегда был ареной геополитического соперничества сверхдержав: эллины, римляне, арабы, тюрки, сасаниды и др. пытались установить свою гегемонию в разные исторические периоды. С XVIII века наряду с Османской Империей и Персией в конфликт включаются Российская и Британская империи [6, с. 144]. После русско-иранских и русско-турецких войн в начале XIX века,

Российской Империи удалось закрепиться на Каспии. Азербайджан, большую часть прибрежной территории которого омывало Каспийское море, был разделен между Российской Империей (35%) и Каджарским Ираном (65%) по Гюлистанскому и Туркманчайскому мирным договорам. Интерес к региону возрос после того, как в 1847–1848 гг. в Баку была пробурена первая в мире нефтяная скважина [7].[1] Это событие серьезно изменило ход мировой истории и способствовало техническому прогрессу. В годы Первой мировой войны англичане попытались укрепиться на Каспии с помощью Азербайджанской Демократической Республики, но и эти планы провалились. В годы Второй мировой, Адольф Гитлер также пытался захватить Баку с его нефтяными ресурсами [8].

До распада Советского Союза Каспийское море омывало берега двух государств – СССР и Ирана. После образования еще трех независимых республик – Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, Каспийский регион превратился в эпицентр широкомасштабных процессов. Свои интересы, кроме пяти прикаспийских стран, обозначили США, Турция, КНР и Великобритания, прежде всего из-за богатых энергетических ресурсов и транспортно-географическому расположению. Не стоит забывать и о том, что уникальность моря определяется и его биологическим разнообразием фауны и флоры. Оно представлено более 400 видами растений и более 700 видами животных, включая 90% мирового запаса осетровых рыб [9].

Руководство страны во главе с экс-президентом Азербайджана, Абульфазом Эльчибеем начало разработку планов по подписанию нефтяных, энергетических контрактов с Западом и Турцией. Это был первый большой шаг к вовлечению в регион внерегиональных игроков.

Но именно после прихода к власти Гейдара Алиева удалось реализовать энергетическую политику. Правительство Г. Алиева сделало ставку на нефтяной, энергетический фактор для выхода из социального, политического и экономического кризиса. В историю вошли слова Гейдара Алиева: «нефть – самое большое богатство Азербайджана, принадлежащее народу, и не только нынешнему поколению, но и будущему».

[1] Краткая история нефти [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.hsib.msu.ru/library/oil.html (дата обращения – 30.11.2018).

За короткий период правительству Гейдара Алиева удалось разработать «нефтяную стратегию» Республики, главной целью которой было ускорить разработку и добычу углеводородных ресурсов в азербайджанском секторе Каспия с помощью передовых западных технологий и инвестиций, а получив прибыль развить другие сферы азербайджанской экономики, тем самым обеспечив благосостояние поколений [10].

20 сентября 1994 года во дворце «Гюлистан» был подписан крупномасштабный международный контракт с крупнейшими ТНК мира – «Контракт века». По его условиям срок контракта составлял 30 лет. Доход распределялся следующим образом: 80% Азербайджанской Республике, 20% иностранным ТНК. Месторождениями для эксплуатации являлись «Азери», «Чираг» и «Гюнешли» [11]. На сегодняшний день подписано 27 нефтяных соглашений международными нефтяными компаниями [12]. Благодаря заключенному 18 января 1996 года договору о транспортировке азербайджанского газа через Новороссийск, ранняя нефть уже в 1997 году начала экспортироваться из Азербайджана, а с 1999 года был сдан в эксплуатацию нефтепровод Баку–Супса. Стоит отметить, что в то время азербайджано-российские отношения были напряженными, и изначально Москва не признавала «Контракт века» [13].

Одним из важнейших успехов энергетической дипломатии Азербайджана стало подписание договора о создании нового нефтепровода «Баку–Тбилиси–Джейхан» на Стамбульском саммите ОБСЕ в ноябре 1999 года. В 2005 году состоялось торжественное открытие нефтепровода при участии высокопоставленных лиц из 98 стран [14]. Это событие еще раз показало, что Азербайджанская Республика является независимым государством, которое вправе само распоряжаться своими природными богатствами.

Также азербайджанское руководство начало разработку месторождений природного газа на Каспии. Уже к 2007 году для транспортировки газа состоялось открытие газопровода «Баку–Тбилиси–Эрзурум», а в 2010 году начался экспорт газа в Россию по газопроводу «Баку–Ново-Филя» для обеспечения газом республики Северного Кавказа [15,с. 125].

Также в 2002 году анонсировалось обсуждение создания магистрального газопровода «Набукко» из Малой Азии в Европу, прежде всего Австрию и Германию. В 2006 году он стал актуален из-за газового спора России и Украины.

Изначально инициатором проекта являлся ЕС, который искал альтернативные пути транспортировки природного газа. В 2009 году на Будапештском энергетическом саммите, премьер-министр Венгрии призвал ЕС выделить 300 млн. долларов на начала финансирования проекта, такого же мнения придерживался и премьер-министр Чехии Мирек Тополанек. Азербайджан также был заинтересован в этом стратегическом проекте, вел активные переговоры с партнерами и реализовывал инвестиционные проекты в Турции, Украине, Молдове и других странах [16]. Но в 2013 году было объявлено о закрытии проекта. К тому времени Азербайджан уже совместно с Турцией разрабатывали альтернативный план доставки азербайджанского газа в Европу, позже объявив о создании трансанатолийского газопровода «Танап». Трубопровод был сдан в эксплуатацию в 2018 году. 17 марта 2015 года в Курсе (Турция) на торжественной церемонии президентами Азербайджана, Грузии и Турции был заложен фундамент Трансанатолийского газопровода [17]. Как отмечал старший специалист фонда «Джеймстаун» в Вашингтоне В. Сокор, проект TANAP является шагом вперед на пути создания «Южного газового коридора». Он отметил усилия и заинтересованность Баку в реализации проекта, также заявил, что Азербайджан – стратегический партнер Запада. В конце 2016 года Азербайджан и Запад продлили «Контракт века» до 2050 года.

В 1999 году был создан Государственный нефтяной фонд Азербайджанской Республики (ГНФАР) для собирания средств от продажи энергоресурсов. Госнефтекомпания Азербайджана (ГНКАР) построила в Грузии свой гигантский нефтяной терминал в Кулеви для отправки мазута и светлых нефтепродуктов, также закупили целый ряд автозаправочных станций (АЗС) и реализует бензин под маркой SOCAR – Georgia, нефтеперерабатывающий завод в Турции принадлежит на сегодняшний день ГНКАР, также специалисты из Азербайджана взяли на себя разведку и добычу нефтяных месторождений в Молдове [18]. Помимо этого, азербайджанская компания продает Грузии до 1 млрд. с лишним

кубометров природного газа, который идет на освещение домов и бытовое использование. Также SOCAR сумела выиграть тендер на продажу турецкого нефтехимического комплекса Petkim. С Казахстаном удалось договориться на межгосударственном уровне о строительстве Каспийской системы транспортировки нефти (ККСТ). Баку и Астана ускоренными темпами создали современные транспортные узлы международного класса – крупнейший на Каспии морской порт в Аляте (47 км от Баку) и в Актау. Также они вместе с Туркменистаном уже имеют свои СПГ-терминалы для транспортировки сжиженного газа.

Благодаря своей энергетической дипломатии, Азербайджан укрепился не только как региональный игрок, но укрепил свой международный авторитет и стал проводить свою дипломатию за его пределами. В 2010 году Республика получила свое первое приглашение на саммит G20 в Мексике [19].

Подписание «Контракта века» стало главным успехом «нефтяной стратегии» и способствовало не только быстрому экономическому развитию, но и сыграло огромную политическую роль, а самое главное, что внутренне положение в стране стало стабильным. «Контракт века» дал возможность Азербайджанской Республике воплотить в жизнь программу развития промышленного освоения природных ресурсов страны. Азербайджан смог заявить о себе на международной арене в качестве надежного производителя и поставщика нефти и «голубого топлива».

Правовой статус «Каспийского моря» для Азербайджанской Республики являлся основной проблемой после урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. С точки зрения международного морского права, Каспийское море является замкнутым. В связи с этим существовало 2 подхода:

1) деление на национальные сектора;
2) совместное управление.

С 1992 года прикаспийские страны провели 52 заседаний Специальной Рабочей Группы (СРГ) для разработки соответствующей Конвенции, также регулярно происходили встречи премьер-министров и глав государств. С 1998 года по 2003 год, Азербайджану удалось на трехстороннем уровне с Россией и Казахстаном подписать временное соглашение о разграничении Северного Каспия. По нему 27% акватории

Каспия досталось Казахстану, 19% – России и 18% – Азербайджану, в целом было разделено 64% общей акватории. При подписании «контракта века», Азербайджанская Республика руководствовалась положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 года «срединной линии и разграничения на его основе на национальные сектора», где каждое из государств обладает исключительным суверенитетом. Этой позиции Баку придерживается до сих пор, и этот принцип был закреплен в принятой в 1995 году Конституции Азербайджанской Республики в статье 11(2) II главы, было закреплено положение: «Внутренние воды Азербайджанской Республики, принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера), воздушное пространство над Азербайджанской Республикой – составные части территории Азербайджанской Республики» [20]. Полностью поддерживает позицию Баку в этом вопросе Астана, которая также считает, что отмена секторального деления будет иметь негативные последствия. Также в проекте Казахстана делается акцент на том, что нужно учесть особенности Каспия и сохранить его экологическое богатство, развивать сотрудничество и стабильность в регионе.

Также особое внимание стоит уделить постановлению Совета Министров АзССР и Министерства нефтяной и газовой промышленности СССР от 18 января 1991 года, по которому только Азербайджан являлся единственным субъектом, обладающим правом на разведку и добычу ресурсов.

Касательно позиции других стран, то Россия и Иран предлагали «озерный вариант» и ссылались на договора, заключенные между собой. Главной целью было донесение того, что Каспий – это внутреннее озеро, следовательно, тут нельзя применить морское право и должно быть установлено совместное владение. Туркменистан, имея конфликт с Азербайджаном из-за месторождения «Кяпаз», поддерживал иранскую позицию. Позже Россия, осознавая, что раздел на сектора неизбежен, предложила исключительную 45-мильную морскую экономическую зону для каждой страны.

Туркменистан, после консультаций в ноябре 1995 года с Ираном и Казахстаном, заявил о двух подхода к проблеме правового статуса:

1. Каспий – уникальный водоем, международно-правовые нормы – это основа консенсуса; 2. раздел на национальные сектора.

Также не стоит забывать и о других акторах, которые имеют большие амбиции в Каспийском регионе, в первую очередь это США и КНР. Оба государства рассматривают данный регион и Каспийское море с точки зрения своих геополитических интересов. Для Соединенных Штатов Америки это возможность контролировать места добычи полезных ископаемых и транспортные пути благодаря уникальному положению региона в «сердце» евразийского континента, а также реализация натовских программ, например, «партнерства ради мира» [21]. Впрочем, из трех американских транснациональных компаний, две уже покинули Азербайджан [22].

Китайская Народная Республика в свою очередь укрепляется на Каспии благодаря своей успешной экономической стратегии, в которой уделено внимание и Азербайджану. Благодаря реализации национальной экономической политики «Один пояс – Один путь», Азербайджан может стать одним из транспортных хабов, статус транзитного государства позволит правительству пополнять государственный бюджет [23].

По прошествии более 20 лет, 12 августа 2018 года в казахстанском городе Актау состоялся исторический саммит глав прикаспийских государств, где была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря [24].

Участники саммита договорились о коллективной ответственности прикаспийских государств за безопасность экологических ресурсов моря, а также «коллективной безопасности». В документе удалось отразить баланс интересов России, Азербайджана, Казахстана, Ирана и Туркменистана. Каспийское море получило уникальный правовой статус, в котором закрепляется основная площадь водной поверхности остается в общем пользовании, а дно и недра делятся на национальные участки в соответствии с международным правом. Особый правовой статус заключается в том, что каждое государство получает суверенитет над территориальными водами, это 15% и право на исключительный рыбный промысел на еще 10% территории моря от территориальных вод.

Обретение Каспийским морем своего правового статуса, принятие исторической для региона конвенции позволяет государствам, в том числе

и Азербайджану, реализовывать свои экономические и энергетические проекты. Возможно стороны вернутся к вопросу реализации проекта Транскаспийского трубопровода. 31 января в Казахстане уже приняли Закон о ратификации конвенции.

Руководитель Центра международных и общественно-политических исследования «Каспий–Евразия» Андрей Сызранов считает, что подписание конвенции приведет к исчезновению всех проблем, неурегулированных вопросов, которые были особенно между Азербайджаном, Туркменистаном и Ираном [25].

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев после подписания исторического соглашения заявил о том, что Азербайджан на протяжении всего периода разработки документа продуктивно работал и вносил свой вклад для итогового подписания.

В целом «энергетический фактор» успешно реализуется во внешнеполитической стратегии Азербайджанской Республики. После урегулирования проблемы о правовом статусе моря, для Азербайджана есть уникальная возможность утвердиться в качестве транзитного центра. Сегодня основным экономическим продуктом Азербайджана являются его энергетические, нефтяные ресурсы и в ближайшем будущем каких-то изменений не предвидится, поэтому Азербайджан заинтересован как в реализации национальных энергетических проектов, например, таких как TANAP, так и в реализации уже транскаспийских энергетических проектов. Активные и экономически выгодные инвестиции в транспортную инфраструктуру и проекты, позволяют нам убедиться, что правительство Азербайджана рассматривает Каспийское море как важную транспортную артерию, реализовывая также транспортные коридоры «Север-Юг», «Восток-Запад». Это все позволит в ближайшем будущем укрепить экономику страны, а также создать новые рабочие места и способствуют к региональной стабильности и безопасности. В новых реалиях международных экономических отношений Азербайджану крайне важно, чтобы Каспийское море приносило стране экономические привилегии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162-170. ISSN: 1026-9487

2. Каспийский фактор в Евразии: виртуальный экспертный форум [Эл. ресурс] – URL: https://ru.sputnik.az/politics/20120130/296890606.html (дата обр.: 29.11.2018).
3. Абишев А.Е. Каспий: нефть и политика. Второе издание. – Астана, 2004. – с. 5.
4. Дергачёв В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – с. 464.
5. Гушер А. Острые грани каспийских проблем // Азия и Африка сегодня. 2002. N 11. С. 14-19.
6. Дарабади П. «Кавказско-Каспийский регион в системе геополитических отношений XVIII – начала XIX веков // Кавказ и глобализация. 2008. Т.2. №4. С. 144-158 ISSN: 1817-7100.
7. Краткая история нефти [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.hsib.msu.ru/library/oil.html (дата обращения: 30.11.2018).
8. Гитлер и Кавказ [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://newtimes.az/ru/politics/3337/ (дата обращения: 27.11.2018).
9. Малмир Мохаммадреза. Правовой статус Каспийского моря // Вопросы российского и международного права. 2018. Т.8. № 7А. С. 156–165. ISSN: 2222-5129
10. Общая концепция нефтяной стратегии Г. Алиева [Эл. ресурс] – URL: http: // www.azerbaijan.az/_Economy/_OilStrategy/oilStrategy_03_r.html (дата: 27.11.2018).
11. Алиев И. «Каспийская нефть Азербайджана». – М.: «Известия», – 2003, – с. 79
12. Нефтяная стратегия Азербайджана [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://aliyev-heritage.org/ru/oilstrategy.html (дата обращения: 29.11.2018).
13. Алиев И. «Каспийская нефть Азербайджана». – М.: «Известия», – 2003, – с. 82.
14. Ибрагимов И. Внешняя политика, «мягкая сила» и энергетическая дипломатия Азербайджана в XXI веке. – М.: «Весь мир», – 2016, – с. 46.
15. Мамедов З.В. Энергетическая политика Азербайджана как внешнеполитический ресурс // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, Политология, Социология. 2012. №2 С.123-126 ISSN: 1995-5480
16. Алиев Н. Нефть и нефтяной фактор в экономике Азербайджана. – Баку, Letterpress, – 2010, – с. 97.
17. В Карсе заложен фундамент Трансанатолийского газопровода [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ru.president.az/articles/14566 (дата обр.: 29.11.2018).
18. Нефтяная стратегия Азербайджана [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://aliyevheritage.org/print.php?lang=ru&page=oilstrategy (дата обр.: 30.11.2018).
19. Каспийский партнер не подведет [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://rg.ru/2012/02/28/baku.html (дата обращения: 01.12.2018).
20. Конституция Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ru.president.az/azerbaijan/constitution (дата обращения: 25.11.2018).
21. США и НАТО в каспийском регионе: стратегия упущенных возможностей [Электронный ресурс]//Режим доступа: http://vpoanalytics.com/2018/06/07/ssha-i-nato-v-kaspijskom-regione-strategiya-upushhennyh-vozmozhnostej/ (дата обр.: 30.11.2018).
22. Reuters: американские нефтяные компании уходят из Азербайджана [Элект. ресурс] // Режим доступа: http://newcaucasus.com/news/17203-reuters-amerikanskie-neftyanyie-kompanii-uhodyat-iz-azerbaydzhana.html (дата обр.: 07.12.2018).

23. Как Китай укрепляется на Каспии [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://stanradar.com/news/full/28402-kak-kitaj-ukrepljaetsja-na-kaspii.html.
24. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/5328 (дата обращения: 08.12.2018).
25. «Фундамент развития отношений»: как изменится обстановка в регионе после подписания Конвенции о правовом статусе Каспия [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://russian.rt.com/ussr/article/544521-sammit-aktau-konvenciya-kaspij (дата обращения: 08.12.2018).

REFERENCES:

1. Makkinder X. *Geograficheskaia os' istorii*, Polis. Politicheskie issledovaniia, 1995, No 4, S. 162-170, ISSN: 1026-9487.
2. *Kaspiiskii faktor v Evrazii: virtual'nyi ekspertnyi forum*, available at https://ru.sputnik.az/politics/20120130/296890606.html (accessed 29 November 2018)
3. Abishev A.E. *Kaspiĭ: neft' i politika*. Vtoroe izdanie, Astana, 2004, p. 5.
4. Dergachev V.A., Vardomskii L.B. *Regionovedenie*, 2-e izd., pererab. i dop., Moscow, IuNITI-DANA, 2011, p. 464.
5. Gusher A. *Ostrye grani kaspiiskikh problem*, Aziia i Afrika segodnia, 2002, No 11, pp. 14-19.
6. Darabadi P. *Kavkazsko-Kaspiiskii region v sisteme geopoliticheskikh otnoshenii XVIII - nachala XIX vekov*, Kavkaz i globalizatsiia, 2008, vol. 2, No 4, pp. 144-158, ISSN: 1817-7100.
7. *Kratkaia istoriia nefti*, available at http://www.hsib.msu.ru/library/oil.html (accessed: 30 November 2018).
8. *Gitler i Kavkaz*, available at http://newtimes.az/ru/politics/3337/ (accessed 27 November 2018).
9. Malmir Mokhammadreza *Pravovoii status Kaspiiskogo moria*, Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava, 2018, vol. 8, No 7, pp. 156-165, ISSN: 2222-5129.
10. *Obshchaia kontseptsiia neftianoi strategii G. Alieva*, available at http: // www.azerbaijan.az/_Economy/_OilStrategy/oilStrategy_03_r.html (accessed 27 November 2018).
11. Aliev I. *Kaspiiskaia neft' Azerbaidzhana*, Moscow, Izvestiia, 2003, p. 79.
12. *Neftianaia strategiia Azerbaidzhana*, available at http://aliyev-heritage.org/ru/oilstrategy.html (accessed 29 November 2018).
13. Aliev I. *Kaspiiskaia neft' Azerbaidzhana*, Moscow, Izvestiia, 2003, p. 82.
14. Ibragimov I. *Vneshniaia politika, "miagkaia sila" i energeticheskaia diplomatiia Azerbaidzhana v XXI veke*, Moscow, Ves' mir, 2016, p. 46.
15. Mamedov Z.V. *Energeticheskaia politika Azerbaidzhana kak vneshnepoliticheskii resurs*, Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia, Politologiia, Sotsiologiia, 2012, No 2, pp.123-126, ISSN: 1995-5480.
16. Aliev N. Neft' i neftianoi faktor v ekonomike Azerbaidzhana, Baku, Letterpress, 2010, p. 97.
17. *V Karse zalozhen fundament Transanatoliiskogo gazoprovoda*, available at http://ru.president.az/articles/14566 (accessed 29 November 2018).

18. *Neftianaia strategiia Azerbaidzhana*, available at https: //aliyevheritage.org/print.php?lang=ru&page=oilstrategy (accessed 30 November 2018).
19. *Kaspiiskii partner ne podvedet*, available at https://rg.ru/2012/02/28/baku.html (accessed: 01 December 2018).
20. *Konstitutsiia Azerbaidzhanskoi Respubliki* available at http://ru.president.az/azerbaijan/constitution (accessed 25 November 2018).
21. *SShA i NATO v kaspiiskom regione: strategiia upushchennykh vozmozhnostei*, available at http://vpoanalytics.com/2018/06/07/ssha-i-nato-v-kaspijskom-regione-strategiya-upushhennyh-vozmozhnostej/ (accessed 30 November 2018).
22. *Reuters: amerikanskie neftianye kompanii ukhodiat iz Azerbaidzhana*, available at http://newcaucasus.com/news/17203-reuters-amerikanskie-neftyanyie-kompanii-uhodyat-iz-azerbaydzhana.html (accessed 07 December 2018).
23. *Kak Kitai ukrepliaetsia na Kaspii*, available at http://stanradar.com/news/full/28402-kak-kitaj-ukrepljaetsja-na-kaspii.html.
24. *Konventsiia o pravovom statuse Kaspiiskogo moria*, available at http://kremlin.ru/supplement/5328 (accessed 08 December 2018).
25. *"Fundament razvitiia otnoshenii": kak izmenitsia obstanovka v regione posle podpisaniia Konventsii o pravovom statuse Kaspiia*, available at https: //russian.rt.com/ussr/article/544521-sammit-aktau-konvenciya-kaspij (08 Dec. 2018).

ALIZADA Eldar F. – North-West Institute of Management, branch of RANEPA. 57/43, Sredny prospect V.O., Saint-Petersburg, Russia, 199178. E-mail: ea042@mail.ru.

THE FORMATION OF AZERBAIJAN FOREIGN POLICY IN THE SYSTEM OF CASPIAN REGION GEOPOLITICAL COORDINATES: ENERGY FACTOR

This article is devoted to the role of the energy factor in the formation of the foreign policy of the Republic of Azerbaijan. The author conducted a brief analysis of the oil and gas strategy of Azerbaijan. The factors that determine the interest in the Caspian not only coastal, but also non-regional States are identified, the features of the geopolitical situation around the Caspian sea are considered. The article also notes the growing competition between the countries for access to hydrocarbon reserves in the Caspian region and pays special attention to the international legal status of the Caspian sea.

THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN; CASPIAN SEA; THE CONTRACT OF THE CENTURY; LEGAL STATUS; ENERGETICS

УДК 32.019.5
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.10

К. Н. Была

ЗНАЧИМОСТЬ МЕДИЙНОГО ЛАНДШАФТА В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

БЫЛЯ Ксения Николаевна – студентка 4 курса факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E–mail: clio-2010@mail.ru.

В рамках данной работы, автор ставит задачу понять, насколько сильно влияние средств массовой информации (СМИ) на изучение международных отношений, через какие СМИ происходит влияние, а также ставит вопрос, каким образом необходимо воспринимать полученную информацию. В XX1 веке не только экономика и политика являются основными способами воздействия на людей, государства и их объединения. Средства массовой информации, наряду с вышеперечисленным, становятся одним из трех «столпов» внешней политики.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ; СМИ; МЕДИЙНЫЙ ЛАНДШАФТ

Конструирование национальной концепции внешней культурной политики, прежде всего, зависит от принятой в данном обществе политической идеологии и от господствующих представлений о природе культурных процессов, их влиянии на развитие общества, приоритетности решения проблем культуры для государства, о его взаимных обязательствах с субъектами, творящими культуру, и с обществом в целом [1]. Средства массовой информации (СМИ) являются проводником в передаче культуры, политической идеологии и, следовательно, непосредственно формируют определенные представления у своей

аудитории. Все, так или иначе, находятся под воздействием того или иного источника информации. Вопрос лишь в том, какую сторону вопроса освещает источник. Разумеется, изучение международных отношений не может быть осуществимо без привлечения средств массовой информации. В большинстве случаев, это единственный вариант получения необходимой информации, и именно источники, на которые мы опираемся, служат основой нашим знаниям.

Медийный ландшафт – определение не вполне устоявшееся в русском языке. С английского оно переводится как нечто, связанное со средствами связи, которые охватывают большое количество людей (газеты, телевидение, радио, а в последнее время, и интернет). Выбор способов и источников получения информации становится определяющим для мировоззрения и самоидентификации любого жителя современного мира.

После событий начала 90-х годов XX века в Ираке и Сомали в академических и политических кругах стали говорить о масс-медиа как о новом полноправном акторе современных международных отношений (СМО), а сам феномен получил название «эффект масс-медиа» [10].

В основе дискуссий и дебатов о влиянии CNN и других подобных аргументах о влиянии СМИ на формирование политических реакций лежит вопрос о том, где находится власть. Эффект CNN 1990-х годов подчеркивал способность, при определенных обстоятельствах, для средств массовой информации формировать ответные меры политики во время международных кризисов [5]. Для многих распространение новых коммуникационных технологий, таких как спутниковое вещание и появление цифровых камер, содержащихся в мобильных телефонах, похоже, создает определенную прозрачность событий во всем мире, что является беспрецедентным. Потенциально, любое событие может быть зафиксировано на камере, и эта информация мгновенно передается по всему миру через Интернет или глобальные СМИ.

Медийный ландшафт – это меняющаяся совокупность всех медиа на какой-либо территории, а также их распространенность и востребованность населением. Для его определения учитываются тиражи, периодичность и собственник каждого средства массовой информации [2]. При изучении данного феномена стоит учитывать тот факт, что аудитория

у разных СМИ отличается. Так, например, интернет предоставляет из себя гораздо более масштабную площадку для высказывания своей точки зрения, да и интернет – аудитория обширнее. Главным же отличием интернета от телевидения является то, что телевидение скорее не предлагает, а навязывает свое видение проблем, в то время как интернет является более свободной площадкой для любых взглядов. Как показывает исследование, проведенное в 2007 году, европейские страны разнятся по качеству предоставляемой информации. Масс медиа в бывших социалистических странах в большей степени, чем в капиталистических, подвержены государственной цензуре [4]. Это, несомненно, стоит принимать во внимание при изучении медиа ландшафта в Европе, так как необходимо понимать, под влиянием каких СМИ и при каких обстоятельствах было сформировано то или иное мнение.

В целом, у интернет-изданий большая аудитория, чем у телевидения. Как показывают исследования, интернетом в Европе пользуются 79% населения [8]. И это самый высокий показатель в мире. Около 50% пользователей используют интернет вместо телевидения для получения нужной им информации. Тем не менее, все-таки нельзя говорить о том, что телевидение никак не влияет на свою аудиторию. Любые СМИ способны передавать идеи, которые, при достаточном освещении могут оказывать влияние не только на своих непосредственных зрителей, но и на позицию населения в целом [10].

Кроме политических целей, СМИ преследуют и экономические. С этой позиции стоит упомянуть, что рейтинги имеют основополагающее значение для медиа [7]. Следовательно, к информации, полученной даже из надежного источника, стоит подходить критически. Более того, большинство СМИ предоставляют не просто факты, а собственные трактовки, проводят анализ. Зачастую, анализ направлен на то, чтобы заинтересовать читателя, доказать необходимую изданию точку зрения, а не действительно профессионально и беспристрастно разобраться в вопросе [3].

Медийный ландшафт является зеркалом взаимоотношений государства и населения. То, какие способы используют власти для взаимодействия с гражданами тоже важно на сегодняшний день. Термин

«твиттер дипломатия» относится в основном к политике Трампа [12]. Он наиболее известен так называемой «hashtag diplomacy», на примере инцидента с Катаром можно явно увидеть, что данный, достаточно новый, вид влияния не только на аудиторию, но и на политику, дает свои результаты. Стоит отметить, что и в Европе пристальное внимание уделяют исследованию социальных сетей, которые выступают в качестве способа воздействия на избирателей [6]. На основе исследований выборов в Великобритании за 2015 год, можно делать вывод о том, что уже тогда борьба за избирателей была и в социальных сетях. В анализе отмечается недостаточность освещения политических событий в классических медиа (газеты, телевидение) и усиление влияния новых средств массовой информации [11]. На основе отзывов в социальных сетях постоянно строятся новые предположения насчет будущей политики и политических фигур, которые будут осуществлять ее, что помогает политтехнологам отслеживать настроения населения, а также формулировать вопросы, требующие внимания [9].

Таким образом, можно говорить о том, что медийный ландшафт для изучения современных международных отношений чрезвычайно важен. Он формирует мнение об изучаемом предмете в зависимости от источника информации, но никогда не стоит забывать, что источники информации так же находятся в зависимости от политической и экономической политики, от роли государства в той или иной стране, а также от интересов самого источника информации. Как было сказано выше, медийный ландшафт меняется, появляются новые способы распространения информации, которыми пользуются СМИ. Для того чтобы изучать современные международные отношения необходимо понимать, через какие источники поступает информация. Не менее важен и грамотный анализ любых появляющихся новостей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Востряков Л.Е.** // Культурная политика: концепции, понятия, модели // Экология культуры: информационный бюллетень. 2004. №1. С. 79-108.
2. **Матвиенко В.В.** История и современность медийного ландшафта Швейцарии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №11-1. С.197-201 ISSN: 2073-0071.

3. Травин Д. Я. «Поле чудес» или библиотека? Аналитический комментарий в российской прессе // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2006. № 6. С. 271-284. ISSN 1815-7912.
4. Baldi Paolo and **Uwe Hasebrink** // Broadcasters and Citizens in Europe trends in media accountability and viewer participation, 2007, p. 58-72.
5. E-International Relations. Media as a Driving Force in International Politics: The CNN Effect and Related Debates // PIERS ROBINSON, SEP 17 2013 // URL: http://www.e-ir.info/2013/09/17/media-as-a-driving-force-in-international-politics-the-cnn-effect-and-related-debates/ (дата обращения: 05.06.2018).
6. UK Election Analysis 2017: Media? Voters and the Campaign // URL: http://www.electionanalysis.uk/ (дата обращения: 12.06.2018).
7. Freedman L. Victims and victors: reflections on the Kosovo War // Review of International Studies. Volume 26 – Issue 03 – July 2000.
8. International Telecommunication Union // URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/statistics/explorer/index.html (дата обращения: 10.06.2018).
9. Pew Research Center // The EU Elections on Twitter: Mixed Views about the EU & Little Passion for the Candidates by Katerina Eva Matsa and Mark Jurkowitzurl: http: //www.journalism.org/2014/05/22/the-eu-elections-on-twitter/ (дата обр.: 12.06.2018).
10. Robinson P. The CNN Effect: Can the News Media Drive Foreign Policy? // Review of International Studies, Vol. 25, No. 2 (Apr., 1999), pp. 301-309 // URL: http: //l abmundo.org/2014/wp-content/uploads/2015/01/ROBINSON_CNNEffect_1999.pdf (дата обр.: 01.06.2018).
11. UK Election Analysis 2015 – Jackson and Thorsen v1.pdf // URL: https://www.dropbox.com/s/ud8j5bxp42hadwa/UK%20Election%20Analysis%202015%20-%20Jackson%20and%20Thorsen%20v1.pdf?dl=0 (дата обр.: 12.06.2018).
12. USC Center on Public Diplomacy // Diplomacy by tweet won't resolve mideast instability // URL: https://uscpublicdiplomacy.org/tags/twitter-diplomacy (дата обр.: 12.06.2018).

REFERENCES:

1. Vostriakov L.E. *Kul'turnaia politika: kontseptsii, poniatiia, modeli*, Ekologiia kul'tury: informatsionnyi biulleten', 2004, No 1, pp. 79-108.
2. Matvienko V.V. *Istoriia i sovremennost' mediinogo landshafta Shveitsarii*, Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2014, No 11-1, pp.197-201, ISSN: 2073-0071.
3. Travin D. Ia. *“Pole chudes” ili biblioteka? Analiticheskii kommentarii v rossiiskoi presse*, Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul’ture, 2006, No 6, pp. 271-284, ISSN 1815-7912.
4. Baldi Paolo and Uwe Hasebrink *Broadcasters and Citizens in Europe trends in media accountability and viewer participation*, 2007, pp. 58-72.
5. *E-International Relations. Media as a Driving Force in International Politics: The CNN Effect and Related Debates*, PIERS ROBINSON, SEP 17 2013, available at http://www.e-ir.info/2013/09/17/media-as-a-driving-force-in-international-politics-the-cnn-effect-and-related-debates/ (accessed 5 June 2018).

6. *UK Election Analysis 2017: Media? Voters and the Campaign*, available at http://www.electionanalysis.uk/ (accessed 12 June 2018).
7. Freedman L. *Victims and victors: reflections on the Kosovo War*, Review of International Studies. Volume 26, Issue 03, July 2000.
8. *International Telecommunication Union*, available at http://www.itu.int/ITU-D/ict/statistics/explorer/index.html (accessed 10 June 2018).
9. *Pew Research Center, The EU Elections on Twitter: Mixed Views about the EU & Little Passion for the Candidates by Katerina Eva Matsa and Mark Jurkowitzurl*, available at http: //www.journalism.org/2014/05/22/the-eu-elections-on-twitter/ (accessed 12 June 2018).
10. Robinson P. *The CNN Effect: Can the News Media Drive Foreign Policy?* Review of International Studies, Vol. 25, No 2 (April, 1999), pp. 301-309, available at http: //labmundo.org/2014/wp-content/uploads/2015/01/ROBINSON_CNNEffect_1999.pdf (accessed 1 June 2018).
11. *UK Election Analysis 2015*, Jackson and Thorsen v1.pdf, available at https://www.dropbox.com/s/ud8j5bxp42hadwa/UK%20Election%20Analysis%202015%20-%20Jackson%20and%20Thorsen%20v1.pdf?dl=0 (accessed 12 June 2018).
12. *USC Center on Public Diplomacy*, Diplomacy by tweet won't resolve Mideast instability, available at https://uscpublicdiplomacy.org/tags/twitter-diplomacy (accessed 12 June 2018).

BYLIA Kseniia N. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russia. E-mail: clio-2010@mail.ru.

THE IMPORTANCE OF MEDIA LANDSCAPE IN THE STUDY OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

In the framework of this article, the author sets a task to understand how much the influence of the media on the study of international relations is and via which mass media the influence is set on. More than that, the author also raises the question of how to perceive the information received. In the 21st century, not only the economy and politics are the main ways to influence people, the state and their associations. The mass media, along with the above, become one of the three "pillars" of foreign policy.

MODERN INTERNATIONAL RELATIONS; MASS MEDIA; MEDIA LANDSCAPE

УДК 327.7
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.11

А. С. Матвеевская

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры «Мировая политика» факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E-mail: annamatveevskaya@mail.ru.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, являясь соседствующими государствами, имеют все условия для обмена и сотрудничества в туристской сфере. Начиная с 2014 г. Китай становится лидером по числу въездных потоков туристов в Россию. В свою очередь, китайское направление находится в топе рейтинга по количеству российских выездных туров. Двустороннее соглашение о безвизовых групповых поездках послужило увеличению туристского обмена между двумя государствами. 2018–2019 года объявлены периодом межрегионального сотрудничества России и Китая, что положительно отразится на кооперации государств в сфере международных отношений.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ; РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Международный туризм выступает как инструмент дипломатического, социокультурного [20] и экономического сотрудничества государств, осознавших значимость данного направления международных отношений в современном мире. Это обусловлено возвышением роли туризма для мировой экономики и межгосударственной дипломатии, для социально-экономических условий жизни населения и формирования имиджа государства на международной арене, для повышения репутации страны и участия во внешней политике в целом.

По утверждению Всемирной туристской организации (ЮНВТО) – специального подразделения ООН по вопросам туризма – за последние годы мировая торговля туристскими услугами увеличивается быстрее, чем торговля товарами [23]. Так, по данным за 2018 г. в Россию прибыло 4,2 млн. иностранных туристов, что на 10,5% выше, чем год назад (3,8 млн. иностранных прибытий за 2017 год). Прибывшие 1,26 млн. китайских туристов сделали Китайскую Народную Республику абсолютной чемпионкой по числу прибытий в Россию за прошлый год. Следом за Китаем расположилась Германия – 451,4 тыс. туристов и Южная Корея – 342,3 тыс. путешественников. Популярность России за 2018 год отмечается среди путешественников из США – 227 тыс., и Израиля – 164 тыс. человек, а также Италии – 127 тыс., Великобритании – 126 тыс., Франции – 116 тыс., Испании – 85 тыс. Японии – 61 тыс. человек. Среди остальных стран, вошедших в топ-20, отметим, Финляндию, Австралию, Бразилию, Индию, Канаду, Швейцарию и Австрию [21].

Начиная с 2014 г. Китайская Народная Республика становится мировым лидером выездного туризма (за год более 110 млн. человек из Китая отправляются за рубеж, а годовые траты китайских туристов превышают 170 млрд. долларов) [9]. Переход к рыночной экономике позволил сформировать китайский средний класс (акционеры, предприниматели, менеджеры-управленцы и др.), который имеет возможность оплачивать значительными суммами образование, культуру, туризм, развлечения. Активное в экономическом плане население среднего возраста 30–50 лет является основным потребителем туристских услуг. Эта часть путешествующих составляет примерно 30% от общего турпотока страны. Путешественники из Китая, не имея длительных отпусков, а также из-за опасения потери рабочего места, предпочитают совершать поездки в период государственных праздников (особенно в дни «длинных праздников», таких как День образования КНР с 1 по 7 октября, День Труда или майские праздники с 1 по 5 мая, китайский Новый год). Обычно продолжительность тура составляет от 3 до 7 дней [11].

На рост числа посещений китайцами нашей страны оказало влияние подписание в феврале 2000 г. правительством РФ и КНР Соглашения о безвизовых групповых туристских поездках, в соответствие с которым

туристы из Китая и России могут посещать страны без оформления визы в составе организованной группы [12], которая определена в Соглашении как группа граждан одного государства в составе не менее 5 и не более 50 человек, совершающих поездку на территорию другого государств с целью туризма. Срок безвизового пребывания не должен превышать 15 календарных дней [17].

В России активно развивается адаптация сервиса для гостей из Китая [19]. При поддержке и инициативе туристской ассоциации «Мир без границ» с 2014 г. осуществляется масштабная программа под названием China Friendly. Это крупный проект, с одной стороны, нацелен на создание комфортной среды пребывания туристов из Китая, а с другой направлен на продвижение турпродукта нашей страны на международном рынке. Основная цель проекта – организация сервиса и качества услуг для китайских туристов для увеличения туристского потока из КНР. Участниками проекта могут стать средства размещения, туристские компании, объекты показа, рестораны, торговые центры. Так, на сегодняшний день сертификат программы China Friendly получили отели, рестораны, музеи и магазины в 16 регионах страны [22].

В Россию из КНР едет «турист бюджетный», который экономит на всем, а особенно на экскурсионной программе. При этом китайские туристы тратят на покупки сувениров более 25% от стоимости тура (они тратят в два раза больше денег, чем, например, туристы из Европы). Популярными товарами становятся изделия, выполненные по традиционной русско-народной ремесленной технологии, предметы из янтаря, особенно активно приобретаются сувениры с символикой Санкт-Петербурга и СССР. С 2008 г. число людей, относящихся к среднему классу, достигло 75 млн. человек. Прогнозы к 2025 г. предполагают, что число таких людей будет составлять более 500 млн. человек. И поэтому шопинг-туры так популярны среди китайского населения [9].

Аттрактивны для представителей Китая Сибирские и Арктические туристские дестинации. Туристы из Китая составляют до 30% путешествующих в группах, совершаемых круизы по северным морям, к Северному полюсу, а также в Национальный Парк «Русская Арктика». Отметим, что Китайская Народная Республика, как страна с наибольшим

экономическим весом в Юго-Восточной Азии, заинтересована в полярных исследованиях, освоении круизных направлений по Северному морскому пути. Так, между Шанхаем и Шпицбергеном уже несколько рейсов совершил крупнейший научно-исследовательский дизельный ледокол «Xue Long» («Снежный дракон»). Сейчас строится и второй ледокол «Xue Long – 2» – еще более мощное судно для будущего сопровождения транспортных караванов по Северному морскому пути [6].

Среди других туристских направлений наибольший интерес у китайских туристов вызывают Санкт-Петербург и Москва. Вырос приток представителей из КНР и в приграничные зоны Забайкалья, Приморский край и Амурскую область. Здесь особо популярны шопинг-туры. Курс рубля упал и поэтому покупательский спрос китайцев в нашей стране вырос почти на 20%. Программы туров, связанные со столетием Октябрьской революции, оказались самыми востребованными у туристов из Китайской Народной Республики. В 2017 г. отмечалось столетние юбилеи Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций. Эти события должны рассматриваться как особо значимые для мировой истории. Они, безусловно, привлекли внимание потенциальных туристов из разных стран мира. Поездки в Россию, определенные интересами путешествующих к истории революционных событий, принято относить к категории «красного туризма». Данный термин работники туриндустрии применяют для обозначения историко-культурных познавательных туристских программ, основанных на интересе иностранцев к России как первой стране социализма. При этом используют культурные ресурсы революционной эпохи, военной тематики, социалистической жизни [10]. Популярна «красная» туристская тематика также у приезжающих из Японии и Кореи.

«Красный маршрут» – это федеральный проект, который позволяет путешественникам посетить Петербург (город свершения социалистической революции), Ульяновск (родину В. Ульянова), Казань (где прошла университетская юность будущего «вождя мирового пролетариата»), а также Москву (где работал, умер и похоронен выдающийся деятель мировой истории XX в.). «Базовый маршрут» (Москва – Ульяновск – Казань – Санкт-Петербург) проходит в течение

8 дней и 7 ночей. Среди действующих маршрутов летнего сезона – путешествие с трехдневным туром по Волге [3].

В рамках Международных научно-практических конференций, посвященных Евразийским исследованиям, их участниками часто обсуждались вопросы развития международного туризма по «Великому Шелковому пути». На сегодняшний день этот маршрут является одним из самых известных и активно развивающихся международных туристских проектов в Евразии. Воссоздание маршрутов караванных торговых путей, которые протянулись через страны Евразии со II в. до н.э. до XV в., положены в основу современных туристских программ. Две основные трассы лежат в маршрутах Шелкового пути: «Южная» – первая трасса шла от северного Китая через Среднюю Азию на Ближний Восток и Северную Индию; «Северная» – вторая трасса пролегала от Китая к Памиру, далее в Приаралье, отсюда к Нижней Волге и к бассейну Черного моря. На наш взгляд, разрабатываемые туристские программы в рамках маршрута «Великого шелкового пути» интересны таким странам как КНР, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан, Казахстан, Турция, Италия. Программа предусматривает организацию стоянок в местах культовых памятников и уникальных ландшафтов, создание системы специальных туристско-этнографических комплексов, в том числе новых баз по изготовлению юрт, кочевнических передвижных средств, убранства и другой бытовой утвари. Разработчики нацелены на возрождение национальной кухни, одежды, традиций и ритуалов, а также организацию школ и мастерских народного творчества, подготовку кадров в данной сфере туристского обслуживания, конезаводов и т.д. Такие разнообразные туристские условия и ресурсы могут быть применены и в программах столь популярных сегодня квестов [18], которые могут быть востребованы как среди российских, так и китайских путешественников.

Туристские маршруты России в пределах Шелкового пути представлены лишь Северо-Прикаспийским регионом. Однако предложения новых программ, одобренных комитетом по импортозамещению, представлены в данном регионе. Например, туристские программы с посещением Астрахани, с. Евпраксино, с. Алтынжар, с. Козлово, с. Маково и др. К сожалению, автор признает, что такие туристские программы на

сегодняшний день не являются столь перспективными.

Международный туристский маршрут – «Великий чайный путь», по мнению автора, напротив, может иметь перспективное развитие в будущем. Исторически Великий чайный путь, соединявший Азию и Европу в XVI–XIX вв., проходил через Китай, Монголию и Россию. По путям маршрута перевозились вместе с чаем и многие другие товары. Средняя протяженность главного сухопутного пути из Москвы до Пекина составляла (с учетом продвижения по разным участкам) около 8,5 тыс. верст. Путь начинался в китайском городе Ухань и разделялся на множество дорог, волоков, речных путей – маршруты проходили через 150 городов, главными были Пекин, Ургу (Улан-Батор), Маймачен (Алтан-Булаг), Троицко-Савск (Кяхта), Верхнеудинск (Улан-Удэ), Слюдянка, Иркутск, Красноярск, Омск, Тюмень, Екатеринбург, Кунгур, Ирбит, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Москва, Санкт-Петербург. Движение торговых караванов по водно-сухопутным и водным трассам могло занимать один год только в одну сторону. Туристский маршрут «Великий чайный путь», протяженностью 3 тыс. км. Предлагает путешествующим разнообразные программы, реализуемые с 2017 года. Проект обслуживает поезд «Звезда Евразии». Транссибирская магистраль – главная трасса туристского маршрута. Путешествующим предлагается проехать по железной дороге от Китая до Уральских гор. Главные потенциальные участники тура – туристы из Китайской Народной Республики. Информационный тур был организован весной 2017 г. Маршрут прошел через шесть крупнейших городов Сибири и Урала (Читу, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Екатеринбург) и [15].

В условиях растущей глобализации государства осознают важность кооперации и сотрудничества в сфере международного туризма [8]. Сегодня ежегодно проводятся международные форумы и конференции, на которых обсуждается значение туризма, способы развития туристкой сферы. Как одна из важнейших составных частей современного туристского обмена рассматриваются поездки с образовательными [1] и деловыми целями. Деловой туризм является одним из наиболее прибыльных видов туризма. В настоящее время поездки с деловыми целями, будь то международные конференции или форумы, выставки или

ярмарки, прочно утвердились во многих странах как наиболее быстро развивающийся экономический сектор, обеспечивающий приток иностранной валюты и создание новых рабочих мест. Бизнес-туризм является важнейшим инструментом стимулирования деловой активности, роста промышленного производства и расширения сферы услуг, укрепления межрегионального и международного сотрудничества, поддержки благоприятного имиджа той или иной области.

Важной площадкой межгосударственного общения в сфере туризма является Российско-Китайский туристский форум, который проводится ежегодно, начиная с 2012 года. В 2019 году форум проводится в 7 раз [16]. Как и обычно, на нем обсуждаются перспективы взаимного сотрудничества двух государств в сфере гуманитарных обменов и туризма. На форуме ежегодно принимают участие органов государственной власти, общественных организаций, представителей туристской сферы, которые неоднократно подписывают важные соглашения между профильными организациями государств – партнеров. Организаторы форума – Туристская ассоциация «Мир без границ» и Государственное управление по делам туризма Китайской Народной Республики.

2018-2019 гг. объявлены годами межрегионального сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В июне – июле 2018 г. Россия принимала чемпионата Мира по футболу ФИФА [2]. Этому событию также было посвящено особое внимание на Российско-Китайском форуме 2018 года. Туристская Ассоциация «мир без границ» совместно с Shankai Sports International подписали соглашение о привлечении болельщиков из Китая. Официальный китайский дистрибьютор билетов на чемпионат мира 2018, Shankai Sports International, обладает исключительным правом продавать билеты китайским болельщикам в Россию. В соответствие с подписанным Соглашением, китайская компания рекомендовала средства размещения, сервис которых был подготовлен специально для китайских туристов [16]. И, действительно, следует отметить, поток граждан Китая с паспортами болельщиков составил на период Чемпионата – 67 тысяч человек, это второе место после российских граждан (980 тысяч человек). Третье место заняли болельщики из США (52 тысячи человек) [21]. Тем более,

интересным является тот факт, что футбольные команды ни из КНР, ни из США даже не смогли пройти отборочный этап для участия в Чемпионате Мира 2018 г. В 2022 году Китай проводит Зимние олимпийские игры, что открывает широкие возможности для развития туризма между нашими государствами.

Российско-Китайский Форум, прошедший в марте 2019 г., отмечен экспертами выходом взаимоотношений двух стран на новый уровень. Участники форума подчеркивали значение стратегии развития российско-китайского туризма, останавливаясь не только на достижениях, но и перспективных направлениях взаимного сотрудничества в этой сфере [16]. Китайские эксперты привели статистику наиболее популярных направлений для туристов из Китая за 2018 г. Россия вошла в десятку лидирующих стран (около 2 млн. туристов за год). Также в списке оказались такие страны как, Таиланд, Корея, Япония, США, Сингапур, Вьетнам, Малайзия и Индонезия, а также Германия [4]. Программа деловых встреч в рамках форума 2019 объединила ведущих туроператоров, представителей широко востребованных музеев, руководителей глобальных социальных сетей и поисковых систем в сфере туризма, российских и китайских блогеров.

В мае 2018 г. была утверждена Концепция Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)» (распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2018 г. № 872-р). Согласно ей, к концу 2025 г. объем туристских услуг, оказанных населению, должен будет составлять более 274 млрд. руб., а объем услуг, оказываемых населению гостиницами и аналогичными средствами размещения, достигнет 373 млрд. руб. [5]. Ожидается, что количество организованных туристов, оформивших путевку по России, зарегистрированную в электронном виде через государственную информационную систему «Электронная путевка», к концу 2025 г. достигнет 6,78 млн. человек в год. Напомним, что указанная система была запущена в тестовом режиме с 22 сентября прошлого года, а ее промышленная эксплуатация началась 1 января 2018 г.

6 февраля 2019 г. на форуме Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Президент поручил Министерству

Иностранных Дел совместно с Ростуризмом в срок до 31 марта 2019 г. представить предложения по облегчению порядка оформления виз для иностранных туристов, в том числе с помощью оформления электронных виз. Сегодня ведется разработка системы получения электронных виз иностранными туристами на период 3–8 дней при условии покупки туристского пакета услуг. По мнению экспертов, это выгодно скажется на увеличении туристского потока в нашу страну [14].

В частности, для продвижения российского туристского продукта планируется осуществлять поддержку деятельности и развивать международную сеть национального маркетингового центра по туризму («Visit Russia»). В рамках стимулирования предпринимательских и общественных инициатив предполагается предоставлять субсидии туроператорам на компенсацию части затрат в рамках договора о реализации туристского продукта в сфере внутреннего и въездного туризма, в том числе в целях снижения стоимости туристских пакетов в низкий сезон и для социально уязвимых категорий граждан.

Программный документ Концепции утвердил 15 перспективных туристских укрупненных инвестиционных проектов, по конкретным приоритетным видам туризма [5]:

- в рамках оздоровительного туризма (проекты «Черноморское побережье», «Приволжье», «Кавказ», «Каспий»);
- в рамках культурно-познавательного туризма (проекты «Серебряное ожерелье России», «Центральная Россия», «Русская Балтика», «Урал»);
- в рамках активного туризма (проект «Сибирь»);
- в рамках круизного туризма (проекты «Приморье», «Волжский путь», «Русская Арктика», «Амур», «Камчатка»);
- в рамках экологического туризма (проект «Байкал»).

Международный туризм как стабильно развивающаяся часть экономики предполагает более тесную кооперацию между странами для разрешения межгосударственных проблем. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г., Президент Российской Федерации отметил: «Наши равноправные взаимовыгодные отношения с Китаем сегодня служат важным стабилизирующим фактом в мировых делах, в обеспечении безопасности в Евразии, показывают пример

плодотворного сотрудничества в экономике» [13]. Сотрудничество и кооперация наших государств позволяют увеличить доходы стран, привлечь иностранные капиталы и частично переориентировать экономику и законодательство для привлечения иностранных туристов и последовательного развития сферы туризма [7]. Успешное проведение дипломатических переговоров, поддержание стабильности мирного существования мирового сообщества способствуют расширению туристской сферы, что положительно влияет на экономику и развитие культурной сферы государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Евсеева Л.И., Шипунова О.Д. Трансформация образовательной среды в условиях сетевого общества // Коммуникативные стратегии информационного общества: сб. ст. IX междунар. науч.-практ. конференции. 2017. – С. 109–115.

2. Евсеев В.В., Волкова Л.М., Поздеева Е.Г. Физическая культура в создании среды здоровьесбережения // Стратегические направления реформирования вузовской системы физической культуры: сб. ст. V Всеросс. науч.-практ. конф.с междунар. участием. СПб. 2018. ISBN: 978-5-7422-6150-6 – С. 19–22.

3. Ермакова Т.А., Погодина В.Л. Анализ условий развития «красного туризма» в Санкт-Петербурге // Географическая наука, туризм и образование: современные проблемы и перспективы развития: сб. ст. V Всеросс. науч.-практ. Интернет-конф., 1–22 апреля 2016 г., Новосибирск, ISBN: 978-5-00023-966-7 – С. 34–35.

4. Интерфакс туризм. Офиц. сайт [Эл. ресурс] – URL: http://tourism.interfax.ru.

5. Концепция Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного турзма в Российской Федерации (2019–2025 гг.)» [Электронный ресурс] – URL: https://www.russiatourism.ru (дата обр.: 20.02.2019).

6. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. – Архангельск, САФУ, 2013. – 280 с. ISBN 978-5-261-00770-8.

7. Матвеевская А.С. Международный туризм и его роль в развитии межкультурных коммуникаций России // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: сб. ст. Вып. 7. – СПб, 2014. ISBN: 978-5-94396-159-5– С. 543–556.

8. Матвеевская А.С. Туризм как политический межгосударственный диалог // Наука Красноярья. 2017. Т.6. №4. С. 58–68. ISSN: 2070-7568

9. Нарута Я.С., Зенкина Е.С. Анализ туристской мотивации китайских потребителей // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2015. №25. С. 120–124

10. Теоретические основы туристско-рекреационного ресурсоведения (на примере Санкт-Петербурга). СПб. 2005.

11. Погодина В.Л., Филиппова И.Г. География туризма: учебник / под ред. Е.И. Богданова. Серия высшее образование: бакалавриат. М.: ИНФРА-М. 2015. 256 с. ISBN: 978-5-16-010338-9

12. Погодин С.Н., Тараканова Т.С. Стратегическое партнерство России и Китая на площадке ШОС // Геополитика и безопасность. 2017. №4(40). С. 62–66. ISSN: 2071-2332

13. Послание Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019. [Электронный ресурс] – URL: http: //kremlin.ru/events/president/news/59863)

14. Путин поручил упростить получение виз РФ для иностранных туристов. [Электрон. ресурс] – URL: http://tourism.interfax.ru (дата обр. 03.03.2019).

15. Российские Железные Дороги Тур. Официальный сайт [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rzdtour.com (дата обращения: 15.02.2019).

16. VII Российско-Китайский туристический форум. Офиц.сайт. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://forum-tourism.com/ (дата обр.: 20.02.2019).

17. Соглашение между Правительством Российской Федерацией и Правительством Китайской Народной Республикой о безвизовых групповых туристических поездках (заключено в г. Москве 29.02.2000 (ред. От 17.11.2006) [Электронный ресурс] – URL: http://legalacts.ru (дата обр.: 20.01.2019).

18. Танова А.Г., Евсеева Л.И. Квест как форма образовательной деятельности // Гуманитарная образовательная среда технического вуза: сб. ст. междунар. науч.-метод. конф. СПб. 2016**. –** С. 354-355

19. Тараканова Т.С. Экономическое сотрудничество Китайской Народной Республики со странами Шанхайской организации сотрудничества // Управленческое консультирование. 2017. №3 (99). С.159–163. ISSN: 1726-1139

20. Шипунова О.Д., Коломейцев И.В. Социотехническая система и социокультурная среда в современном обществе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 1(105). С. 15–21. ISSN: 2304-9758

21. Федеральное агентство по туризму РФ. Офиц. сайт [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.russiatourism.ru/ (дата обр.: 12.02.2019).

22. China Friendly Официальный сайт. Электронный ресурс – URL: http://www.chinafriendly.ru (дата обращения: 18.01.2019).

23. World Tourism Organization – UNWTO. Официальный сайт. [Эл. ресурс] – URL: http://www2.unwto.org/ru/home (дата: 03.03.2019).

REFERENCES:

1. Evseeva L.I., Shipunova O.D. *Transformatsiia obrazovatel'noi sredy v usloviiakh setevogo obshchestva , Kommunikativnye strategii informatsionnogo obshchestva*: sb. st. IX mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, 2017, pp. 109-115.

2. Evseev V.V., Volkova L.M., Pozdeeva E.G. *Fizicheskaia kul'tura v sozdanii sredy zdorov'esberezheniia, Strategicheskie napravleniia reformirovaniia vuzovskoi sistemy fizicheskoi kul'tury: sb. st. V Vseross. nauch.-prakt. konf.s mezhdunar. uchastiem*, Saint-Petersburg, 2018, ISBN: 978-5-7422-6150-6, pp. 19-22.
3. Ermakova T.A., Pogodina V.L. *Analiz uslovii razvitiia "krasnogo turizma" v Sankt-Peterburge, Geograficheskaia nauka, turizm i obrazovanie: sovremennye problemy i perspektivy razvitiia: sb. st. V Vseross. nauch.-prakt. Internet-konf.*, 1-22 April 2016 g., Novosibirsk, ISBN: 978-5-00023-966-7, pp. 34-35.
4. *Interfaks turizm*, available at http://tourism.interfax.ru.
5. *Kontseptsiia Federal'noi tselevoi programmy "Razvitie vnutrennego i vezdnogo turzma v Rossiiskoi Federatsii* (2019-2025 gg.)" available at https://www.russiatourism.ru (accessed 20 February 2019).
6. Lukin Iu.F. *Rossiiskaia Arktika v izmeniaiushchemsia mire: monografiia*, Arkhangel'sk, SAFU, 2013, 280 p., ISBN 978-5-261-00770-8.
7. Matveevskaia A.S. *Mezhdunarodnyi turizm i ego rol' v razvitii mezhkul'turnykh kommunikatsii Rossii*, Aktual'nye problemy mirovoi politiki v XXI veke: sb. st. Vol. 7, Saint-Petersburg, 2014, ISBN: 978-5-94396-159-5, pp. 543-556.
8. Matveevskaia A.S. *Turizm kak politicheskii mezhgosudarstvennyi dialog*, Nauka Krasnoiar'ia, 2017, Vol.6, No 4, pp. 58-68, ISSN: 2070-7568.
9. Naruta Ia.S., Zenkina E.S. *Analiz turistskoi motivatsii kitaiskikh potrebitelei*, Strategiia ustoichivogo razvitiia regionov Rossii, 2015, No 25, pp. 120-124.
10. *Teoreticheskie osnovy turistsko-rekreatsionnogo resursovedeniia (na primere Sankt-Peterburga)*, Saint-Petersburg, 2005.
11. Pogodina V.L., Filippova I.G. *Geografiia turizma*: uchebnik, edited by E.I. Bogdanova, Seriia vysshee obrazovanie: bakalavriat, Moscow, INFRA-M, 2015, 256 p., ISBN: 978-5-16-010338-9.
12. Pogodin S.N., Tarakanova T.S. *Strategicheskoe partnerstvo Rossii i Kitaia na ploshchadke ShOS*, Geopolitika i bezopasnost', 2017, No 4(40), pp. 62-66, ISSN: 2071-2332.
13. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniiu ot 20 fevralia 2019*, available at http: //kremlin.ru/events/president/news/59863.
14. *Putin poruchil uprostit' poluchenie viz RF dlia inostrannykh turistov*, available at http://tourism.interfax.ru (accessed 3 March 2019).
15. *Rossiiskie Zheleznye Dorogi Tur*, available at http://rzdtour.com (15 February 2019)
16. *VII Rossiisko-Kitaiskii turisticheskii forum*, available at http://forum-tourism.com/ (accessed 20 February 2019).
17. *Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsiei i Pravitel'stvom Kitaiskoi Narodnoi Respublikoi o bezvizovykh gruppovykh turisticheskikh poezdkakh (zakliucheno v g. Moskve 29.02.2000* (red. ot 17.11.2006), available at http://legalacts.ru (accessed 20 January 2019).
18. Tanova A.G., Evseeva L.I. *Kvest kak forma obrazovatel'noi deiatel'nosti* , Gumanitarnaia obrazovatel'naia sreda tekhnicheskogo vuza: sb. st. mezhdunar. nauch.-metod. konf., Saint-Petersburg, 2016, pp. 354-355.

19. Tarakanova T.S. *Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Kitaiskoi Narodnoi Respubliki so stranami Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva*, Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2017, No 3 (99), pp.159-163, ISSN: 1726-1139.
20. Shipunova O.D., Kolomeitsev I.V. *Sotsiotekhnicheskaia sistema i sotsiokul'turnaia sreda v sovremennom obshchestve*, Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta, Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, 2010, No 1(105), pp. 15-21, ISSN: 2304-9758
21. *Federal'noe agentstvo po turizmu RF*, available at https://www.russiatourism.ru/ (accessed 12 February 2019).
22. *China Friendly*, available at http://www.chinafriendly.ru (accessed 18 Jan. 2019)
23. *World Tourism Organization – UNWTO*, available at http: //www2.unwto.org/ru/home (accessed 3 March 2019).

MATVEEVSKAYA Anna S. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: annamatveevskaya@mail.ru.

COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL TOURISM

Russian Federation and China, being neighboring states, have all the conditions for exchange and cooperation in tourism sector. Since 2014, China has become the leader in the number of incoming tourists flows to Russia. In turn, the Chinese direction is in the top of ranking by number of Russian outbound tours. The bilateral agreement on visa-free group trips served to increase tourist exchanges between two countries. The years 2018-19 have been declared as a period of interregional cooperation between Russia and China, which will have a positive effect on cooperation of states in sphere of international relations.

INTERNATIONAL TOURISM; RUSSIAN-CHINESE TOURISM FORUM; INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 94
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.12

О. К. Павлова

ИСТОРИЯ ПРИЗРЕНИЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕ

ПАВЛОВА Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru.

Статья посвящена истории становления и развития призрения и благотворительности в европейских странах на примере Англии, Франции, Германии. Рассматривается политика государственных властей по борьбе с нищенством, отмечаются общие тенденции в отношении к нищенству и бродяжничеству в европейских странах. Выделяются особенности национальной политики отдельных государств в формировании отношения граждан к нуждающимся слоям населения. Уделяется внимание роли церкви в воспитании милосердия и стремления к помощи обездоленным слоям населения.

ИСТОРИЯ; ЕВРОПА; ПРИЗРЕНИЕ; БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ; НИЩЕНСТВО; БРОДЯЖНИЧЕСТВО; ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА; ОБЩЕСТВО; ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА

Проблемы бедности, нищенства, незащищенности нуждающегося населения можно считать международными. Во все времена, вплоть до настоящего времени во всех странах мира была и есть часть населения, которая нуждается в государственной или общественной помощи. Следует отметить, что это социальная проблема не зависит от степени развитости государства. Нищих и нуждающихся в помощи людей можно встретить на улицах Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Берлина и т.д. Причины бедности и обездоленности могут быть разные, равно как и политика государства в отношении этих слоев населения. Однако можно выделить общность и

особенности государственной политики, призрения и благотворительности в странах Европы и России.

Истоки благотворения своими корнями уходят в христианскую веру. Идеология христианства сформировала новое мировоззрение человека. Идеи о братстве людей формировали любовь к ближнему, призывали «положить свою душу за своего друга». Христианство в Европе ориентировало богатых раздать свое состояние в пользу нуждающихся, мотивируя это тем, что бедный более угоден богу. Однако со временем отношение к бедным людям в христианской Европе меняется. Тем не менее, благотворительность в Европе формировалась и развивалась на основе христианских проповедей, имела религиозно-нравственные формы, была неразрывно связана с церковью. С момента распространения христианства и вплоть до XIV века основным учреждением призрения бедных была церковь.

Важным этапом развития призрения и благотворительности, государственной политики в этом направлении является появление законодательных документов. Первые из них появились в Европе в период раннего средневековья, в это время формировалась финансовая база благотворительности и призрения. Например, король франков Карл Великий в 779 году обложил налогами церковнослужителей, зависимых людей в пользу бедных и обязал каждого из них содержать известное число бедняков. В то же время был введен запрет на прошение милостыни, равно как и на подачу её.

В период классического средневековья зарождается система законодательных актов, направленная на помощь нуждающимся людям. Наиболее успешно она развивалась в Англии в X–XI веке. Здесь появились законодательные акты, направленные на закрепление нуждающихся людей, не имевших постоянного места жительства, за конкретными состоятельными людьми или церковными служителями. Каждый приход имел определенное количество предписанных нуждающихся людей. В соответствии с каноном 1281 г., священники были обязаны удовлетворять потребности только тех нуждающихся, которые жили в их приходах.

Аналогичная политика проводилась и во Франции. Король Людовик Святой в 1254 году обязал каждую общину составить списки своих

бедняков и только им оказывать помощь. Таким образом, начиная с XIII века, в европейских странах формировалось государственное законодательство, направленное на оказание поддержки нуждающимся, которое носило запретительный характер.

Подобная политика была характерна практически для всех европейских стран XIV–XV вв.: в Англии, Франции, Германии регулярно издавались законодательные документы в виде указов, запрещавшие просить милостыню. Однако указы не носили систематического характера, в большей степени напоминали распоряжения, направленные на борьбу с нищенство и бродяжничеством. Мало напоминали заботу о нуждающихся людях.

Средневековый период характеризуется исследователями как крайне жестокий период истории, что нашло отражение и в политике по отношению к бедным людям. В это время, например, в Англии, за подачу милостыни трудоспособного человека могли подвергнуть заключению. Одновременно ужесточалась и борьба с нищими. Согласно статуту Эдуарда VI (1547 г.) нищие должны принудительно или добровольно привлекаться к работам, отказавшийся от посильного труда, подвергался клеймению и отдаче в рабство на два года тому, кто пожелает его взять. В данной ситуации формой сопротивления являлся побег. Если человек осуществлял побег первый раз, его ловили и подвергали вторичному клеймению, после чего отдавали в вечное рабство. Второй побег – карался смертной казнью [1, с. 406].

Похожая политика проводилась во Франции, по ордонансу 1350 г. предписывалось способных к труду людей, но просящих милостыню, задерживать, в первый раз сажать на хлеб и воду. Вторая попытка приводила к позорному столбу, а третья – наказывалась клеймением раскаленным железом и изгнанием из города. Позднее наказания усиливались. По ордонансу 1545 г. для наказания виновных применяли розги и изгоняли из государства навсегда. Позднее, в 1596 г., было принято новое постановление, согласно которому, всех нищих, которые окажутся в Париже после объявления закона, через 24 часа вешать без соблюдения каких-либо формальностей [2, с. 8]. Наказаниям подвергались не только просящие милостыню, но и подающие её. Штраф составлял 50 ливров.

Меры наказания за попрошайничество в европейских странах были различные. Так, например, в Англии кроме клеймения, рабства и смертной казни, отрезали ухо. Таким образом, в средневековой Европе шла жестокая борьба с нищенством.

В христианской этике происходили постепенные изменения в отношении к нищенству. В католической, а затем и в протестантской этике, отношение к нищенству было негативное. В этом она отличалась от православной, где бедный человек считался ближе к богу, чем богатый. В работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) автор отмечает: «Что же касается нищенствования, которому предается человек, способный работать, то (для пуритан) это не только грех бездеятельности, но и …нарушение завета любить ближнего своего…» [3, с. 191]. То есть для пуритан желание быть бедным равносильно желанию быть больным. Отсюда следует вывод: «Подаяние – не милосердие».

Этим объясняется длительная борьба в европейских странах с нищенством, как со злом, независимо от причин его породивших. Поэтому выбирались различные формы наказания, как формы борьбы с нищенством.

Уровень призрения и благотворительности определялся в значительной степени развитием экономических отношений. Экономика влияла на масштабы расслоения общества, появлению целой армии обездоленных людей. В Европе появилось огромное число нищих и бродяг, от которых, как считали власти, исходила угроза спокойствию и безопасности общества. Для решения этой проблемы привлекались общественные силы. В зависимости от сложившейся в государствах ситуации для решения проблемы привлекались законодательные акты, организационные и финансовые основы, создавались специальные учреждения призрения и благотворительности.

Общей тенденцией в развитии призрения и благотворительности были поиски финансового обеспечения. Прежде всего, просьбы о помощи нуждающимся были обращены к церкви. Церковь, располагавшая тогда значительными средствами, формировала пособия, раздавала милостыню. Однако она не была адресной, так как истинного положения дел, причинами, породившими нищенское существование, никто не

интересовался. Для покрытия расходов, связанных с призрением бедных, например в Англии, в 1601 году был введен налог в пользу бедных.

Раздача милостыни шла, как правило, без разбора. Кроме этого забота о нищих возлагалась на цеховые объединения, другие общины и корпорации, которые были обязаны опекать собственных бедняков. Однако конкретного определения статуса «нуждающихся в помощи» не было, число их росло. Это вызывало недовольство европейского общества и приводило к гонениям нищих.

К концу средневековья в Европе происходили некоторые изменения. Они заключались в переходе от репрессивно-запретительных мер к более гуманным по отношению к нищим. Выдавались разрешения на получение милостыни, смягчены были наказания за попрошайничество. Английская королева Елизавета (XVII в) издала закон, установивший обязательное призрение бедных. Этот закон определял финансовое обеспечение призрения путем введения налога в пользу бедных. Таким образом предполагалось заменить подачу милостыни. Кроме этого к решению проблемы привлекались имущие слои населения путём добровольных пожертвований. Уже традиционно решение задач призрения возлагалось на приходы. Тем не менее, люди способные к работе, должны были быть ею обеспечены.

В Англии призрение и благотворительность развивались на религиозно-государственных основах, под контролем со стороны властей. Формирование системы призрения возлагалось на особые надзирательные органы, которые назначались мировыми судьями из числа церковных старост и домохозяев, в количестве 2–4-х человек на каждый приход. Деятельность надзирателей контролировали мировые судьи, деятельность последних была подконтрольна налогоплательщикам. Таким образом, в Англии XVII века под контролем государства и общества, при активном участии церкви развивалась система призрения.

С 1610 года в стране создавались специальные исправительные дома. Согласно закону, в каждом графстве должны были создаваться исправительные дома, комбинировавшие наказание тунеядцев и предоставление им трудовой помощи. В 1697 г. был открыт рабочий дом, который представлял собой один из типов учреждений призрения.

Результаты его деятельности оценивались положительно, что открыло дорогу для создания подобных учреждений по всей стране.

Подобная практика создания рабочих домов начала распространяться и во Франции в XVIII в. Однако она не получила такого распространения как в Англии. Только лишь по декрету Наполеона 1808 года, была возобновлена практика создания работных (рабочих) домов. Они рассматривались как средство борьбы с нищенством. Анализ деятельности работных домов показал, что нищие-тунеядцы дурно влияют на людей, добровольно пришедших на работу. Поэтому, по решению правительства, в 1812 году была отменена практика добровольного права поступления в рабочие дома [4, с. 34, 36].

Во второй половине XVIII века государственная политика по отношению к нищим, бродягам вновь претерпевает изменения. Так, в Англии, нищенство и бродяжничество, равно как и совершаемые при этом противозаконные действия, рассматривались как преступления. Соответственно изменялось и наказание. Теперь эти пороки карались тюремным заключением сроком от одного месяца до года [5, с. 471]. Постепенно, в Англии рабочие дома с жестким режимом превращались в дома призрения. Изменилось отношение к бездомным детям, их принимали на общественное воспитание. Бедняки, заработок которых был скуден, по решению попечителей получали пособие из общественных сумм [5, с. 447–451]. Таким образом, в стране зарождалось и развивалось общественное призрение. Возможности общественного призрения расширялись благодаря растущим налогам в пользу бедных слоев населения. Однако рост налогов вызывал недовольство налогоплательщиков, что чуть не привело Англию к банкротству.

В стране были приняты меры для снижения налогового бремени. Новые законодательные акты способствовали увеличению единиц попечительства о бедных, приходы были заменены более крупными союзами, ограничивалась помощь на дому, контролировалась деятельность рабочих домов, учреждались особые организации для контроля за выполнением закона.

Для европейских стран XVIII–XIX в. было характерно сочетание государственной, религиозной и общественной форм призрения и

благотворительности. Развитие частных форм благотворительности в значительной степени проходило под влиянием государственных властей.

Одновременно, именно государственные власти вели активную борьбу с нищенством. В этом плане наиболее активно действовали английские власти. В стране с 1824 года действовал акт о бродягах, измененный в 1871 году. По закону, виновные в нищенстве, но способные к труду, наказывались принудительным трудом с заключением в тюрьму на один месяц. Хотя подобные наказания применялись редко. Очевидно, что английское законодательство рассматривало призрение бедных как обязательное дело. Подобная политика проводилась и в России [6, с. 47–114].

Во Франции, в отличие от Англии, отсутствовало деление нищих на трудоспособных и нетрудоспособных, наказание до трех месяцев, заключение в тюрьму предусматривалось для тех и других.

Подобные мероприятия проводились и в других европейских государствах. Однако, было очевидно, что только государственными усилиям решить проблемы нищенства, бродяжничества невозможно. Церковные структуры, государство формировало в обществе сознание необходимости общественного призрения, как высшей формы проявления милосердия, доброты, богоугодного дела в оказании помощи нуждающимся людям.

Первые общественные организации призрения возникли в Англии. В этих организациях отразилась политика государства, в них проявился принцип помощи в форме принудительного или добровольного трудоустройства.

Пиком развития призрения во всех европейских странах традиционно считается XIX век. В Англии, Германии, Бельгии и других странах в это время сформировалась система общественного призрения. Разница заключалась в том, что в одних странах организация призрения носила факультативный характер, в других – обязательный. Кроме того, с учетом политического и экономического положения государств, традиций каждое государство имело свои особенные предпочтения в организации призрения и благотворительности. Например, в Германии еще в эпоху Реформации было положено начало индивидуальным формам призрения и благотворительности. В основе лежали старые общинные традиции

христиан. По мнению специалистов именно эти традиции привели к возникновению так называемой Эльберфельдской системы индивидуальной помощи. В Германии существовала система открытого и закрытого призрения, через дома призрения широко использовалась помощь на дому. Исследования показали, что наиболее эффективной оказалась помощь на дому и привлечение к ней частных благотворителей.

Таким образом, развитие призрения и благотворительности имело много общего в странах Европы. Общими были причины порождавшие нищенство и борьба с ним, проблемы финансирования призрения и благотворительности, подготовка кадров для социальной деятельности. Эти и другие проблемы были предметом обсуждения на международном конгрессе, проходившем в Милане в мае 1880 года. Важность этого представительного собрания заключалась не только в обсуждении общих проблем на почве борьбы с нищенством, но и обмен опытом, накопленным каждой страной в деле развития призрения и благотворительности, в воспитании милосердия и роли государств в этом процессе.

Двадцатый век, к сожалению, не избавился от общих проблем, однако, в большинстве стран произошла трансформация системы, развитие государственной системы социальной защиты населения, расширение её форм. При поддержке государства развитие получили как общественные, так и частные формы призрения и благотворительности. Накоплен огромный исторический опыт каждой страной в отдельности, ценным историческим материалом являются исследования в этом направлении представителями различных научных направлений. Историки, социологи, экономисты продолжают изучать не только причины возникновения нищенства и бродяжничества, но и формы преодоления этих негативных явлений, в разной степени, но имеющих место практически во всех странах мира.

Для решения социальных проблем создаются международные организации, издаются многочисленные исследования. В соответствии с мировым рейтингом благотворительности в большинстве стран мира существуют благотворительные организации, фонды и т.п. Социологические исследования показывают, что подобные благотворительности явления распространены в 146 странах мира, в том

числе в 37 европейских государствах [7]. Представляет интерес правовое обеспечение социальной политики ведущих европейских государств [8].

В развитии призрения и благотворительности огромный опыт, как это отмечается выше, накоплен Англией. На современном этапе это государство продолжает развитие сложившихся веками традиций благотворительности [9]. Большое внимание социальным проблемам уделяется государственными и общественными структурами и в России. Изучение исторического международного опыта в деле призрения и благотворительности, его использование порождает надежду в решении многих социальных проблем

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Мещанинов И.В. О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб., 1910.

2. Домострой. СПб., 1891.

3. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

4. Фриш В. Административные и полицейские учреждения Франции, Австрии и Пруссии. Ч.4. СПб., 1906.

5. Гаген В.А. Право бедных на призрение. СПб., 1907.

6. Павлова О.К. Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге. Вторая половина XIX – начало XX вв.: монография. – СПб., 2015. – 407с. ISBN: 978-5-7422-4839-2

7. Мировой рейтинг благотворительности 2012 // Gallup. Официальный интернет-портал компании. URL: www.gallup.com/home.aspx (дата обр.: 24.10.2018).

8. Нехаев В.В., **Нехаева Т.Г.** Правовое гражданское общество и социальное государство: опыт ФРГ // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург. 2000. С. 242-244

9. Благотворительность в Англии // Институт социальных инвестиций. URL: https //sites.google.com/site/insocin/home/titular-isi/blagotvoritelnost-v-anglii (дата: 20.11.17).

REFERENCES:

1. Meshchaninov I.V. *O nishchenstve v Rossii i o sposobakh bor'by s etim iavleniem*, Pervyi Vserossiiskii s"ezd deiatelei po obshchestvennomu i chastnomu prizreniiu, Saint-Petersburg, 1910.

2. *Domostroi*, Saint-Petersburg, 1891.

3. Veber M. *Izbrannye proizvedeniia*, Moscow, 1990.

4. Frish V. *Administrativnye i politseiskie uchrezhdeniia Frantsii, Avstrii i Prussii*, Ch.4. Saint-Petersburg, 1906.
5. Gagen V.A. *Pravo bednykh na prizrenie*, Saint-Petersburg, 1907.
6. Pavlova O.K. *Predprinimatel'stvo, prizrenie i blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge. Vtoraia polovina XIX - nachalo XX vv.*: monografiia, Saint-Petersburg., 2015, 407 p., ISBN: 978-5-7422-4839-2.
7. *Mirovoi reiting blagotvoritel'nosti 2012*, Gallup, available at https://www.gallup.com/home.aspx (accessed 24 October 2018).
8. Nekhaev V.V., Nekhaeva T.G. *Pravovoe grazhdanskoe obshchestvo i sotsial'noe gosudarstvo: opyt FRG*, Intelligentsiia i problemy formirovaniia grazhdanskogo obshchestva v Rossii, Ekaterinburg, 2000, pp. 242-244.
9. *Blagotvoritel'nost' v Anglii*, Institut sotsial'nykh investitsii, available at https //sites.google.com/site/insocin/home/titular-isi/blagotvoritelnost-v-anglii (accessed 20 November 2017).

PAVLOVA Olga K. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru.

THE HISTORY OF CHARITY AND PHILANTHROPY IN EUROPE

The paper is devoted to the history of the formation and development of shelter, livelihood, charity and philanthropy in European countries on the example of England, France and Germany. The policy of the state authorities to combat poverty is considered; general tendencies towards poverty and vagrancy in European countries are noted. The special features of the national policy of individual states in shaping the attitude of citizens to the needy segments of the population are highlighted. Attention is paid to the role of the Church in the education of mercy and the desire to help the disadvantaged.

HISTORY; EUROPE; SHELTER AND LIVELIHOOD; CHARITY; POVERTY; VAGRANCY; STATE POLICY; SOCIETY; PRIVATE INITIATIVE

УДК 304.42
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.13

Ю. В. Пшенова, А. В. Цыб

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ ФИЛИППА II БЛАГОРАЗУМНОГО

ПШЕНОВА Юлия Вячеславовна – студентка 4 курса кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: pshenova.yuv@edu.spbstu.ru

ЦЫБ Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: tsyb_av@spbstu.ru

Авторы статьи анализируют особенности идеологических инструментов, сопровождавших методы внешнеполитической деятельности монарха Испании Филиппа II Габсбурга (1527–1598), исходя из «доктринального климата» и основных концепционных политических идеологий эпохи: ренессансного прагматического макиавеллизма и политического платонизма, реформационного гуманизма и католического контрреформизма, «католического империализма» и национальной политической идеи Испании, включив в область обзора отдельные, самые известные эпизоды его внешнеполитической активности и социально-политические доктрины испанских теоретиков XVI века.

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ; ИСПАНСКАЯ ИМПЕРИЯ; ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФИЛИППА II ГАБСБУРГА; ИНДИГЕНИЗМ; ГОТИЗМ; РОМАНИЗМ; МЕССИАНИЧЕСКИЙ ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ; КАТОЛИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ; НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИСПАНИИ

Внешнеполитическая деятельность Филиппа II (1527–1598), второго представителя династии Габсбургов на испанском троне, была многообразна и трудна. Родиться наследником крупнейшей империи мира – груз тяжкий для отдельной личности, его достойны нести только великие этого мира. Старший сын императора Священной Римской империи и монарха всех европейских и заморских территорий Испании Карла V (Карла I по испанской линии престолонаследия) был именно таков: получив в удел в 1556 г. земли, перечисление которых занимает несколько строк в официальных документах, 29-летний король Испании, благодаря своим незаурядным личным качествам, вполне владел ситуацией: сорокалетнее правление Филиппа II Благоразумного 1556–1598 гг. успешно завершило Золотой век Испанской империи.

Однако, именно – завершило, открыв путь неотвратимому упадку «первой глобальной Империи» [20, pp. 309–316]. Причины этого естественно-рокового процесса, содержащиеся значительным образом в принятых монархом принципах ведения внешней политики, проанализированы и определены, но попытаемся взглянуть на них с точки зрения известных ко времени монархии Филиппа II политических учений и ответить на вопрос: возможно ли было государю Испании избежать роковых последствий не просчитанных и малопродуманных действий, принимая во внимание исторический эпитет Филиппа El Prudente (Благоразумный), ведь подобные неофициальные «исторические титулы» монархов несли важную метафорическую нагрузку, указывая, как правило, на определенную и очень характерную персональную черту, проявившуюся в деятельности государя (не исключая и негативные саркастические, остроязычные, сатирические и т.п. смыслы).

Политические амбиции короля Испании Филиппа II находились в прямой зависимости от ряда факторов: религиозных убеждений, пребывающих в постоянном взаимодействии с государственными и властно-политическими интересами, а также династических приоритетов и интересов. Подобно своему отцу, Карлу V, основные цели своего правления Филипп II видел в создании глобальной монархии Габсбургов и восстановлении идеологического господства католической церкви на территории всей Европы. Для того, чтобы достичь поставленных целей,

король Испании использовал весь доступный монарху военно-политический инструментарий: совершенствование бюрократического аппарата и военной мощи державы, официальную и тайную дипломатию, мирные соглашения и военные кампании, династические браки, делегирование полномочий с особыми функциями, использование волевого стиля управления, не поддержанного на местах традиционной юрисдикцией, деятельность секретных агентов, политический террор и заказные убийства соперников, т.е. весь ренессансный арсенал макиавеллизма. Но и не только – бюрократизация, расширение государственного аппарата, бумажный стиль управления из личного кабинета, демонстративная борьба с самоуправством и коррупцией на местах, унификация государственного права, придание «благородного» статуса юридической профессии, что в совокупности с очень специфическими личностными качествами Филиппа II, – «короля, поддерживающего образ патологически ответственного фанатика» и, более того, диагностируемыми в современной психопатологии как «ананкастное расстройство личности», или «обсесси́вно-компульси́вное расстройство, как одержимость идеей и перфекционизм» в симптомах «болезненной скрупулезности и недоверчивости, страха доверить любое дело другому, и медлительности, подозрительности, угрюмости, беспощадности и холодности» [2, с. 37–40], – создало феномен власти, порожденный «временем формирования новой модели испанского монарха» [2, с. 38].

Цель этого исторического сообщения – проанализировать особенности идеологических инструментов, сопровождающих методы внешнеполитической деятельности Филиппа II, исходя из «доктринального климата» и основных «conceptos de España» (концепционных политических идеологий) эпохи: ренессансного прагматического макиавеллизма и политического платонизма, реформационного гуманизма и католического контрреформизма, «католического империализма» и национальной политической идеи Испании, включив в область обзора отдельные, самые известные эпизоды его внешнеполитической активности.

Вопрос о том, насколько политические доктрины ученых клириков могли влиять на те или иные решения короля Филиппа, представляет собой, наверное, отдельный разговор, здесь же мы хотим обратить

внимание на сами факты влияния, которые не могут вызывать сомнений, поскольку рождение и становление Империи породило в ученом испанском мире XVI века прецедент доктринальной социально-политической активности, содержание которого носило, помимо общеевропейских компонентов (платонизм, аристотелизм, сенекизм/стоицизм, реформационный гуманизм и ренессансный макиавеллизм) специфически испанский характер.

Для начала, попытаемся ответить на вопрос: что представляет собой т.н. «доктринальный климат» эпохи, могущий повлиять на формирование политического мышления испанского монарха? Если говорить о философских основаниях испанского позднесредневекового и ренессансного менталитета – это: традиционный испанский *«сенекизм»* с его христианизированной трансформацией идей «провиденции», «судьбы», цикличности и повторяемости исторического опыта, отраженный в политической мысли в направлении *«тацитизма»*, или обращении к историческому опыту Римской республики, как материалу, иллюстрирующему и объясняющему ход современной истории («el conocimiento de la historia y la experiencia») [8, p. 253], *средневековый аристотелизм*, сосредоточенный в этот период в идеологиях влиятельных орденов Св. Доминика и Иисуса, эксплицированный ими в идею провиденциальной истории (события которой размещены в разделах плана, начертанного божественным интеллектом в момент творения), а в области политической мысли – питаемый из аристотелевской «Политики» – и объясняющий преимущества единовластного монархического над другими формами государства (Aristot. Pol. III 1279a 32 ff. [3, c.457]), ярко представленный также в *прагматической политологии* Н. Макиавелли; *средневековый платонизм*, вошедший в католицизм через почитаемого им Св. Августина и имеющий место в деятельности идеологов ордена Св. Августина, проявленный в концептах «града божьего и земного» [1, pp.1245–1360], государя как наместника Бога на земле в периоды его отсутствия (Plat. Stat. 292d ff. [13, c. 46 сл.; 6, pp. 67–86); *ренессансный платонизм*, в области социально политической мысли взывающий (помимо упомянутой идеи) к учениям Платона о «политическом искусстве как знании», «самоповелевающем искусстве» и «искусстве стадного

выращивания» (Plat. Stat. 275d [13, с. 25]), преимуществах «знающего» единовластного управления, «возничем с браздами правления государства» (Plat. Stat. 266e [13, с. 15]) и различии видов монархии, как «тирании и царской власти» (Plat. Stat. 291e [13, с. 45]).

Прикладной политический концептуальный фон эпохи (Concepto de España en los siglos XVI y XVII) современные испанские историки определяют как совокупность идеологий: *готицизм* (goticismo), *романизм* (romanismo), *католический империализм* (imperialismo católico), *индигенизм* и «новый индигенизм» (indigenismo y nuevo indigenismo), *мессианический провиденциализм/католический мессианизм* (providencialismo mesiánico), создание *образа французского врага* (construcción del enemigo: el vecino francés), осознание *упадка как проблемы Испании* (conciencia de la decadencia, el problema de España) [11, pp. 95–125].

С этой позиции представим к оценке некоторые направления внешней политики Филиппа II:

Взаимоотношения с Габсбургами. Раздел империи Карлом V породил форму взаимоотношений семейного соперничества за лидерство, которое в Золотой век не переходило в открытую конфронтацию, поскольку подразумевало перспективу нового объединения территорий на династической основе. Ситуация произвела имперскую внешнеполитическую идеологию «готицизма» (или неоготицизма), имеющую довольно туманную геополитическую аргументацию, исходящую из общности происхождения готических (германских) народов, и параллельную идеологию «романизма».

Первая ярко продемонстрирована в трактате Диего де Сааведры Фахардо (1584–1648) «Корона Готики, Кастилии и Австрии» [17], по словам испанского историка Хосе Х. Санмартина, «радикального идеалиста, который стремился к достижению имперского и христианского сна Испанских Австрийцев» – создание неоготической империи в составе Испании, Австрии и Швеции [18, p. 208]: «Книга Сааведры, – сообщает свою оценку Х.Х. Мартин, – ищет источники законности, которые объединяли бы шведов, испанцев и австрийцев, и, одновременно, открытый путь для того, чтобы различные германские государства могли бы присоединяться к общему предприятию, которое составляет суть

равновесия в континентальной Европе», что также послужило бы политической компенсацией «угрозе чрезмерно могущественного французского королевства, с его амбициями военной и политической гегемонии», в то время как «орбита влияния Швеции не сталкивалась ни в целом, ни фронтально с интересами испанской монархии» [18, p. 210]. Вторая учитывала исторический опыт Древнего Рима и традицию прецедентов владения испанскими королями титулом императора Св. Римской империи, или титулом императора всей Испании [17, p. 110].

Французское направление. Когда в 1555 г. власть над Испанией перешла к Филиппу II, Испания была вовлечена в войну с Францией и пребывала на грани финансового коллапса из-за амбиций Карла V. В результате самой войны в 1557 г. Испания в первый раз была объявлена банкротом. Тем не менее, война с Францией закончилась победой Испании в битве при Сен-Кантене, в результате которой был подписан второй Като-Камбресианский мирный договор 1559 г. Именно завершение этого, унаследованного от отца, военного конфликта историки признают началом полноценного правления короля Филиппа II. Дальнейшее мирно-противоборствующее соседство с французами было подкреплено браком с Изабеллой Валуа, но сопровождалось вмешательством во внутреннюю борьбу французских католиков и гугенотов посредством Святой Лиги. Внешняя политика здесь сопровождалась идеологемами *католического мессианизма* (providencialismo mesiánico) и *создания образа французского соседа-врага* (construcción del enemigo: el vecino francés*)*, который «работал» вплоть до прихода Бурбонов на испанскую корону [11, pp. 95-125].

Английское направление. В 1558 г. Филипп, состоявший в исключительно «выгодном» династическом браке с английской королевой Марией Тюдор, дочерью ГенрихаVIII, стал вдовцом во второй раз. Англия начала превращаться из государства-союзника в государство-врага, так как новая королева Елизавета I была решительно настроена на отход от католицизма в протестантизм, что кардинально противоречило концепту «имперского католицизма» короля Испании. В соблюдении принципов «притязаний агрессивного католицизма» (reivindicación del catolicismo militante) [21, pp. 81–119] по отношению к протестантской Англии король Филипп катастрофически последователен: он ведет тайную борьбу за

Марию Стюарт и сохранение католического влияния в этой стране, в которой секретные агенты королевы Елизаветы Тюдор переигрывают испанцев. Историческое противостояние заканчивается военной катастрофой Непобедимой армады 1588 г.

Португальское направление. В 1580 году Португалия и ее заморские территории также стали частью испанской монархии. Именно брачные узы стали основным аргументом и предлогом Филиппа II на право наследования португальского трона после гибели в 1578 г. короля Себастьяна I Желанного (Sebastián I El Deseado) и смерти в 1580 г. последнего бездетного представителя Ависской династии Энрике I Португальского. Тем не менее, чтобы отстоять своё право на португальский трон, Филиппу II всё же пришлось прибегнуть к силе оружия и подкупа португальских дворян. Испанский король обещал португальским Кортесам охранять самостоятельность Португалии, уважать исторические права и привилегии народа, часто созывать кортесы, назначать на должности в Португалии только португальцев и учредить португальский Совет. В дальнейшем все его обещания были нарушены, а интересы португальцев постоянно приносились в жертву испанским. Естественное сопротивление португальского населения, включившее помимо прочего светское мистическое движение «себастьянизм» (sebastianismo) [16, pp. 55]), ожидавшее возвращение «спящего короля», подавлялось средствами тяжелой пропагандистской артиллерии. Одним из главных канониров этой атаки стал, например, португалец, профессор университета Коимбры Херонимо Осорио да Фонсека (1506–1580), представляемый в истории мысли как «гуманист международной репутации, близкий группе первых иезуитов Игнасио Лойолы» [5, p. 87] и «контрреформационный антимакиавеаллист» [5, p. 83], один из «grandes figures de l'humanisme portugais» [5, p. 84], изучивший гражданское право и античную классику в Саламанке, сочинения Аристотеля в Париже и Платона в Болонье и Венеции, где испытал влияние платонической традиции Восточных отцов, Св. Августина и Корпуса Ареопагитик, что становится совершенно очевидным из его доктрины «католической транснациональной империи» (imperialismo católico), изложенной в трактате Херонимо Осорио «De Nobilitate Civili and De Nobilitate Christiana» [15].

Направление Pais Bajos. Филипп II с огромным презрением относился к этой «зараженной ересью» стране, к ее политическим привилегиям. Но эти 17 экономически развитых провинций – Фландрия, Брабант, Эно, Артуа, Намюр, Люксембург, Мехелен, Голландия, Зеландия, Утрехт, Фризия, Гельдерн, Гронинген, Оверэйсел, Дренте, Оммеланден, Лимбург были для монархии важным резервуаром налогов. На этих территориях империя развернула политику *силовых методов маккиавеализма,* буквально следуя «указаниям» флорентийского теоретика: введение на постоянную дислокацию гарнизонов армады, католический террор и хорошо спланированное политическое убийство несгибаемого лидера оппозиции. Но были ли выполнены в полной мере рекомендации итальянского теоретика для государств, «присоединенных к унаследованному государству вследствие завоевания» [9,p.6], «принадлежащих к разным странам и имеющим разные языки (p. 10), «которые до того, как были завоеваны, жили по своим законам», в которых «достаточно искоренить род прежнего государя» [9, p. 11], но при этом рекомендуются «три способа удержать власть: первый – разрушить, второй – переселиться туда на жительство, третий – предоставить гражданам право жить по своим законам» [9, p. 24]; при этом «жестокость хороша… когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, и не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных; и плоха в тех случаях, когда по началу расправы совершаются редко, но со временем учащаются [9, pp. 46–47] и т. п.? Пожалуй, нет. Этим простым решениям противились дополнительные и доминирующие внешнеполитические идеологемы «providencialismo mesiánico» [11, pp. 111–114] и «imperialismo católico» [21, p. 109], квалифицируемые современными испанскими историками как «антимакиавеллизм» [21, pp. 81–119].), и вовсе неработающие в этой ситуации (в отличие от Португалии). В результате развязана изнурительная для собственной экономики Испании Восьмидесятилетняя война против независимости Нидерландов.

Направление Западных Индий. За счет американских ресурсов (золото и серебро) Испания в самом начале правления династии Габсбургов превратилась в одну из наиболее могущественных и влиятельных европейских монархий. Корона Кастилии и Арагона

превратилась в корону Испанской империи и первой в истории Европы колониальной монархии. Это «ресурсное» направление породило внешнеполитическую идеологию т.н. «нового индигенизма» («nuevo indigenismo», от латинского *indiges*, отечественный, туземный), т.е. доктрину взаимодействия с коренными народами Западных Индий, объясняющую формы их интеграции в империю. Эта доктрина имела две противоположные вариации между аристотелевской формулой «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Aristot. Pol., I 1252b 9-10 [3, с. 377]) и формулами «нового гражданского населения империи», суверенитета «естественного человека» и «счастливого дикаря», возрождающих стоические, т.е. «сенекические» в испанском варианте, максимы «жизни согласно с природой», жизни, очищенной от исторических наростов цивилизации, имеющих несомненное гуманистическое направление.

В первой части укажем на гуманиста Хуана де Супельведу (1490–1573), наставника в образовании Филиппа II, переводчика и интерпретатора аристотелевской «Политика» [4, p. 160], автора доктрины справедливой войны ради империи и легитимации рабства для индейцев как естественного состояния коренного населения Америки [19]. Во второй – оппонирующего ему советника императора Карла V, епископа и служителя инквизиции Антонио де Гавару (1480–1545) в «no rústica plática del rústico» Милено (т.е., «в непростом рассказе простеца», по красноречию достойном римского сенатора [7, p. 295–302]) перечислением проблем, возникающих при насильственном отторжении менее цивилизованных территорий, а также доминиканцев отца Антонио де Монтесино (1475–1540), и Бартоломе де Лас Касаса (1484–1566) [12, с. 148–162].

Для своего исследования мы взяли лишь некоторые направления внешней политики Испанской монархии Филиппа II и подвели к ним несколько внешнеполитических доктрин эпохи. Те, которые, на наш взгляд, явно выступают в качестве идеологического сопровождения этой стороны деятельности государства. Чтобы попробовать ответить на вопрос: имела ли внешняя политика Филиппа II некую систематическую идею, направляющую ее к единой цели? Безусловно, да. Эта идея – концепт «католической империи». И второй вопрос: был ли этот

систематический концепт до конца последователен в осуществлении, принимая во внимание известные особенности личности монарха?

На этот вопрос, следует ответить: «Наверное, нет». По-видимому, знакомый нам по истории Карла Великого и Оттона I общеевропейский католический императив, в политике Карла V и, особенно, Филиппа II встречает сильнейшее сопротивление в его осуществлении. И эти препятствующие ему силы – не просто реформационный гуманизм и прагматизм Ренессанса, а экономические реалии Новой истории. «Химерический» характер Испанской империи столкнулся с проблемой «эклектического» применения методов ее сохранения, новой, эклектической логистикой внешнеполитических курсов, требующей гибкого применения методов ведения политики в разных ее частях.

Глобальным планам испанского монарха не суждено было сбыться. Постоянное участие в различных военных конфликтах с другими европейскими государствами привели к тому, что Испания потеряла свое морское могущество. Ощутимыми стали и территориальные потери – Голландия выборола свою независимость от испанской короны, часть колоний также сменили подданство. Наиболее значительными стали финансовые потери, в результате постоянных войн казна опустела быстро, начался продолжительный экономический кризис. Как результат, в начале XVII века Испания была практически разорена.

В целом, итоги политического курса Филиппа II можно разделить на две основные категории: огромные финансовые и военные потери, которые стали результатом непродуманной внешнеполитической деятельности, а также потере «Непобедимой армады», Нидерландов, и некоторых колониальных территорий в результате усугубившегося конфликта с протестантской Англией. Однако можно отметить и ряд достижений испанского монарха: он победил великое османское наступление при Лепанто; завершил работу по объединению территорий Иберийского полуострова, начатую «католическими монархами» Фердинандом и Изабеллой; он поддержал большие победы католической церкви и предотвратил распространение ереси в Испании и Италии, а его вмешательство во Францию стало одним из основных факторов, которые вынудили Генриха Наваррского принять католицизм.

Идеологическое сопровождение внешнеполитической практики империи было достаточно целостным. «Conceptos de España», объединенные идеей «католической империи», включали, помимо названных выше, готической и романской компонентов, такой важный многовековой национальный идеологизм Испании, как «Guerra sagrada», консолидируюший католический мир против мусульман Османской империи и Северо-западной Африки. Сосредоточенный и целостный характер личности лидера империи должны были способствовать этой консолидации, но другие, негативные стороны политического стиля перфекционизма, тоталитарность и прямолинейность методов, свойственная имперскому мышлению, стали причиной близоруких провалов во внешней политики, нежелания видеть новые европейские реалии, негибкого и эклектичного применения методов итальянского опыта, хорошо известного в Испании и вполне совместимого с испанским национальным характером.

Политический дух испанской правящей элиты не приветствовал и, видимо, пропускал мимо внимания, например, морализующую доктрину «правителя с зеркалами» Паленсийской юридической школы эразмитов, о которой подробно сообщает Э.Г. Эрнан. Здесь, помимо «теории преследования еретиков и права на войну против Папы», обсуждались также, создание царственной педагогики как искусства и науки сохранять и расширять монархию (Диего де Симанкаса), «природу власти (происхождение, функции и формы), права человека и права государства, основы международного сообщества и понятие права народов, разрешение международных конфликтов и теорию справедливой войны» [8, p. 247], проблему кастелизации Испании и испанизации Монархии [8, p. 251], "национальную" идею Испании Франсиско Кастильского [8, p. 247]. Наряду с платоновской метафорой «добрых пастырей» («пастух человеческого стада», Plat. Stat. 268a [13, с. 16]) применительно к Карлу I и Филиппу II, здесь обсуждают и даже «формулу нейтрализации» тирана [8, p. 253]. Такого рода идеи совсем уже ломают представления о социальной справедливости тоталитарных элит и подвержены гонению и запрету, как это случилось с книгой иезуита и советника инквизиционного суда Хуана Марианы (1537–1624) «О короле и институте королевской чести», адресованная уже

Филиппу III, в которой рассуждения о правах гражданского общества («sociedad civil») [10, p. 26] приводили читателя к проблемным вопросам «Позволительно ли сместить тирана?», как это уже было с Педро I Жестоким [10, p. 72], «каким-то образом лишить жизни и отобрать его трон?» [10, p. 75], как, например, «убить тирана с ядом?» [10, p. 80].

Король умер в 1598 году в своей резиденции Эль Эскориал. В этот период Испания все еще пребывала на пике своей власти и только через 50 лет стало понятно, что Испания теряет свой политический потенциал в Европе вместе с угасанием Контрреформации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Agustín, San.** Obras de San Agustín. Edición bilingüe. Tomo XVII. La Ciudad de Dios. Edición preparada por el Padre Fr. Jose Moran, O. S. A. Biblioteca de autores cristianos. Madrid. MCMLVIII, pp. 1245-1360.
2. **Антонова Н.В.**, **Зайцев А.А.**, **Капустина Э.В.** Характер Филиппа II Испанского в оценке современных испанистов Европы и Америки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(67). С. 37–40. ISSN: 1997-292X
3. **Аристотель**. Политика. / Пер. С. А. Жебелева под ред. А. И. Доватура. // Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, Т. 4. 1983. 832 с. // Aristotle, Politics // Aristotle. ed. W. D. Ross, Aristotle's Politica. Oxford, Clarendon Press. 1957. – Режим доступа: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0057%3Abook%3D1%3Asection%3D1252a (дата обращения: 25.10.2018).
4. **Bejarano M.M.** Historia de la filosofía en España hasta el siglo XX. Madrid, 1927,563p.
5. **Briesemeister D.** L'honneur comme forme de vie le Traité de Gloria de Jérôme Osório / 1992 Editora: Faculdade de Letras da Universidade de Coimbra, Instituto de Estudos Clássicos local de publicacao: Local: Coimbra. – URL: https: // www. uc. Pt /fluc/ eclassicos/publicacoes/ficheiros/humanitas43-44/05_Briesemeister.pdf (дата : 20.10.2018).
6. **Chaparro S.** Mito y razón: religión y política en una historia del mundo del siglo XVI // Foro Interno, N.o 3, diciembre 2003, pp. 67–86.
7. **Guevara, de A.**, Reloj de Príncipes, Libro III, Capítulo III. Valladolid, 1529, P. 295–302.
8. **Hernán E.G.**, Escritores Políticos palentinos del Siglo de Oro / PTITM, 73, Palencia, 2002, pp. 245–273.
9. **Maquiavelo N.** El Principe. Editado por elaleph.com. 1999.– URL: https: //ocw.uca.es/ pluginfile.php/1491/mod_resource/content/1/El_principe_Maquiavelo.pdf(дата:20.10.2018
10. **Mariana, de J.** Del Rey y Institucion de la dignidad Real. Madrid: Impreta de la sosiedad literaria y tipografica, 1845, 438 c.

11. Morales Moya A., **Fusi Aizpurúa J.P.** y de **Blas Guerrero A.** (dirs.). Historia de la nación y del nacionalismo español. Edición de María Cifuentes. Barcelona, 2013.

12. Паниотова Т.С. Встреча культур: диспут о конкисте, справедливых войнах и «рабстве по природе» // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 148–162. ISSN: 2223-5426.

13. Plato, Statesman. Platonis Opera, ed. John Burnet. Oxford University Press. 1903. – http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text.jsp?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0171%3Atext%3DStat.%3Asection%3D311c // Платон. Собр. соч. в 4 т.: Том 4. Пер. с древне-греч.; Общ. ред. А.Ф.Лосева, В.Ф.Асмуса, А.А.Тахо-Годи; Авт. ст. в примеч. А.Ф.Лосев; Примеч. А.А.Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994.– 830 с.

14. Plasencia J.L.R. Los reyes de Portugal y sus alias // Alcántara, 86 (2017), pp. 49–60.

15. Osorio, Jerónimo de 1957 “La nobleza civil”. Revista Hidalguía. Volumen V, números 21, 25, 27 y volumen VI, número 31, 1540;1552.

16. Rodríguez Plasencia J.L. Los reyes de Portugal y sus alias // Alcántara, 86 (2017): pp. 49–60.

17. Saavedra Fajardo, D. de, Corona gothica, castellana y austriaca. Parte segunda. En Amberes. En Casa de Juan Bautista Verdussen, Impressor y Mercader de Libros. M.DC.LXXVIII, 182 p.

18. Sanmartín J.J. Saavedra y el goticismo // Res publica, 17, 2007, pp. 201–221 – Режим доступа: https://core.ac.uk/download/pdf/38849090.pdf (дата обр.: 28.10.2018).

19. Sepúlveda J.G. Tratado sobre las justas causas de la guerra contra los indios. México: Fondo de la Cultura Economica, 1941, 175 p.

20. Sutherland N.M. The grand strategy of Philip II. By Geoffrey Parker. New Haven and London: Yale // The Historical Journal, 43, 1 (2000), pp. 309–316. Printed in the United Kingdom# 2000: Cambridge University Press University Press, 1998.

21. Vilar M.P. La reivindicación del catolicismo militante en el antimaquiavelismo ibérico del siglo XVI. El De nobilitate christiana (1542) de Jerónimo de Osorio // RIRA vol. 2, n 1 (mayo 2017) pp. 81–119.

REFERENCES:

1. Agustín, San *Obras de San Agustín. Edición bilingüe*. Tomo XVII. La Ciudad de Dios. Edición preparada por el Padre Fr. Jose Moran, O. S. A. Biblioteca de autores cristianos, Madrid, MCMLVIII, pp. 1245-1360

2. Antonova N.V., Zaitsev A.A., Kapustina E.V. *Kharakter Filippa II Ispanskogo v otsenke sovremennykh ispanistov Evropy i Ameriki*, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie, Voprosy teorii i praktiki, 2016, No 5(67), pp. 37-40, ISSN: 1997-292X

3. Aristotel' Politika, translated by S. A. Zhebeleva, edited by A. I. Dovatura, Aristotel', Sochineniia, V 4 Vol. (Seriia “Filosofskoe nasledie”), Moscow, Mysl', Vol. 4, 1983, 832 p., Aristotle, Politics, Aristotle, ed. W. D. Ross; Aristotle's Politica,

Oxford, Clarendon Press, 1957, available at http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0057%3Abook%3D1%3Asection%3D1252a (accessed 25 November 2018)

4. **Bejarano M.M.** *Historia de la filosofía en España hasta el siglo XX*, Madrid, 1927, 563 p.

5. **Briesemeister D.** *L'honneur comme forme de vie le Traité de Gloria de Jérôme Osório*, 1992 Editora: Faculdade de Letras da Universidade de Coimbra, Instituto de Estudos Clássicos local de publicacao, Local, Coimbra, available at https: // www. uc. Pt /fluc/ eclassicos/publicacoes/ficheiros/humanitas43-44/05_Briesemeister.pdf (accessed 20 October 2018)

6. **Chaparro S.** *Mito y razón: religión y política en una historia del mundo del siglo XVI*, Foro Interno, No 3, diciembre 2003, pp. 67-86

7. **Guevara, de A.** *Reloj de Príncipes*, Libro III, Capítulo III. Valladolid, 1529, pp. 295-302

8. **Hernán E.G.** *Escritores Políticos palentinos del Siglo de Oro*, PTITM, 73, Palencia, 2002, pp. 245-273

9. **Maquiavelo N**. *El Principe*, Editado por elaleph.com, 1999, available at https: //ocw.uca.es/pluginfile.php/1491/mod_resource/content/1/El_principe_Maquiavelo.pdf (accessed 20 October 2018)

10. **Mariana, de J.** *Del Rey y Institucion de la dignidad Real. Madrid: Impreta de la sosiedad literaria y tipografica*, 1845, 438 p.

11. **Morales Moya A., Fusi Aizpurúa J.P. y de Blas Guerrero** A. (dirs.) *Historia de la nación y del nacionalismo español*, Edición de María Cifuentes. Barcelona, 2013

12. **Paniotova T.S.** *Vstrecha kul'tur: disput o konkiste, spravedlivykh voinakh i "rabstve po prirode"*, Kul'tura i tsivilizatsiia, 2015, No 6, pp. 148-162, ISSN: 2223-5426

13. **Plato**, *Statesman. Platonis Opera*, ed. John Burnet. Oxford University Press. 1903, available at http: //www.perseus.tufts.edu/hopper/text.jsp?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0171%3Atext%3DStat.%3Asection%3D311c, Platon. Sobr. soch. v 4 vol..: Vol. 4., translated by A.F. Loseva, V.F.Asmusa, A.A.Takho-Godi; Avt. st. v primech. A.F. Losev; Primech. A.A. Takho-Godi, Moscow, Mysl', 1994, 830 p.

14. **Plasencia J.L.R**. *Los reyes de Portugal y sus alias*, Alcántara, 86 (2017), pp. 49-60

15. **Osorio, Jerónimo de** 1957 *"La nobleza civil"*, Revista Hidalguía, Volumen V, números 21, 25, 27 y volumen VI, número 31, 1540, 1552

16. **Rodríguez Plasencia J.L.** *Los reyes de Portugal y sus alias*, Alcántara, 86 (2017): pp. 49-60

17. **Saavedra Fajardo, D. de**, *Corona gothica, castellana y austriaca. Parte segunda. En Amberes. En Casa de Juan Bautista Verdussen, Impressor y Mercader de Libros*, M.DC.LXXVIII, 182 p.

18. **Sanmartín J.J.** *Saavedra y el goticismo*, Res publica, 17, 2007, pp. 201-221, available at https://core.ac.uk/download/pdf/38849090.pdf (accessed 28 October 2018)

19. **Sepúlveda J.G.** *Tratado sobre las justas causas de la guerra contra los indios*, México, Fondo de la Cultura Economica, 1941, 175 p.

20. Sutherland N.M. *The grand strategy of Philip II*, by Geoffrey Parker, New Haven and London: Yale // The Historical Journal, 43, 1 (2000), pp. 309-316, printed in the United Kingdom# 2000: Cambridge University Press University Press, 1998.
21. Vilar M.P. *La reivindicación del catolicismo militante en el antimaquiavelismo ibérico del siglo XVI*, El De nobilitate christiana (1542) de Jerónimo de Osorio, RIRA vol. 2, n 1 (mayo 2017) pp. 81-119

PSHENOVA Yuliya V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: pshenova.yuv@edu.spbstu.ru.

TSYB Alexey V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: tsyb_av@spbstu.ru.

IDEOLOGICAL SUPPORT OF THE IMPERIAL POLICY OF PHILIP II THE PRUDENT

The authors of the paper analyzed the means of ideological influence accompanying the foreign policy activity of the Monarch of Spain Philip II Habsburg (1527-1598). "The doctrinal climate" and the main concepts of political ideologies of the Spanish Golden Age was investigated as well as the Renaissance Pragmatical Machiavellianism and political Platonism, the Reformational Humanity and Catholic Counter-Reformation, the "Catholic Imperialism" and national political Idea of Spain. The area of the review included the most well- known episodes of the King of Spain Philip II foreign policy activity together with some socio-political doctrines of the Spanish Theorists of the 16th century.

HISTORY OF SPAIN; SPANISH EMPIRE; FOREIGN POLICY OF PHILIP II HABSBURG; INDIGENISM; GOTHICISM; ROMANISM; MESSIANIC PROVIDENTIALISM; CATHOLIC EMPIRE; NATIONAL IDEA OF SPAIN

УДК 339.92
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.14

Т. С. Ягья

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЯГЬЯ Талие Саидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» факультета экономики и менеджмента. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ имени В.И. Ульянова (Ленина).
ул. Профессора Попова, 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия.
E-mail: talie2006@mail.ru.

Данная статья посвящена рассмотрению стратегического партнерства России и Китая в условиях расширяющейся глобализации и развивающихся интеграционных процессов. В ней автор раскрывает суть стратегического партнерства, дает его понимание, объясняет его отличие от обычного сотрудничества, показывает различия в стратегических целях двух стран. В статье рассматривается стратегическое партнерство как сотрудничество в различных направлениях. Стратегическое партнерство РФ и КНР как сотрудничество в различных направлениях проявляется в усилении торгово-экономических отношений, в реализации крупных совместных проектов, в развитии приграничной торговли, в процессах региональной интеграции и пр. Этому и уделяется значительное внимание в данной работе.

СОТРУДНИЧЕСТВО; СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО; ЭКСПОРТ; ИМПОРТ; ТОВАРООБОРОТ; РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ПРИГРАНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ; ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ТУРИСТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ; ПРОЕКТ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

Международные интеграционные процессы, происходящие в мире, способствуют развитию и укреплению различных форм межгосударственного сотрудничества между странами. Стоит отметить, что последние десятилетия XX века характеризовались значительными

процессами в экономике, политике и социальной сфере. Эти процессы оказывали и продолжают оказывать свое воздействие на мировую экономику и международные отношения. В результате этих процессов произошли ликвидация раскола мира на две системы и всеобщая интеграция капиталов, производства и труда. Изменилась, соответственно, и сама структура мировой экономики, в которой выделяются три основные группы стран: развивающиеся, развитые и страны с переходной экономикой. Таким образом, динамизм происходящих перемен в мире во всех сферах поднимает мировую экономику, международные отношения на новый этап развития. Поэтому, можно сказать, что сотрудничество между странами на рубеже XX–XXI веков поднимается на новый уровень, наполняется качественным содержанием, стратегическими целями, отличается длительностью во времени. Таким образом, международное сотрудничество перерастает в стратегическое партнерство.

Стратегическое партнерство между странами означает межгосударственное их взаимодействие, позволяющее объединить усилия для достижения своих собственных целей. Такое партнерство, следует признать, основывается на известных ранее тех же принципах сотрудничества, таких как равноправие, взаимопомощь, уважение. Таким образом, стратегическое партнерство это и есть сотрудничество государств, в разных формах и сферах с целью получения взаимных выгод. По-нашему мнению, в наши дни стратегическое партнерство как сотрудничество между государствами означает, что каждая страна-участница имеет в этом партнерстве свои собственные стратегические цели. В этом, на наш взгляд, главное отличие стратегического партнерства сегодня от сотрудничества прошлого периода времени. В новое тысячелетие РФ и КНР вступили как стратегические партнеры в условиях расширяющейся глобализации и развивающихся интеграционных процессов. Характерной особенностью Китая является его быстрый экономический рост, позволившей сравнительно за короткий период времени превратить страну в самую быстро развивающуюся экономику мира. К тому же, современное положение Китая на международной арене отличается высокой динамикой экономических процессов, что позволит не только преобразовать саму страну, но и весь Азиатско-Тихоокеанский

регион (АТР) в самый экономически мощный и политически значимый регион мира. Думается, что еще более весомые в дальнейшем достижения Китая действительно будут возможны при наращивании темпов сотрудничества во всех областях с важным международным и стратегическим партнером – Российской Федерацией. Несмотря на растущие противоречия между этими странами по различным социально-экономическим вопросам, сотрудничество является довольно перспективным. «Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи», подписанный в 1950 году в Москве, послужил началом активного экономического взаимодействия стратегического партнерства КНР и СССР (подписаны десятки важных соглашений) [1]. Однако по известным политическим мотивам (осуждение культа личности) сотрудничество между странами значительно сократилось.

Признание Китаем РФ в декабре 1991 года ознаменовало возобновление сотрудничества между ними, что подтверждается подписанием целого ряда соглашений о торговле, научно-техническом сотрудничестве, развитии туризма и др. Следует заметить, что интерес к экономическому взаимодействию был очевиден. Китай получил рынок сбыта своей продукции, а россиянам во время кризиса 90-х годов была выгодна «челночная торговля», позволившая населению страны приобретать дешевые китайские товары.

Важно отметить, что период с 1979–1999 гг., названный впоследствии «экономическим чудом», превратил Китай в быстроразвивающуюся державу: ВВП страны возрос в 5,7 раза. Показатель валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения увеличился в 4,4 раза, производительность труда – в 3,6 раза. В результате, ВВП в 1999 г. составил свыше 1 трлн. долл. США [2].

В РФ за этот же рассматриваемый период ВВП уменьшился на 45%. В 1979 году ВВП Китая был на 25% меньше российского, но спустя 20 лет он уже увеличился в 6,5 раза. Показатель ВВП на душу населения в КНР в 1979 г. составлял 11% российского уровня, а к 1999 г. – 80% [2].

С 2001 года наблюдался значительный рост объемов торговли РФ и КНР. В период с 2000 по 2010 гг. объемы российско-китайского товарооборота выросли примерно в 7 раз (с 8,003 до 59,3 млрд. долл.) [3].

В упомянутом договоре были определены ключевые направления двустороннего сотрудничества и его максимально возможные сферы, а также зафиксировано отсутствие взаимных претензий по территориальному вопросу. Договор «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» дал весомый толчок для пограничных переговоров и нормализации пограничной торговли Китая и РФ. Кроме того, этот договор, рассчитанный на 20 лет, будет способствовать развитию сотрудничества во многих сферах. Прежде всего, упомянем о начале развития стратегического партнерства Китая и РФ в сфере энергетики. Так, 2000 год ознаменован началом строительства экспериментального реактора в КНР, а также созданием ряда энергоблоков (Тяньваньская АЭС и Тяньцзиньский нефтеперерабатывающий и нефтехимический завод).

Следует подчеркнуть, что все выше изложенное определяло положительную тенденцию к укреплению торгово-экономических связей. И эти связи были установлены именно на добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Обе страны прекрасно осознают важность сохранения «равновесия», и Китай и РФ являются сторонниками справедливого разрешения международных проблем и конфликтов. На данный момент, взаимные контакты глав государств и правительств двух стран носят вполне регулярный характер, что еще раз подчеркивает важность для обеих сторон продолжение взаимоотношений во всех сферах на той же положительной ноте.

В целом, сотрудничество двух стран развивается постепенно по всем направлениям. Китай можно считать главным партнером РФ в Азиатском регионе. По нашему мнению, двустороннее сотрудничество играет большую роль в первую очередь для повышения конкурентоспособности России на мировой арене. Если раньше сотрудничество двух стран носило бессистемный характер, то сейчас – организованный и переходит к всестороннему партнерству.

Китай высоко оценивает китайско-российское сотрудничество в целом и видит его перспективы. В XXI веке стремительные достижения Китая в экономическом развитии и успехи на мировой арене не могли не повлиять на определение ее стратегических целей. Поэтому стратегическая цель Китая заключается в том, чтобы добиться преимуществ в мировой

политики и глобальной экономики в середине XXI века. Россия же в силу определенных политических и экономических причин имеет иную стратегическую цель. Итак, стратегическая цель РФ состоит в достижении высоких темпов экономического развития, значительного роста ВВП, увеличения ВВП на душу населения, с тем, чтобы сохранить и приумножить свои позиции в мировой экономике. Исходя из сказанного следует, что двум державам для достижения своих стратегических целей взаимно выгодно развивать и усиливать стратегическое партнерство как сотрудничество в различных направлениях: в усилении торгово-экономических отношений, в реализации крупных совместных проектах, в развитии приграничной торговли, в процессах региональной интеграции и пр. Достичь поставленных стратегических целей к середине XX столетия для Китая вполне реально, поскольку есть все предпосылки для этого. Как известно, Китай вот уже более 35 лет показывает себе, всему миру свои достижения, успехи от пятилетки к пятилетке. Это подтверждают основные макроэкономические показатели экономического развития страны практически всех пятилетних планов. Так, и в 2017 г. (12,3 трлн. долларов), как и в 2018 г. (13,4 трлн. долларов) году Китай занимал второе место в мире по уровню ВВП, увеличившись в 1,1 раза [4].

Стратегическое партнерство между Китаем и Россией как сотрудничество на взаимной основе выражается, в первую очередь, в принятии и реализации совместных проектов. Крупные проекты российско-китайского сотрудничества несомненно служат доказательством взаимной заинтересованности двух стран (России и Китая) в такого рода партнерстве. Одним из крупных совместных проектов является контракт по поставке российского газа в КНР, подписанный в мае 2014 года между «Газпромом» и «China National Petroleum Corporation». Известно, что в течение 30 лет объём поставок газа из РФ в КНР достигнет 1,032 трлн. м^3., что позволит Китаю увеличить объем газа в структуре энергопотребления [5]. Также были разработаны два маршрута: Восточный – поставки по газопроводу «Сила Сибири» и Западный – поставки по газопроводу «Алтай». Изначально считалось, что газопровод «Сила Сибири» с начальной мощностью в 38 млн. м^3 являлся приоритетным. Поставки газа начнутся уже в 2019 г. [6]. Стоит отметить, что на сегодня строительство северного

отрезка восточного маршрута китайско-российского газопровода завершено на 51%. К тому же, следует напомнить, что вся линия будет проложена и сдана в эксплуатацию к концу 2020 г. [7].

Также к числу важных проектов можно отнести подписание соглашения о стратегическом сотрудничестве между компанией «Русгидро» и компанией «PowerChina» Стороны договорились о совместных инвестициях в развитие и использование на территории РФ малых гидроэлектростанций. При этом в планах вновь создаваемого совместного предприятия намечено построить 25 малых ГЭС в России при прогнозируемых инвестициях в 3,5–5 млрд. долларов [8].

Немаловажным проектом российской корпорации «Металлы Восточной Сибири» и Китайской международной инженерно-строительной компании цветной металлургии является строительство в Бурятии Озерного горно-обогатительного комбината. Это пример прямых китайских инвестиций в российскую металлургическую отрасль. Следует отметить, что в период с 2006–2016 гг. в провинции Хэнань был построен совместный российско-китайский алюминиевый комбинат «Юйлянь».

Стоит добавить, что сотрудничество развивается активно не только в сфере энергетики. Так, в октябре 2014 года между Министерством спорта РФ и корпорацией «Китайские железные дороги» был подписан меморандум о развитии высокоскоростного транспортного коридора Москва-Пекин.

В сфере транспорта главнейшим реализуемым проектом является коридор «Европа – Западный Китай», причем протяженность общей автомагистрали составляет более 8 тыс. км. Весьма значимым проектом можно назвать строительство первого железнодорожного моста между Россией и Китаем (через р. Амур в Еврейской автономной области и провинции Хэйлунцзян), стоимость которого составляет 9 млрд. рублей, а предполагаемая ежегодная пропускная способность – 5,2 млн. тонн.

В январе 2017 г. между компаниями «СиАрСиСи Рус» и «Мосинжпроект» было подписан контракт на сумму 22,98 млрд. рублей на строительство нескольких станций Московского метрополитена – «Мичуринский проспект», «Аминьевское шоссе», «Проспект Вернадского». Предполагается завершить все работы в 2019 году [6].

Другим не менее интересным примером может служить совместный проект игорной зоны «Приморье», который предполагает не только организацию казино, но и гостиниц мирового уровня, строительство культурно-развлекательных комплексов, яхт-клубов, торгово-выставочных объектов и тому подобное. Помимо российско-китайского сотрудничества в сфере энергетике, развивается и сотрудничество в области судостроения. Известно, что в 2013 г. был заключен контракт между Китайской международной компанией и ФГУП «Крыловским государственным научным центром» на разработку проекта крупнотоннажного арктического танкера грузоподъемностью 110 тыс. т., который в будущем будет использован для вывоза нефти из Мурманска в восточные порты Китая.

Важное место занимает и взаимодействие банковских структур двух стран: с мая 2014 года произошло увеличение взаиморасчетов в рублях и юанях между ПАО «Банк ВТБ» и Банком Китая. На сегодня около 110 отечественных коммерческих банков имеют корреспондентские счета для ведения расчетов в юанях. Уже в марте 2017 г. в Москве был открыт расчетно-клиринговый центр по операциям в юанях, направленный на упрочение связей между финансовыми рынками Китая и России [6].

Стратегическое партнерство проявляется в развитии приграничной торговли между Россией и провинциями Китая. Каждая из стран видит друг в друге стратегического партнера для ведения совместных проектов. Еще в 1992 году были созданы 4 зоны приграничного экономического сотрудничества (Суйфэньхе – зона ориентирована на поселок городского типа Пограничный; Хэйхэ – зона ориентирована на Благовещенск; Маньчжурия – зона ориентирована на Забайкальск; Хуньчунь – зона ориентирована на Зарубино), где ведется трансграничная торговля и местное производство. Существует безвизовый режим граждан двух стран и ограниченный беспошлинный режим в российско-китайской зоне приграничной торговли Дуннин-Полтавка (2000 г.). Так, в 2008 году товарооборот данной зоны составил 1,18 млрд. долларов. Приграничная торговля РФ с провинцией Хэйлунцзя́н – один из ярких примеров, наглядно демонстрирующих суть стратегического партнерства Китая и России в области экономики.

Итак, следует подчеркнуть, что для РФ и Китая очень важна пограничная торговля. Так, в 2013 г. на Россию пришлось 57,5% объёма всей внешней торговли. К тому же, растёт и роль провинции Хэйлунцзя́н: в 2003 году на неё приходилось 18,75% российско-китайского товарооборота, а спустя всего 10 лет – 25,10%. Объем товарооборота за этот же период времени вырос с 2,955 млрд. долларов до 22,360 млрд. долларов [9]. На данный момент в провинции выделяется 6 различных экономических зон, связанных с торговлей, с новейшей техникой, с высокотехнологической промышленностью и пр.

Несмотря на то, что Китай активно развивает взаимодействие с Россией, существует целый ряд проблем, которые замедляют процесс роста товарооборота. Это, прежде всего, проблема развития транспортной инфраструктуры. Так, несмотря на то, что провинция Хэйлунцзян занимает первое место по товарообороту между Россией и Китаем, на границе между этими странами отсутствует полноценная совместная транспортная система. Существуют договоренности о решении данного вопроса, заключенные между главами государств и развитии 15 новых проектов по улучшению проходимости товаров через границу, однако, данные проекты реализованы не в полной мере. Кроме того, для решения данной проблемы предлагается следующее: ускорить постройку железнодорожного моста через реку Амур, что позволит увеличить грузопоток и проходимость через границу; усилить развитие транспортного морского сообщения, что обеспечит соединение важных транспортных наземных узлов, таких как Байкало-Амурская магистраль с Транссибирской железнодорожной магистралью (Транссиб); строить порты в районе Дальнего Востока, что поможет развить не только транспортные перевозки, но и увеличить туристические обороты. (Российские порты смогут соединить крупнейшие морские точки Китая, такие как Шанхай и Гонконг и др.) Также стоит говорить и о проблеме конкурентоспособности китайских товаров. Из-за сложившегося недоверия на российском рынке к качеству китайских товаров, КНР достаточно сложно составить конкуренцию соседним странам, таким как Корея и Япония. Также есть случаи, когда российская сторона покупала китайский товар и в дальнейшем перепродавала под своей маркой, что не в полной мере устраивает китайскую сторону.

В данном вопросе существует некая противоречивость. Китай заинтересован в развитии своей торговой марки и хочет, чтобы их производство рекламировалось в России. Российская же сторона полагает, что продавать под отечественной маркой гораздо выгодней, поскольку она вызывает больше доверия у российского покупателя, нежели китайская марка. Поэтому, как нам представляется, данная проблема может решиться лишь значительным повышением качества китайской продукции, поставляемой на территорию России.

Замедлению процесса роста товарооборота способствует также и проблема уровня капиталовложений, заключающая в том, что вложения направляются в те сферы экономики, где полученный доход не идет на дальнейшее развитие отрасли. Подобная ситуация сложилась из-за недоверия к российскому экономическому рынку и незаинтересованности китайских бизнесменов вкладываться в развитие Востока России. Поэтому российская сторона должна принять меры по обеспечению как доверия к нашему рынку, так и заинтересованности предпринимателей Китая инвестироваться в развитие этой части России.

Как нам представляется, для решения выше изложенных проблем, требуется большое вложение средств со стороны обоих государств, поэтому следует привлекать и заинтересовывать инвесторов. Важно отметить, что во взаимодействии между Россией и Китаем могут возникать трудности различного плана, что может быть связано с имеющимися более сильными экономическими противниками, а также с расхождениями в идеологических позициях. И все-таки, стоит отметить, что китайские партнеры все больше и больше желают сотрудничать с российской стороной и развивать с ней партнерские отношения. Сегодня подписано много совместных договоров, соглашений между Китаем и Россией в различных сферах. Многоплановое сотрудничество между странами можно считать стратегическим партнерством, которое принесет определенные выгоды обеим странам, перед которыми стоят свои собственные задачи экономического развития, экономического роста, рыночных преобразований и пр.

Стратегическое партнерство проявляется в развитии торгово-экономических отношений Китая и России, что обусловлено рядом

преимуществ китайско-российского торгово-экономического партнерства – это бесплатные консультации друг другу по различным направлениям, позволяющим разъяснять предпринимателям возможность выгодного и эффективного взаимосотрудничества; возможность взаимодополняемости в промышленных сферах, что способствует достижению высоких конкурентных позиций на межрегиональных и международных рынках; наличие законодательной базы обеих стран и пр. И это не может не усиливать торгово-экономическое развитие. Напомним, что основу взаимовыгодного партнерства РФ и КНР составляют их собственные, глобальные стратегические планы. Сегодня экономика Китая развивается быстрыми темпами и имеет свой собственный путь развития. Главным инструментом управления экономическим развитием государства, КНР считает планирование. Именно КНР, на своем примере доказала мировому сообществу, всему миру, что результатом реализации пятилетних планов есть высокие темпы экономического роста и успехи в экономическом реформировании страны. Спустя почти полвека, реальный рост ВВП в 11 пятилетнем плане (2006–2010 гг.) по сравнению с планом пятилетки увеличился в 1,5 раза (11,4% против 7,5%); а реальный рост ВВП на душу населения – в 1,6 раза (10,8% против 6,6%) [10]. А темпы роста составляли примерно 11% за счет дешевого экспорта и значительных инвестиций. Успехов страна добилась и в ходе реализации 12 пятилетнего плана (2011–2015 гг.). Прежде всего, заметно вырос жизненный уровень населения, расширились масштабы социального страхования, построена сеть скоростных авто - железных дорог и сеть метро в 22 городах и т.д. [11]. В 2014 году товарооборот России и Китая составил 88 389 148 687 долл. США, сократившись на 0,46% (409 357 532 долл. США) по сравнению с 2013 годом. Экспорт России в Китай в 2014 году составил 37 504 754 765 долл. США, увеличившись на 5,28% (1 879 334 773 долл. США) по сравнению с 2013 годом. А импорт России из Китая в этом же году составил 50 884 393 922 долл. США, уменьшившись на 4,30% (2 288 692 305 долл. США) по сравнению с 2013 годом. Это привело к отрицательному сальдо торгового баланса России с Китаем в 2014 году в размере 13 379 639 157 долл. США [12].

Известно, что Россия в 2014 году занимала 9 место в рейтинге 20 основных торговых партнеров Китая. Но в 2015 году Россия опустилась с 9-го на 15-е место [13]. Сегодня же страна решает задачи, поставленные 13 пятилетним планом (2016–2020 гг.) Как нам представляется, эта пятилетка предоставит новые возможности для сотрудничества Китая и России. Основные направления сотрудничества будут развиваться, прежде всего, в энергетике (речь идет о прокладке новых трубопроводов, поставки нефти, газа, электроэнергии, строительстве АЭС.); в сфере высоких технологий (космос, «зеленая энергетика»); в развитии транспортной инфраструктуры; в реализации проектов, связанных со строительством железных дорог. Важно отметить, что темпы роста китайской экономики на уровне 6,5% в течение последующих пяти лет будут влиять на перспективы развития мировой экономики. И каждая страна, в том числе и РФ, будет сопоставлять свои собственные перспективы экономического роста с перспективами китайской экономики [14]. С этим мнением стоит согласиться. К тому же, это высказывание свидетельствует о необходимости дальнейшего развития стратегического партнерства двух стран, а это означает усиление в развитии торгово-экономических отношений между РФ и КНР.

По данным таможенной службы Китая товарооборот между Россией и Китаем за 2016 год увеличился по сравнению с 2015 годом на 2,2% и составил 69,53 млрд. долларов США. При этом экспорт товаров из Китая в Россию вырос на 7,3% и достиг 37,23 млрд., долларов США, а импорт из России снизился на 3,1% и составил 32,2 млрд. долларов США [15].

В сравнении с 2017 годом товарооборот между этими странами вырос на 20,8% и составил 84 миллиарда долларов, о чём свидетельствуют данные главного таможенного управления КНР. При этом Китайский экспорт в Россию вырос на 14,8 % (42,9 млрд. долларов США), а импорт из России увеличился на 27,7% (41,2 млрд. долларов) [16].

В итоге мы можем отметить, что с 2016 года наметилась тенденция роста товарооборота РФ и КНР.

Стратегическое партнерство между двумя странами РФ и КНР еще более развивается и усиливается в процессах региональной интеграции, интеграционных объединениях, таких как ШОС, БРИКС, АТЭС,

деятельность которых направлена на поддержание стабильности в регионе, развитие национальных экономик и пр. И Россия, и Китай заинтересованы, прежде всего, в создании условий стабилизации в Центральной Азии. На сегодняшний день обе страны проявляют заинтересованность во взаимодействии в рамках интеграционных группировок. Такой формат партнерства способствует укреплению международного статуса стран в экономической и политической сферах. Кроме того, перед странами стоят общие внешнеполитические задачи, требующие совместных усилий к их решению. К тому же существующий принцип открытости в объединениях позволяет привлекать другие страны, тем самым поднимая на более высокий уровень их сотрудничество. Так, например, в ШОС и БРИКС и Китай, и РФ, выступая лидерами в этих группировках, ведут активное сотрудничество по различным направлениям не только со странами – участницами, но и с другими – не входящими в эти объединения. И всё это расширяет горизонты и усиливает сотрудничество, способствуя выполнению каждой страной своих собственных стратегических целей и задач.

Важно отметить, что стратегическое партнерство России и Китая проявляется и в реализации китайского проекта «экономического пояса Шелкового пути» как новой формы углубления сотрудничества Китая, государств Центральной Азии и России. Можно считать, что глобальной идеей проекта является сближение Запада и Востока, тем более, что сейчас стало возможным его быстрое возрождение за счет развитых коммуникаций и транспортных магистралей. «Экономический пояс Шелкового пути» предполагает развитие таких направлений, как транспортное, энергетическое, торговое, информационное, научно-техническое, аграрное, туристическое. Основными результатами транспортного направления являются сеть скоростных дорог, которые охватили все провинциальные центры страны, строительство высокогорной Тибетской магистрали и высокоскоростной магистрали Москва – Казань. Стоит отметить, что лидирующие места в отрасли железнодорожного строительства занимают именно китайские компании. Энергетическое направление лежит в сфере создания единой энергетической системы между странами-участницами Экономического пояса. Прогнозируется, что туристическое направление может дать наиболее быстрый эффект, поскольку китайские туристы нацелены на

четко спланированный, цивилизационный, познавательный туризм. Для продвижения реализации проекта «экономического пояса Шелкового пути» или как сейчас называют «Один пояс и один путь» важными составляющими являются: укрепление политической координации (создать возможность обмена информацией по стратегиям и принимаемым мерам); осуществление взаимосвязи инфраструктуры (соответствие планов по строительству технологическим стандартам) и содействие строительству международных магистралей; обеспечение бесперебойной торговли для чего создаются для нее благоприятные условия, устраняются торговые и инвестиционные барьеры; осуществление свободного передвижения капитала; упрочение близости между народами, что возможно при выполнении определенных задач таких как сотрудничество в сфере охраны совместных объектов мирового культурного наследия ЮНЕСКО и в области охраны здоровья, укрепление связей в области туризма, развитие научно-технического сотрудничества и т. д. В целом, реализация проекта «Один пояс и один путь» позволит решить ряд важнейших задач: по упрощению визовых, таможенных и иных процедур для облегчения деятельности предпринимателей; по росту взаимной торговли со всеми государствами региона; по расширению контактов и налаживанию связей в научно-технической сфере, а также в образовательной, гуманитарной и др.

Следует подчеркнуть, что между двумя странами и в дальнейшем будет стоять задача по обеспечению планомерного укрепления их партнерства как сотрудничества в различных сферах. В политической сфере и в вопросах глобального управления необходима глубокая координация внешнеполитических усилий двух стран; в военно-техническом сотрудничестве России и Китаю следует перейти к реализации долгосрочных совместных проектов в области перспективных технологий военного назначения; в торгово-экономической области предстоит укреплять взаимодействие в экспортно-импортных поставках; в гуманитарном сотрудничестве обеим странам следует поднять сотрудничество российских и китайских СМИ на более качественный уровень и пр.; в туристическом сотрудничестве, важно будет продолжить работу по упрощению визовых процедур для граждан двух стран. В отношении сотрудничества в Евразии стоит подчеркнуть, что сторонам

следует сконцентрировать взаимодействие на упрощение таможенных, карантинных и инспекционных процедур, развитие трансграничных перевозок и электронной коммерции [17].

Таким образом, последующее углубление российско-китайского сотрудничества имеет, на наш взгляд, достаточно позитивные перспективы развития при условии его выхода на качественно новый уровень взаимодействия, что еще с большой уверенностью позволит говорить об усилении их стратегического партнерства. Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о всестороннем укреплении сотрудничества между Россией и Китаем, прежде всего, в энергетике и других сферах, а также об углублении отношений всестороннего стратегического партнерства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Межгосударственные отношения СССР – России и Китая – РИА Новости – [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/spravka/20140515/1007631495.html (дата обращения: 10.11.2018).

2. **ХУАН Дингуй**. Китай: подходы и особенности экономических преобразований – [Электрон. ресурс] URL: http://vasilievaa.narod.ru/2_6_00.htm(дата: 15.11.2018).

3. Внешнеторговые отношения России и Китая – [Электронный ресурс] URL: https://studbooks.net/2213288/ekonomika/vneshnetorgovye_otnosheniya_rossii_kitaya (дата обращения: 16.11.2018).

4. Рейтинг стран по ВВП 2017 – [Электронный ресурс] – URL: http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-2018 (дата обращения: 30.11.2018).

5. «Газпром» намерен поставить в Китай более 1 трлн. кубов газа в течение 30 лет – [Электронный ресурс] URL: https://rns.online/energy/-Gazprom-nameren-postavit-v-Kitai-bolee-1-trln-kubov-gaza-v-techenie-30-let--2018-06-29/ (дата обр.: 15.11.2018).

6. Российско-китайские экономические отношения. Досье – [Электронный ресурс] URL: http://tass.ru/info/1956459 (дата обращения: 10.09.2018).

7. Строительство северного отрезка восточного маршрута китайско-российского газопровода завершено на 51 проц. Жэньминь жибао – [Электронный ресурс] URL: http://russian.people.com.cn/n3/2018/0708/c31518-9478726.html (дата обращения: 16.11.2018).

8. «РусГидро» и PowerChina вложат $5 млрд. в строительство малых ГЭС – [Электронный ресурс] URL: https://pronedra.ru/energy/2014/07/03/kitaj-investiruet-v-malye-ges-v-rf (дата обращения: 17.11.2018).

9. Отношения с Поднебесной. – [Электронный ресурс] URL: http: //deduhova.ru/blog/?p=45810http://deduhova.ru/blog/?p=45810 (дата обр.: 16.11.2018).

10. **Марк Завадский** «Новый Китайский горизонт». – [Электронный ресурс] URL: http://expert.ru/expert/2011/02/novyij-kitajskij-gorizont/media/64836/ (дата обращения: 18.11.2018).

11. Итоги 12-ой пятилетки: гигантские успехи Китая. [Электронный ресурс] URL: https://www.south-insight.com/node/217619?language=ru (дата обр.: 18.11.2018).
12. Торговля между Россией и Китаем в 2014 г. [Электронный ресурс] URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2014-g/ (дата обращения: 16.11.2018).
13. Россия вылетела из топ-10 ключевых торговых партнеров Китая [Эл. ресурс] URL:https://www.gazeta.ru/business/news/2015/09/04/n_7553687.shtml(дата:17.11.2018).
14. 13-я пятилетка Китая — возможности для России [Электронный ресурс] URL: https://inosmi.ru/economic/20160112/235030183.html (дата обр.: 18.11.2018).
15. Товарооборот между Россией и Китаем в 2016 году увеличился на 2,2% [Электронный ресурс] URL: https://rns.online/economy/Tovarooborot-mezhdu-Rossiei-i-Kitaem-v-2016-godu-uvelichilsya-na-22-2017-01-13/ (дата обр.: 20.11.2018).
16. Товарооборот между Россией и Китаем по итогам 2017 года вырос до $84 млрд. РИА Новости [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20180112/1512472678.html (дата обращения: 20.11.2018).
17. Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 /гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2017. с. 86–94.

REFERENCES:

1. *Mezhgosudarstvennye otnosheniia SSSR - Rossii i Kitaia*, RIA Novosti available at https://ria.ru/spravka/20140515/1007631495.html (accessed 10 November 2018)
2. **KhUAN Dingui** *Kitai: podkhody i osobennosti ekonomicheskikh preobrazovanii*, available at http://vasilievaa.narod.ru/2_6_00.htm (accessed 15 November 2018).
3. *Vneshnetorgovye otnosheniia Rossii i Kitaia* available at https: //studbooks.net/2213288/ekonomika/vneshnetorgovye_otnosheniya_rossii_kitaya (accessed 16 November 2018).
4. *Reiting stran po VVP 2017* available at http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-2018 (accessed 30 November 2018).
5. *"Gazprom" nameren postavit' v Kitai bolee 1 trln. kubov gaza v techenie 30 let*, available at https://rns.online/energy/-Gazprom-nameren-postavit-v-Kitai-bolee-1-trln-kubov-gaza-v-techenie-30-let--2018-06-29/ (accessed 15 November 2018).
6. *Rossiisko-kitaiskie ekonomicheskie otnosheniia*, available at http://tass.ru/info/1956459 (accessed 10 September 2018).
7. *Stroitel'stvo severnogo otrezka vostochnogo marshruta kitaisko-rossiiskogo gazoprovoda zaversheno na 51 prots*, Zhen'min' zhibao, available at http: //russian.people.com.cn/n3/2018/0708/c31518-9478726.html (16 November 2018)
8. *"RusGidro" i PowerChina vlozhat $5 mlrd. v stroitel'stvo malykh GES*, available at https://pronedra.ru/energy/2014/07/03/kitaj-investiruet-v-malye-ges-v-rf (accessed 17 November 2018).
9. *Otnosheniia s Podnebesnoi*, available at http: //deduhova.ru/blog/?p=45810http://deduhova.ru/blog/?p=45810 (accessed 16 Nov. 2018)
10. **Mark Zavadskii** *"Novyi Kitaiskii gorizont"*, available at http: //expert.ru/expert/2011/02/novyij-kitajskij-gorizont/media/64836/ (18 November 2018).

11. *Itogi 12-oi piatiletki: gigantskie uspekhi Kitaia*, available at https://www.south-insight.com/node/217619?language=ru (accessed 18 November 2018).
12. *Torgovlia mezhdu Rossiei i Kitaem v 2014 g*, available at http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2014-g/ (accessed 16 November 2018).
13. *Rossiia vyletela iz top-10 kliuchevykh torgovykh partnerov Kitaia*, available at https://www.gazeta.ru/business/news/2015/09/04/n_7553687.shtml (17 November 2018)
14. *13-ia piatiletka Kitaia — vozmozhnosti dlia Rossii*, available at https://inosmi.ru/economic/20160112/235030183.html (accessed 18 November 2018).
15. *Tovarooborot mezhdu Rossiei i Kitaem v 2016 godu uvelichilsia na 2,2%*, available at https://rns.online/economy/Tovarooborot-mezhdu-Rossiei-i-Kitaem-v-2016-godu-uvelichilsya-na-22-2017-01-13/ (accessed 20 November 2018).
16. *Tovarooborot mezhdu Rossiei i Kitaem po itogam 2017 goda vyros do $84 mlrd*, RIA Novosti, available at https://ria.ru/20180112/1512472678.html (accessed 20 November 2018).
17. *Rossiisko-kitaiskii dialog: model' 2017: doklad No 33, 2017*, edited by I.S. Ivanov; Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD), Moscow, NP RSMD, 2017, pp. 86-94.

YAGYA Talie S. – Saint-Petersburg Electrotechnical University LETI. 5, Professor Popov ul., Saint-Petersburg, 197376, Russia. E-mail: talie2006@mail.ru.

THE DEVELOPMENT OF STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

This article is devoted to the consideration of strategic partnership between the PRC and the Russian Federation in the context of expanding globalization and developing integration processes. In this article the author reveals the essence of strategic partnership, gives definitions, explains the difference from ordinary cooperation, and points out the differences in the strategic goals of these two countries. The article considers strategic partnership as cooperation in various directions. The strategic partnership of the Russian Federation and the PRC as cooperation in various areas is manifested. The developments of trade and economic relations, the implementation of large joint projects, the extension of border trade, and the processes of regional integration are emphasized. These issues are considered in this paper.

COOPERATION; STRATEGIC PARTNERSHIP; EXPORT; IMPORT; TRADE; RUSSIAN-CHINESE COOPERATION; CROSS-BORDER TRADE; TRADE AND ECONOMIC COOPERATION; MILITARY-TECHNICAL COOPERATION; HUMANITARIAN COOPERATION; TOURIST COOPERATION; JOINT PROJECTS; THE SILK ROAD ECONOMIC BELT PROJECT

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

УДК 930 (327)
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.15

М. В. Высоцкая

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

ВЫСОЦКАЯ Мария Вадимовна – студентка 3 курса факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E–mail: visotskaya.mary@yandex.ru.

В данной статье освещается проблема русской диаспоры в Новой Зеландии в отечественной и зарубежной историографии. Автор рассматривает основные работы по данной теме, выявляя её наиболее изученные аспекты: историю появления и складывания русской диаспоры в этой стране и особенности положения русских в новозеландском обществе на современном этапе. Проведённый анализ историографии позволяет утверждать, что неисследованным остаётся весьма актуальный вопрос о русской диаспоре как значимом факторе мягкой силы в осуществлении внешней политики России по отношению к Новой Зеландии.

РОССИЙСКО-НОВОЗЕЛАНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ; РУССКАЯ ДИАСПОРА В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ; РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ; НОВОЗЕЛАНДСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ; МЯГКАЯ СИЛА

Изучение истории и современного положения русских диаспор в различных странах само по себе представляет определённый научный интерес. В отношении же таких стран, как Австралия и Новая Зеландия, этот интерес повышается тем, что именно наличие среди населения этих стран выходцев из СССР и России формирует очень большой пласт российско-австралийских или российско-новозеландских отношений, так как связи Российской Федерации с этими государствами в иных сферах,

например, в политической и экономической области, в настоящее время весьма незначительны.

Под русской диаспорой в Новой Зеландии можно понимать граждан или постоянных жителей Новой Зеландии, являющихся выходцами из России или СССР и ассоциирующих себя именно с русской культурой и русским языком. Таким образом, к ним относятся не только собственно этнические русские, но и значительная часть бывших жителей СССР других национальностей, в том числе большинство оказавшихся в Новой Зеландии советских евреев. В эту группу включаются и потомки всех этих людей, родившиеся уже в Новой Зеландии, но не утратившие связь с русской культурой.

Первые выходцы из Российской империи появились в Новой Зеландии ещё в середине XIX века, и к началу XX века их численность составила около 1 тыс. человек [1, с. 110]. Серьёзное увеличение числа российских иммигрантов в Новой Зеландии произошло после Первой и, особенно, Второй мировых войн. Однако основная часть современной русской диаспоры прибыла в эту страну после распада СССР. В настоящее время русская диаспора в Новой Зеландии насчитывает около 15 тыс. чел. [2, с. 35]. При этом основная часть русской общины сконцентрирована на севере страны – в Окленде (около 10 тыс. чел.) [3, с. 49]. Значительное количество русских проживает также в Крайстчёрче и Веллингтоне.

В России история и отдельные стороны современного положения дел в русской диаспоре Новой Зеландии уже привлекли внимание ряда исследователей. В первую очередь здесь следует назвать труды Елены Викторовны Рудниковой, сотрудника Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН. Основными сферами её научных интересов являются история появления русских в Новой Зеландии и современное состояние русской диаспоры в этой стране. Прояснению этих вопросов посвящены содержательные и хорошо фундированные статьи Е.В. Рудниковой «Русские в Новой Зеландии: история присутствия» [4] и «Выходцы из Российской империи в Новой Зеландии в период Первой мировой войны: источники и материалы» [1]. Особенности и структура русской диаспоры на современном этапе, её количественный и качественный состав, роль выходцев из России в

новозеландском обществе освещаются в статьях Е.В. Рудниковой «Постсоветская эмиграция в Новую Зеландию: к вопросу о численности и этническом составе» [5], «Русскоязычные иммигранты в этнической структуре Новой Зеландии»[2], «Русскоязычная эмиграция в страны Азиатско-Тихоокеанского региона на рубеже XX–XXI вв.»[6], «“Моряки-прыгуны” в составе постсоветской эмиграции в Новую Зеландию» [7]. Именно в этих работах содержится наиболее полный в отечественной историографии анализ профессиональных, гендерных, возрастных и этнических характеристик «постсоветской волны» русскоговорящих эмигрантов.

Отдельно нужно упомянуть статью Е.В. Рудниковой «Усыновлённые российские дети в Новой Зеландии» [8]. Она содержит информацию о количестве русских детей, усыновленных новозеландскими семьями, об их дальнейшей ассимиляции в совершенно непривычном для них обществе. Эта статья представляет собой, по сути дела, на данный момент единственную попытку в отечественной историографии обозначить и исследовать проблемы культурной и психологической адаптации русских к новозеландской действительности.

В ряде других статей этого же автора – «Русские староверы в Новой Зеландии» [9], «Из истории возникновения первых русских православных приходов в Новой Зеландии»[10] и «Русская православная церковь в истории русской диаспоры в Новой Зеландии» [11] – анализируется возникновение и деятельность приходов Русской православной церкви за рубежом, Е.В. Рудникова отмечает, что церковь сыграла и играет существенную, если не сказать, ведущую роль в процессах консолидации русских переселенцев, формировании единого сообщества, создании ими собственных культурно-просветительских организаций.

Несомненно, Е.В. Рудникова на сегодняшний день является ведущим отечественным специалистом по изучению русской диаспоры в Новой Зеландии, её важнейшей заслугой является то, что именно она выявила и впервые ввела в научный оборот большую часть источников, освещающих жизнь русских в данной стране.

Вопросам истории и современного состояния русской диаспоры в Новой Зеландии посвящены работы ряда других российских

исследователей. Отметим, в частности, статьи «Практическая деятельность по развитию отношений СССР и России со странами Океании в 1987–1992 гг. (На примере Новой Зеландии, Западного Самоа, Королевства Тонга и Островов Кука)» и «Из истории российской эмиграции в Новую Зеландию в 1990-е гг.» [12; 3] дипломата, бывшего Чрезвычайного и Полномочного посла СССР / России в Новой Зеландии Юрия Михайловича Соколова. Его работы особо интересны тем, что они содержат не только отдельные факты о русской диаспоре, но и воспоминания автора, построенных на его личном опыте – Ю.М. Соколов сам работал с русскими эмигрантами в Новой Зеландии.

Другая российская исследовательница Оксана Борисовна Опара, участвуя в конференциях по изучению Австралии и Океании в Институте Востоковедения РАН в Москве, представила доклады «Русская диаспора в Новой Зеландии – история и современность» [13], «Миграционные потоки из России в Новую Зеландию: история и современность» [14] и «Российская диаспора в Новой Зеландии» [15]. В них была предпринята попытка выявить численность и качественный состав постсоветской эмиграции в Новую Зеландию. Ныне О.Б. Опара сама пополнила русскую диаспору Новой Зеландии, став сотрудницей Оклендского технологического университета. В 2017 году О.Б. Опара опубликовала статью, уже на английском языке, «Тенденции и модели посткоммунистической миграции из России в Новую Зеландию с 1990-х годов» [16], где затронула вопрос о влиянии русских иммигрантов на экономику Новой Зеландии, особенности их положения на рынке труда, уровень их занятости, образования и профессиональной подготовки.

Следует упомянуть статью ещё одного российского исследователя – «Проблема социокультурной адаптации мигрантской школьной молодёжи из России и Китая в Новой Зеландии» [17], принадлежащую перу Владимира Иннокентьевича Петрищева, профессора Красноярского государственного педагогического университета. Его работа увидела свет в 2012 г. и посвящена психологическим трудностям, с которыми сталкиваются современные российские подростки в процессе учёбы в Новой Зеландии. Источником информации для исследования послужили

данные опроса, проведённого непосредственно среди русских школьников, чьи семьи переехали жить в эту страну.

Проблемами русской диаспоры в Новой Зеландии занимаются и новозеландские исследователи, которые изучают, в первую очередь, социокультурные и психологические аспекты процесса интеграции русских в своё общество. Наиболее заметными являются работы Елены Майдель-Стивенс, исследовательницы с российскими корнями, ныне работающей в Университете Королевы Виктории в Веллингтоне и пишущей свои труды на английском языке. Выделяется, прежде всего, её статья, написанная в соавторстве с новозеландскими исследователями Энн Масгорет и Тони Уордом «Проблемы психологической и социокультурный адаптации у русскоязычных иммигрантов в Новой Зеландии» [18], которая посвящена сложностям интеграции русских в новое общество, мотивам их переезда в Новую Зеландию и особенностям поведения в непривычной обстановке. Эту работу правительство Новой Зеландии разместило на официальном сайте Министерства общественного развития [19], что, несомненно, отражает то внимание, с которым правительство Новой Зеландии относится к проблеме адаптации инокультурных диаспор в новозеландском обществе. Практически те же сюжеты анализируются в двух других содержательных статьях Е. Майдель – работе «Вопросы идентичности и вызовы, с которыми сталкиваются российские иммигранты в Новой Зеландии» [20], написанной ею совместно с Марком Уилсоном, и статье «Русскоязычные иммигранты в Новой Зеландии: пути социокультурной адаптации и новые идентичности» [21]. Эта последняя статья переведена на русский язык и в 2014 г. опубликована в журнале Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН «Россия и АТР». В статье продемонстрированы конкретные стратегии и модели поведения русских иммигрантов в новозеландском обществе, проблемы обретения ими своего нового социального статуса и выстраивания новой идентичности. Последней по времени работой Е. Майдель стала вышедшая в 2017 году статья с достаточно необычным названием «Нам нужны инженеры, а не русские невесты» [22], в которой развенчиваются культурные стереотипы о русских иммигрантах, распространяемые в новозеландских СМИ. Автор

обращает внимание на то, что они нередко сталкиваются с предвзятым негативным отношением местного населения, из-за чего им становится ещё труднее привыкнуть к жизни в чужой стране.

В своих работах новозеландские авторы делают акцент на необходимости более активного взаимодействия властей Новой Зеландии с представителями русской диаспоры, помогая им в вопросах культурной самореализации, получения образования и трудоустройства.

По итогам проведённого обзора можно утверждать: историография данного вопроса не является обширной, несмотря на то, что изучением разнообразных сторон истории и современной жизни русской диаспоры в Новой Зеландии занимаются как отечественные, так и новозеландские исследователи. В целом освещена история русской диаспоры в этой стране, изучена динамика её роста, проанализирован качественный состав русских эмигрантов. Рассмотрены вопросы формирования и деятельности общинных организаций русских, роль православной церкви. Затронуты проблемы психологической адаптации и социокультурной интеграции выходцев из СССР и России в новозеландское общество, основные направления мультикультурной политики правительства Новой Зеландии, которая проводится в данной стране по отношению к иммигрантским общинам и, в том числе, именно к русским.

В заключение, необходимо подчеркнуть, что до сих пор вне сферы внимания российских и новозеландских исследователей остаётся вопрос о русской диаспоре как значимом факторе мягкой силы в осуществлении внешней политики Российской Федерации по отношению к Новой Зеландии. Если для новозеландцев изучение данной проблемы по понятным причинам не является действительно актуальным, то для российских исследователей, прежде всего, специалистов-международников, эта проблема выдвигается на первый план и приобретает в некотором смысле практическое звучание. Работа с соотечественниками, проживающими в Новой Зеландии, в условиях минимальных связей России с этой страной в экономической и политической сферах становится, таким образом, одним из главных направлений, которые потенциально смогут способствовать развитию российско-новозеландских отношений в целом. Очевидно, что именно этот

вектор исследований – российская община как фактор мягкой силы России – должен стать одним из основных в дальнейшем изучении истории и современного положения русской диаспоры в Новой Зеландии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Рудникова Е.В.** Выходцы из Российской империи в Новой Зеландии в период Первой мировой войны: источники и материалы // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. – Владивосток: Изд-во «Рея», 2016. – С. 108–115.
2. **Рудникова Е.В.** Русскоязычные иммигранты в этнической структуре Новой Зеландии (по данным переписей населения конца XX – начала XXI вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. №1(32). С. 34–40. ISSN 1998-6785.
3. **Соколов Ю.М.** Из истории российской эмиграции в Новую Зеландию в 1990-е гг. // Русская диаспора в странах Востока: история и современность: сб. ст. I – III ежегодных междунар. науч. конф. ИВ РАН 2010-2012 гг. – М., 2013. – С. 49–50.
4. **Рудникова Е.В.** Русские в Новой Зеландии: история присутствия // Российская диаспора в странах Востока: тез. докл. к I Междунар. науч. конф. 24–25 июня 2010 г. ИВ РАН. – М., 2010. – С. 43.
5. **Рудникова Е.В.** Постсоветская эмиграция в Новую Зеландию: к вопросу о численности и этническом составе // Историческая демография. 2010. № 1(5). С. 85–89. ISSN: 2304-5922.
6. **Рудникова Е.В.** Русскоязычная эмиграция в страны Азиатско-Тихоокеанского региона на рубеже XX–XXI вв. (к постановке проблемы) // Миграция и развитие (V Валентеевские чтения): сб. ст. конф. – М.: МГУ, 2007. Т. II. – С. 407–410.
7. **Рудникова Е.В.** «Моряки-прыгуны» в составе постсоветской эмиграции в Новую Зеландию // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 107–126. ISSN: 1026-8804.
8. **Рудникова Е.В.** Усыновлённые российские дети в Новой Зеландии // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 213–232. ISSN: 1026-8804.
9. **Рудникова Е.В.** Русские староверы в Новой Зеландии // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 2. С. 80–94. ISSN: 0869-1908
10. **Рудникова Е.В.** Из истории возникновения первых русских православных приходов в Новой Зеландии // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 4(170). С. 165–169. ISSN: 0869-7698.
11. **Рудникова Е.В.** Русская православная церковь в истории русской диаспоры в Новой Зеландии // Россия и АТР. 2014. № 2 (84). С. 64–79. ISSN: 1026-8804.
12. **Соколов Ю.М.** Практическая деятельность по развитию отношений СССР и России со странами Океании в 1987-1992 гг. (На примере Новой Зеландии, Западного Самоа, Королевства Тонга и Островов Кука) // Южнотихоокеанский регион: место встречи Востока и Запада: сб. ст. XXVIII Междунар. науч. конф. по изучению Австралии, Новой Зеландии и Океании ИВ РАН, 25–26 окт. 2007 г. – М., 2008. – С. 58–68.

13. Опара О.Б. Русская диаспора в Новой Зеландии – история и современность // Российская диаспора в странах Востока: тез. докл. к V Междунар. межинститут. науч. конф. 17-18 апреля 2014 г. ИВ РАН. – Москва, 2014. – С. 20–21.
14. Опара О.Б. Миграционные потоки из России в Новую Зеландию: история и современность // Южнотихоокеанский регион: новые проблемы в быстро меняющемся мире: материалы XIX и XX науч. конф. по изучению Австралии, Новой Зеландии и Океании ИВ РАН, 30-31 октября 2009 г. – М., 2010. – С.82.
15. Опара О.Б. Российская диаспора в Новой Зеландии // Российская диаспора в странах Востока: тез. докл. к I Междунар. науч. конф. 24-25 июня 2010 г. ИВ РАН. – М., 2010. – С. 42.
16. Opara O.B. Trends and patterns of post-communist migration from Russia to New Zealand since the 1990s // Asian and Pacific Migration Journal. 2017. Vol. 26. № 4. P. 480-504.
17. Петрищев В.И. Проблема социокультурной адаптации мигрантской школьной молодёжи из России и Китая в Новой Зеландии // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 7. С. 32–35. ISSN: 1813-4718.
18. Maydell-Stevens E., **Masgoret A.-M.**, **Ward T.** Problems in psychological and socio-cultural adaptation among Russian-speaking immigrants in New Zealand // Social Policy Journal of New Zealand. 2007. №30. – P.178–198.
19. Ministry of Social Development // URL: https://www.msd.govt.nz/about-msd-and-our-work/publications-resources/journals-and-magazines/social-policy-journal/spj30/30-problems-psychological-sociocultural-adaptation-russian-immigrants-p178-198.html (дата обращения 29.09.2018).
20. Maydell E., **Wilson M.** Identity issues and challenges faced by Russian immigrants in New Zealand // Cosmopolitan Civil Societies Journal. 2009. Vol. 1. № 1. – P.103–127.
21. Майдель-Стивенс Е.А. Русскоязычные иммигранты в Новой Зеландии: пути социокультурной адаптации и новые идентичности // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 163–175. ISSN: 1026-8804.
22. Maydell E. ‘We need engineers, not Russian brides’ // Communication Research and Practice. – 2017. Vol. 3. № 4. – P. 335–357.

REFERENCES:

1. Rudnikova E.V. *Vykhodtsy iz Rossiiskoi imperii v Novoi Zelandii v period Pervoi mirovoi voiny: istochniki i materialy*, Dal'nii Vostok Rossii i strany Vostochnoi Azii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny: sb. nauch. st., Vladivostok, Izd-vo “Reia”, 2016, pp. 108-115.
2. Rudnikova E.V. *Russkoiazychnye immigranty v etnicheskoi strukture Novoi Zelandii (po dannym perepisei naseleniia kontsa XX – nachala XXI vv.)*, Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia, 2015, No 1(32), pp. 34–40, ISSN 1998-6785.

3. **Sokolov Iu.M.** *Iz istorii rossiiskoi emigratsii v Novuiu Zelandiiu v 1990-e gg.*, Russkaia diaspora v stranakh Vostoka: istoriia i sovremennost': sb. st. I – III ezhegodnykh mezhdunar. nauch. konf. IV RAN 2010-2012 gg., Moscow, 2013, pp. 49–50.
4. **Rudnikova E.V.** *Russkie v Novoi Zelandii: istoriia prisutstviia*, Rossiiskaia diaspora v stranakh Vostoka: tez. dokl. k I Mezhdunar. nauch. konf. 24–25 June 2010 g. IV RAN, Moscow, 2010, p. 43.
5. **Rudnikova E.V.** *Postsovetskaia emigratsiia v Novuiu Zelandiiu: k voprosu o chislennosti i etnicheskom sostave*, Istoricheskaia demografiia, 2010, No 1(5), pp. 85–89, ISSN: 2304-5922.
6. **Rudnikova E.V.** *Russkoiazychnaia emigratsiia v strany Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona na rubezhe XX–XXI vv. (k postanovke problemy)*, Migratsiia i razvitie (V Valenteevskie chteniia): sb. st. konf., Moscow, MGU, 2007, Vol. II, pp. 407–410.
7. **Rudnikova E.V.** *"Moriaki-pryguny" v sostave postsovetskoi emigratsii v Novuiu Zelandiiu*, Rossiia i ATR, 2017, No 3 (97), pp. 107–126, ISSN: 1026-8804.
8. **Rudnikova E.V.** *Usynovlennye rossiiskie deti v Novoi Zelandii*, Rossiia i ATR, 2016, No 3, pp. 213–232, ISSN: 1026-8804.
9. **Rudnikova E.V.** *Russkie starovery v Novoi Zelandii*, Vostok, Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost', 2013, No 2, pp. 80–94, ISSN: 0869-1908.
10. **Rudnikova E.V.** *Iz istorii vozniknoveniia pervykh russkikh pravoslavnykh prikhodov v Novoi Zelandii*, Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 2013, No 4(170), pp. 165–169, ISSN: 0869-7698.
11. **Rudnikova E.V.** *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v istorii russkoi diaspory v Novoi Zelandii*, Rossiia i ATR, 2014, No 2 (84), pp. 64–79, ISSN: 1026-8804.
12. **Sokolov Iu.M.** *Prakticheskaia deiatel'nost' po razvitiiu otnoshenii SSSR i Rossii so stranami Okeanii v 1987-1992 gg. (Na primere Novoi Zelandii, Zapadnogo Samoa, Korolevstva Tonga i Ostrovov Kuka)*, Iuzhnotikhookeanskii region: mesto vstrechi Vostoka i Zapada: sb. st. XXVIII Mezhdunar. nauch. konf. po izucheniiu Avstralii, Novoi Zelandii i Okeanii IV RAN, 25–26 October 2007 g., Moscow, 2008, pp. 58–68.
13. **Opara O.B.** *Russkaia diaspora v Novoi Zelandii – istoriia i sovremennost'*, Rossiiskaia diaspora v stranakh Vostoka: tez. dokl. k V Mezhdunar. mezhinstitut. nauch. konf. 17-18 April 2014 g. IV RAN, Moscow, 2014, pp. 20–21.
14. **Opara O.B.** *Migratsionnye potoki iz Rossii v Novuiu Zelandiiu: istoriia i sovremennost'*, Iuzhnotikhookeanskii region: novye problemy v bystro meniaiushchemsia mire: materialy XIX i XX nauch. konf. po izucheniiu Avstralii, Novoi Zelandii i Okeanii IV RAN, 30-31 October 2009 g., Moscow, 2010, p.82.
15. **Opara O.B.** *Rossiiskaia diaspora v Novoi Zelandii*, Rossiiskaia diaspora v stranakh Vostoka: tez. dokl. k I Mezhdunar. nauch. konf. 24-25 June 2010 g. IV RAN, Moscow, 2010, p. 42.
16. **Opara O.B.** *Trends and patterns of post-communist migration from Russia to New Zealand since the 1990s*, Asian and Pacific Migration Journal, 2017, Vol. 26, No 4, pp. 480-504.

17. Petrishchev V.I. *Problema sotsiokul'turnoi adaptatsii migrantskoi shkol'noi molodezhi iz Rossii i Kitaia v Novoi Zelandii*, Sibirskii pedagogicheskii zhurnal, 2012, No 7, pp. 32–35, ISSN: 1813-4718.
18. Maydell-Stevens E., Masgoret A.-M., Ward T. *Problems in psychological and socio-cultural adaptation among Russian-speaking immigrants in New Zealand*, Social Policy Journal of New Zealand, 2007, No 30, pp.178–198.
19. *Ministry of Social Development*, available at https://www.msd.govt.nz/about-msd-and-our-work/publications-resources/journals-and-magazines/social-policy-journal/spj30/30-problems-psychological-sociocultural-adaptation-russian-immigrants-p178-198.html (accessed 29 September 2018).
20. Maydell E., Wilson M. *Identity issues and challenges faced by Russian immigrants in New Zealand*, Cosmopolitan Civil Societies Journal, 2009, Vol. 1, No 1, pp.103–127.
21. Maidel'-Stivens E.A. *Russkoiazychnye immigranty v Novoi Zelandii: puti sotsiokul'turnoi adaptatsii i novye identichnosti*, Rossiia i ATR, 2014, No 3 (85), pp. 163–175, ISSN: 1026-8804.
22. Maydell E. *"We need engineers, not Russian brides"*, Communication Research and Practice, 2017, Vol. 3, No 4, pp. 335–357.

VYSOTSKAYA Maria V. – St. Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: visotskaya.mary@yandex.ru.

TO THE ISSUE OF THE RUSSIAN DIASPORA IN NEW ZEALAND STUDY OF (HISTORIOGRAPHIC REVIEW)

The present article is dedicated to the problem of the Russian diaspora in New Zealand in Russian and foreign historiography. The author examines the main research works targeted at the investigation of this topic, revealing the most studied aspects: the history of appearance and formation of the Russian diaspora in this country and the peculiarities of the position of the Russians in New Zealand society at the present stage. According to the analysis of historiography, we can state that the relevant issue of the Russian diaspora as a significant factor of soft power in the implementation of Russia's foreign policy towards New Zealand remains unexplored.

RUSSIAN-NEW ZEALAND RELATIONS; RUSSIAN DIASPORA IN NEW ZEALAND; RUSSIAN HISTORIOGRAPHY; NEW ZEALAND HISTORIOGRAPHY; SOFT POWER

УДК 34
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.16

В. П. Демидов, А. Ю. Мохорова

ЛОББИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

ДЕМИДОВ Владимир Павлович – кандидат философских наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: elena.demidova@mail.ru.

МОХОРОВА Анна Юрьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: mohorova_ayu@spbstu.ru.

В статье рассмотрены некоторые аспекты лоббистской деятельности в современных государствах и ее влияние на различные стороны политической жизни и культуры. Выделены основные проблемы лоббизма как формы взаимодействия гражданского общества и управленческих структур. Отражены наиболее важные характерные черты лоббистской деятельности как сложного социально-политического явления. Проанализированы возможные направления формирования механизма правового регулирования лоббизма как явления, объективно присущего политической деятельности государств.

ЛОББИЗМ; ЛОББИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ; ГРУППА ИНТЕРЕСОВ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Рассматривая феномен лоббизма в рамках политической культуры, необходимо дать определение последнему понятию. Оно носит широко неоднозначный характер. Различные исследователи совершенно по-своему формулируют сущностные черты данного явления [1; 2]. В рамках представленной статьи кажутся интересными доводы, изложенные канадским исследователем Р. Престусом, характеризующим политическую культуру как «ценности и институциональные структуры» [3], что подразумевает связь народных масс с политикой государства, отношения членов общества к сфере политической жизнедеятельности и структуру политических институтов. При этом политические институты выступают в качестве важнейших сегментов проявления политической культуры общества.

Следует отметить, что одним из значимых политических институтов в настоящее время является лоббизм, где находят свое отражение специфические механизмы влияния различных групп населения на государственную политику и процесс принятия управленческих решений.

Единого подхода к пониманию указанного явления нет. Можно определить лоббизм в качестве одного из важнейших институтов политической системы, деятельность которого направлена на представление интересов отдельных групп. Также, вслед за отдельными исследователями данного понятия, его можно толковать как:

1. «Систему неформального представительства интересов в политических отношениях»;

2. «Специфическую систему функционального представительства групповых интересов в органах государственной власти, дополняющая и в разнообразных направлениях перекрывающая систему географического представительства интересов, осуществляемая депутатами парламента [4, с. 25];

3. «Урегулированную нормами права деятельность зарегистрированных в установленном порядке лиц по продвижению интересов клиентов / работодателей» [5].

О лоббистской деятельности существуют самые противоречивые мнения, однако, это не исключает и не снижает его значения в качестве механизма влияния со стороны общества, на государственные органы власти при осуществлении ими функций управления.

Существует еще ряд определений данного понятия, которые носят разнонаправленный характер, определяя лоббизм и как коррупционную деятельность, направленную на удовлетворение частных интересов, и как неотъемлемый элемент любого политического режима.

На сегодняшний момент существует два несовпадающих подхода в определении термина «лоббизм». По мнению одних, лоббизм – это профессиональная деятельность по продвижению корпоративных интересов. Другие полагают, что лоббизм – это механизм отстаивания групповых или частных интересов в органах государственной власти. Различность подходов отражает специфику политической культуры в разных государствах [6].

Лоббизм присущ для большинства развитых стран мира. Учитывая динамику социально-экономического, политического, исторического движения различных государств по пути к усложнению общественной деятельности, в определенный период времени, в различных странах формируются определенные механизмы влияния со стороны общества на выполнение функций исполнительного и законодательного характера соответствующими органами власти.

Государство, являясь продуктом последовательного развития общества, оказывает широкой спектр воздействия на основные сферы жизнедеятельности народов, проживающих на его территории. Все они имеют, в силу объективных исторических причин, разнообразный круг интересов, которые часто не совпадают. Учитывая различия в характере интересов и устремлений отдельных слоев населения и социальных общностей, рано или поздно встает вопрос о формировании определенных рычагов влияния на государственный аппарат со стороны представителей групп интересов. Это явление связано с тем, что при поступательном развитии человеческого общества наблюдается процесс демократизации осуществления государственной власти, который предполагает, что, по крайней мере, абсолютное большинство членов общества должны иметь реальные возможности влияния на выработку существенных позиций в сфере политики, экономики, социального обеспечения, национального развития.

Уже с середины XVIII столетия в наиболее развитых странах мира произошли существенные изменения в государственном управлении, и значительные по численности группы населения получили объективные возможности непосредственно воздействовать на разработку законодательных актов, регулирующих важные сферы общественной жизни, а также влиять на осуществление решений, принимаемых органами власти по различным аспектам жизнедеятельности человека, возникает такое явление как лоббизм.

Многие исследователи отмечают, что данный механизм воздействия со стороны различных представителей групповых интересов проявился в 30-е годы XIX столетия в США. В дальнейшем все государства, учитывая характер воздействия со стороны разных представителей конкретных групп и общностей своих народов, среагировали на появление указанного рычага влияния.

В виду того, что интересы конкретных общественных образований часто противоположны, представители этих групп и слоев стали оказывать непосредственное воздействие на повседневную деятельность органов государственного управления с целью формирования такой направленности государственной политики, которая бы в наибольшей степени соответствовала их объективно выраженным устремлениям.

Американский исследователь А. Бентли выдвинул теорию, согласно которой в любом обществе существуют группы, воздействующие на политическую сферу общества в целях реализации своих профессиональных, экономических, региональных, этических, международных и других интересов [5, с. 273]. Фактически положения указанной теории подтверждаются практикой принятия решений органами государственной власти по наиболее важным проблемам, затрагивающим интересы разнообразных слоев населения в той или иной стране.

В различных странах неоднократно предпринимались попытки сформировать легальное понятие лоббизма и закрепить данный термин в нормативно-правовых актах, что необходимо для осуществления структурирования политической культуры общества и совершенствования правовых аспектов регулирования лоббистской деятельности.

Так, в Российской Федерации рассматривались проекты законов, регулирующих процессы лоббирования: «О регулировании лоббистской

деятельности в федеральных органах государственной власти», 1996 г. (законопроект № 96700123-2), «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», 1997 г. (законопроект № 97801795-2), «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», 2003 г. (законопроект № 396138-3), Модельный закон «О регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти», 2003 г. (законопроект № 22-16), «О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления», 2013 г. (законопроект № 410475-6) [5].

Все перечисленные проекты законодательных актов по тем или иным причинам не были приняты, и по настоящее время данный существенный пробел российской правовой системы не устранен, что негативно отражается на регулировании лоббистской деятельности и в значительной степени сказывается на эффективности борьбы с коррупцией в нашем государстве.

Необходимо отметить, что в ряде государств лоббизм запрещен и предусмотрены меры юридической ответственности за продвижение групповых и частных интересов в сфере функционирования органов публичной власти [8; 9].

В странах же англо-саксонской правовой системы, напротив, предусмотрено, что организации, занимающиеся лоббистской деятельностью, подлежат обязательной государственной регистрации [10; 11; 12].

Система континентального права устанавливает, что лоббирование как процесс, должно происходить в установленных рамках, определяемых нормативно-правовыми актами.

Данные подходы отражают своеобразие правового регулирования лоббирования как деятельности, присущей современному уровню развития общества.

Исследуя вышеуказанное явление, возможно выделить ряд свойств, отличающих данный институт от смежных понятий.

Лоббизм как явление проявляется в связях с властными структурами. Можно отметить, что лоббистская деятельность по своей природе латентна. Ее необходимо урегулировать на правовом уровне, при этом

добиться максимальной степени детализации в рамках применяемых правовых терминов.

Лоббизм проявляется вследствие некоторых неорганизованных по своей сущности устремлений или интересов конкретных общественных образований. Лоббистская деятельность носит своеобразный социальный характер как объективное отражение групповых интересов, свойственных определенному этапу социально-политического развития общества.

Следует сказать, что лоббизм как процесс имеет определенный объект, на который направлена деятельность по продвижению интересов в конкретный период времени.

Как любое социально-правовое явление, лоббизм имеет сложный многогранный характер. Многоаспектность лоббистской деятельности создает такие условия, в рамках которых очень трудно ограничить ее воздействие на управленческие структуры.

Посредством лоббистской деятельности оказывается давление на представителей органов исполнительной и законодательной власти в ситуациях, когда они должны рассматривать вопросы, входящие в сферу интересов тех или иных общественных групп. Представители разнообразных социальных образований пытаются влиять на решения, принимаемые органами государственного управления, чтобы создать наиболее приемлемые условия реализации конкретных предпочтений.

Лоббистская деятельность во многом носит характер опосредования связей между рядовыми гражданами того или иного государства, различными организациями и органами государственной власти, местного самоуправления. С этой точки зрения лоббизм должен присутствовать в реалиях общественной жизни как необходимый элемент взаимодействия между государством в лице органов исполнительной, законодательной власти и широкими слоями современного общества.

Лоббизм, при урегулировании его в правовом поле, может быть эффективным механизмом, влияющим на создание каналов реализации общественных интересов. Формирование правовых подходов к столь сложным социально-политическим явлениям как лоббирование экономических, политических, национальных, культурных, социальных интересов различных групп российского общества, создает необходимое основание для узаконивания реализации в управленческой деятельности

разнонаправленных устремлений, характерных для нашего многонационального народа.

Кроме того, принятие на государственном уровне законов, регулирующих лоббирование как процесс, свойственный современному развитому демократическому обществу, позволяет в значительной степени сузить коррупционные проявления, которые имеют достаточно широкий характер в современной системе управления.

В развитых странах мира органы государственной власти формируются путем проведения процедур демократического характера, которые закреплены в нормативно-правовых актах. Естественно, что лоббистские проявления интересов различных социальных общностей должны тем или иным образом воплощаться в результатах образования конкретного состава государственных органов управления, а также на муниципальном уровне при формировании органов местного самоуправления.

Лоббирование, осуществляемое в соответствии с требованиями законодательства, отражает разнохарактерность устремлений тех или иных социальных групп общества.

В период деятельности органов государственной власти и местного самоуправления принимается множество решений по различным проблемам, существенно затрагивающим основные аспекты удовлетворения отдельных интересов представителей разных социальных слоев.

Однако, как отмечает в своем исследовании С.И. Крамченков: «лоббизм стал проявлением не общественной, в широком смысле слова, потребности в согласовании интересов общества и власти, а в своем узком проявлении – выражении частного интереса замкнутого круга заинтересованных групп, в большей степени представляющих крупный финансовый и промышленный капитал» [13, с. 19].

Учет интересов различных представительных общностей является необходимым элементом эффективности деятельности всей системы государственного управления. Однако при осуществлении властных функций органы государства не могут преимущественно ориентироваться на узко выраженные и конкретно обозначенные устремления отдельных

небольших групп населения, которые существенно не совпадают с интересами более широких масс общества.

Органы власти не могут предоставлять существенные преференции в рамках выполнения функций государственного управления преимущественно тем или иным представителем отдельных социальных образований. Вышеназванное явление самым отрицательным образом будет сказываться на развитии общества как сложной единой целостной системы.

Лоббистская деятельность в настоящий период времени существенно отражается на гармонизации законных интересов различных слоев, групп населения и создает условия для нарушения их взаимосвязанности и баланса. Указанный аспект негативно влияет на выработку объективно необходимых решений для разрешения тех или иных проблем, носящих острый характер, для отдельно взятых социальных общностей. Разбалансировка интересов вследствие лоббирования подходов к значимости конкретных вопросов, приводит к снижению эффективности государственного управления и нерационального расходования финансовых и материальных ресурсов при осуществлении программ экономического, социального, культурного, национального развития государства.

Лоббистская деятельность в тех государствах, где она не урегулирована законодательными актами, обостряет очень актуальную проблему, свойственную современному обществу – правового нигилизма, что негативно влияет на развитость правовой культуры населения и приводит к отрицательным последствиям.

С.П. Сиротенко отмечает, что в настоящее время «теневой, скрытый от общественности, а потому и неконтролируемый лоббизм, порождает разного рода злоупотребления и коррупцию в органах власти, приводит к нарушениям признаков демократии в государстве» [14].

Лоббистская деятельность может приводить к тому, что формируется противозаконный характер сочетания интересов различных коммерческих структур и органов государственного и муниципального управления. В результате чего преимуществом пользуются не те частные организации, которые могут принести объективно положительные результаты для широких слоев населения, а те организационные

структуры, которые теснее взаимодействуют с представителями органов государственной власти и местного самоуправления.

Лоббирование, не урегулированное нормами права, непосредственно влияет на уровень такого антисоциального явления как коррупция. Преференции, предоставляемые властными структурами отдельным субъектам, стимулируют увеличение негативного воздействия со стороны заинтересованных организаций и лиц, на принятие решений в разных сферах жизнедеятельности общества, и, тем самым, способствуют процессам деформации реализации конкретных интересов, затрагивающих значительные по своей численности слои общества.

Лоббистская деятельность, которая проистекает вне рамок правового поля, способствует росту теневой экономики и формированию социально-политических рычагов воздействия на систему публичного управления.

Лоббирование негативно сказывается на самом характере отношений, складывающемся между государственными органами власти, органами местного самоуправления и различными коммерческими и некоммерческими структурами в рамках их функционирования.

Лоббизм как рычаг воздействия общества на принятие конкретных решений, может придавать дополнительную значимость результатам управленческой деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления в конкретных социально-политических условиях. Лоббирование часто подталкивает органы управления к разрешению проблем, имеющих не только узкогрупповое значение, но и актуальных для большинства населения.

С учетом изложенного, перед законодательными органами власти большинства государств стоит острая проблема разработки эффективных правовых положений, касающихся лоббистской деятельности.

Лоббизм должен иметь четко определенные границы воздействия на осуществление функций органов государственной власти и местного самоуправления, так как отсутствие таких границ может приводить к усилению негативных социально-политических аспектов управления делами обществом со стороны государства.

Исходя из этого, можно выделить несколько аспектов, указывающих на направленность конкретных правовых подходов для регулирования законодательством лоббистской деятельности в условиях развития

рыночных механизмов. При правовом регулировании следует определить границы, устанавливаемые нормативно-правовыми актами, для создания эффективного механизма воздействия на процессы принятия управленческих решений.

Учитывая, что лоббистская деятельность часто носит спонтанный, неорганизованный характер, при выработке положений правового порядка, направленных на формирование ясно обозначенных подходов со стороны государства к столь разноплановому институту, следует четко установить основания, приводящие к возникновению явления лоббизма. Данная позиция будет способствовать оценке заранее прогнозируемым ситуациям, ведущим к проявлениям лоббистской деятельности.

Кроме того, при разработке правовых механизмов регулирования лоббизма необходимо найти оптимальные методы учета групповых интересов с основными направлениями государственной деятельности в сфере управления делами.

На наш взгляд, четкое закрепление в законодательстве всех основных характерных черт лоббизма позволит государству объективно ориентироваться в том, какие интересы общества должны быть в первую очередь удовлетворены при осуществлении управленческой деятельности, и какие групповые устремления существенно противоречат основным целям и задачам, решаемым государствами на современном сложном этапе его развития.

На основании изложенного следует отметить, что лоббизм как сложное социально-политическое явление объективно присутствует в повседневной жизнедеятельности общества. Его можно рассматривать как с позиций негативного отношения к данному явлению в управленческой деятельности государственных структур, так и с позиций позитивной оценки указанных процессов в рамках осуществления властных функций государственными органами. Безусловно, неурегулированность правовых аспектов лоббистской деятельности отрицательно отражается на многообразных социально-политических сторонах развития государства, и приводит к многочисленным проявлениям коррупционного характера, которые искажают основные направления формирования гражданского общества. Кроме того, несовершенство законодательства, касающееся процессов взаимодействия общества и государственных структур

управления, не позволяет в полной степени учитывать и удовлетворять насущные интересы конкретных социальных слоев и групп населения.

Правовое регулирование столь сложного явления как лоббизм позволяет формировать такой уровень политической культуры общества, который предопределяет использование позитивных аспектов лоббистской деятельности на государственное управление с целью достижения положительных социально-экономических результатов, удовлетворяющих разнообразные слои населения.

Правовые элементы политической культуры на современном этапе развития гармонично включают в себя процессы лоббирования как своеобразного рычага, используемого в сочетании разнонаправленных интересов представителей гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Куклин С.В.** Правовая культура и правовое мышление в современном обществе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право.2017.Т.17. № 4. С. 75–83. DOI:10.14529/law170415.
2. **Гуляихин В.Н.** Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // NB: Вопросы права и политики. 2013. №4. С.135–158. eISSN: 2305-9699
3. **Халбашкеев А.В.** «Политическая культура» как научная категория // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №6. С. 124-129 ISSN: 1994-0866.
4. **Куклин С.В.** Правовая культура и правовое мышление в современном обществе. DOI: 10.14529/law170415. https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-i-pravovoe-myshlenie-v-sovremennom-obschestve (дата обр.: 14.11.2018).
5. **Жданов С.П.**, **Кузнецова Н.В.** К вопросу о лоббизме и лоббистской деятельности // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 2. С. 273-276. ISSN: 1998-0817
6. **Сучкова А.А.** Лоббизм: основные подходы к пониманию // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 22-30. ISSN: 2071-6141.
7. **Ибодуллоев А.Р.** Особенность лоббизма в политической системе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №1-4(43). С. 97–99. DOI: 10.18454/IRJ.2016.43.073
8. **Агапов И.О.** Юридические особенности лоббирования в России // Право: история, теория, практика: сб. ст. IV Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, июль 2016 г.). – СПб: 2016. ISBN: 978-5-4386-0977-3– С. 1-4.

9. Магомедов Р.Ю. Лоббистская деятельность в законодательном процессе: негативный и позитивный аспекты // Право и современные государства. 2015. № 1. С. 49-52. DOI: http://dx.doi.org/10.14420/ru.2015.1.6

10. Мельков С.А., **Ножка С.М.**, **Чумаченко А.П.** Сравнительный анализ института лоббизма в России и США // Власть. 2018. Т. 26. № 5. С. 45–51. DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5820

11. Зяблюк Н.Г. Практика лоббистской деятельности в США. – М.: ИСКРАН, 1994.

12. Медведева Е.А., **Михайлу Е.М.** Законодательное регулирование лоббизма в США и особенности его развития в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. №7. С. 55–61. DOI: 10.24158/pep.2018.7.9

13. Крамченков С.И. Институционализация лоббизма в современной России (социологический анализ): автореф. дис. … канд. соц. наук. 22.00.04. – М., 2012.

14. Сиротенко С.П. Нормативно-правовое регулирование лоббизма: российский и зарубежный опыт: монография. – СПб, 2010. – 207 с. ISBN 5-86247-117-0

REFERENCES:

1. Kuklin S.V. *Pravovaia kul'tura i pravovoe myshlenie v sovremennom obshchestve*, Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriia: Pravo, 2017, Vol. 17, No 4, pp.75-83, DOI:10.14529/law170415.

2. Guliaikhin V.N. *Pravovaia kul'tura kak ob"ekt nauchnogo issledovaniia: metodologicheskie podkhody, struktura i kriterii otsenki*, NB: Voprosy prava i politiki, 2013, No 4, pp.135-158, eISSN: 2305-9699.

3. Khalbashkeev A.V. *"Politicheskaia kul'tura" kak nauchnaia kategoriia*, Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, No 6, pp. 124-129, ISSN: 1994-0866

4. Kuklin S.V. *Pravovaia kul'tura i pravovoe myshlenie v sovremennom obshchestve*, DOI: 10.14529/law170415, available at https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-i-pravovoe-myshlenie-v-sovremennom-obschestve (accessed 14 Nov. 2018).

5. Zhdanov S.P., Kuznetsova N.V. *K voprosu o lobbizme i lobbistskoi deiatel'nosti*, Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, No 2, pp. 273-276, ISSN: 1998-0817.

6. Suchkova A.A. *Lobbizm: osnovnye podkhody k ponimaniiu*, Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnye nauki, 2016, No 1, pp. 22-30, ISSN: 2071-6141.

7. Ibodulloev A.R. *Osobennost' lobbizma v politicheskoi sisteme*, Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 2016, No 1-4(43), pp. 97–99, DOI: 10.18454/IRJ.2016.43.073.

8. Agapov I.O. *Iuridicheskie osobennosti lobbirovaniia v Rossii*, Pravo: istoriia, teoriia, praktika: sb. st. IV Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, July 2016 g.), Saint-Petersburg, 2016, ISBN: 978-5-4386-0977-3, pp. 1-4.

9. Magomedov R.Iu. *Lobbistskaia deiatel'nost' v zakonodatel'nom protsesse: negativnyi i pozitivnyi aspekty*, Pravo i sovremennye gosudarstva, 2015, No 1, pp. 49-52, DOI: http://dx.doi.org/10.14420/ru.2015.1.6.

10. Mel'kov S.A., Nozhka S.M., Chumachenko A.P. *Sravnitel'nyi analiz instituta lobbizma v Rossii i SShA*, Vlast', 2018, Vol. 26, No 5, pp. 45-51, DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5820.
11. Ziabliuk N.G. *Praktika lobbistskoi deiatel'nosti v SShA*, Moscow, ISKRAN, 1994
12. Medvedeva E.A., Mikhailu E.M. *Zakonodatel'noe regulirovanie lobbizma v SShA i osobennosti ego razvitiia v Rossii*, Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo, 2018, No 7, pp. 55–61, DOI: 10.24158/pep.2018.7.9.
13. Kramchenkov S.I. *Institutsionalizatsiia lobbizma v sovremennoi Rossii (sotsiologicheskii analiz): avtoref. dis. … kand. sots. nauk*, 22.00.04, Moscow, 2012.
14. Sirotenko S.P. *Normativno-pravovoe regulirovanie lobbizma: rossiiskii i zarubezhnyi opyt: monografiia*, Saint-Petersburg, 2010, 207 p., ISBN 5-86247-117-0.

DEMIDOV Vladimir P. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: elena.demidova@mail.ru.

MOKHOROVA Anna U. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: mohorova_ayu@spbstu.ru.

LOBBYISM AS THE ELEMENT OF THE MODERN STATES POLITICAL CULTURE

The article discusses some aspects of lobbying in modern states and its impact on various aspects of political life and culture. The main problems of lobbyism as a form of interaction between civil society and management structures are highlighted. Reflects the most important characteristics of lobbying as a complex socio-political phenomenon. Analyzed the possible directions of formation of the mechanism of legal regulation of lobbyism as a phenomenon, objectively inherent in the political activities of states.

LOBBYISM; LOBBYING; INTERACTION; POLITICAL INSTITUTION; INTEREST GROUP; POLITICAL CULTURE

УДК 323.2+ 314.5
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.17

И. И. Колесник, Т. О. Чупрова

ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ ГОСУДАРСТВОМ ЧАСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СПЕКТРА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

КОЛЕСНИК Ирина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: kolesnik_ii@spbstu.ru.

ЧУПРОВА Татьяна Олеговна – выпускница кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: t.chuprova.new@gmail.com.

В данной статье внимание уделено проблеме соотношения частного и общественного спектра жизни человека и его контроля государством на примере вопроса о разных формах сексуальности. На примере Германии последнего столетия показано изменение отношения государства к формам сексуальности.

ВЛАСТЬ; ГОСУДАРСТВО; СЕКСУАЛЬНОСТЬ; ГЕРМАНИЯ

Введение. Вопрос о контроле частной жизни государством не перестает быть актуальным в современном обществе. Одной из значимых сфер частной жизни человека является сексуальность. Долгое время

сексуальность была табуированной для обсуждения темой в науке и обществе. На сегодняшний день можно констатировать факт диаметрально противоположного отношения к формам сексуальности в разных культурах мира. В условиях глобализации происходит размывание национальных культур и ценностей, однако, сфера сексуальности остаётся под пристальным вниманием государства и законодательства. Можно утверждать, что по отношению к вопросу разных форм сексуальности государства сохраняют свою собственную политику, исключающую «диалог культур» и свободное «перетекание ценностей».

Цель работы. Исследовать проблему соотношения частного и общественного спектра жизни человека и его контроля государством на примере вопроса о разных формах сексуальности.

Задачи:

1. Обозначить проблему отношения к разным формам сексуальности как индикатор контроля государством частной жизни человека.
2. Продемонстрировать на примере Германии последнего столетия изменение отношения государства к формам сексуальности.
3. Показать диаметрально противоположное отношение ряда государств к вопросу нетрадиционной сексуальной ориентации.

Если вспомнить известные романы-антиутопии, рисующие образ тоталитарного общества, то мы увидим, что одним из главных срезов человеческого существования, подвергаемых пристальному контролю, является именно сексуальность. В романе Оруэлла «1984» были запрещены любые формы личных отношений между мужчиной и женщиной, в том числе и романтические. В романе Замятина «Мы» сексуальные отношения разрешались исключительно для продолжения рода, люди получали талончики на личные встречи. Именно чувства людей представляют наиболее опасную для тоталитарной власти часть личности, куда более опасную, чем мысли, наименее поддающуюся контролю. Последней стадией воздействия на человека в романе «1984» была самая страшная комната – более страшная, чем все физические воздействия и воздействия на разум, комната, где чувства человека пытали его самыми глубокими страхами. Из этой комнаты должен был выйти бесполый человек, предавший самое главное – свою любовь.

Ещё Маркузе писал о том, что тоталитарное государство хочет полностью контролировать и подавлять не только публичный, но и частный спектр существования человека, чтобы таким образом порождать новую «нацию» удобных и легко управляемых одномерных людей.

Тема сексуальности становится предметом научных философских и культурологических исследований с середины XX века. После культурного шока в мировом сообществе, вызванного Первой и Второй мировыми войнами, в ряде стран возникают протестные движения. В частности, под влиянием философии Франкфуртской школы и Г. Маркузе в Западной Европе, США и Японии формируется движение «новых левых». Тема сексуальности становится одним из направлений протестных идеологий. Например, движение хиппи пропагандировало «свободную любовь» и свободные сексуальные отношения.

Известно, что Советская Россия 1920-х гг. стала одной из первых стран, где произошла «сексуальная революция», и было отменено уголовное наказание за однополые связи.

«Сексуальная революция», произошедшая в середине XX века на Западе, была направлена, прежде всего, на открытость информации, например, о методах контрацепции. Также обсуждалась проблема абортов, которые осуждались и запрещались до этого. Не менее остро стоял вопрос об однополых отношениях. Следует сказать, что нетрадиционная сексуальная ориентация совсем недавно перестала считаться заболеванием и психическим расстройством. В странах Запада это произошло в 1991 году, в России – в 1997.

Одним из самых авторитетных философов и теоретиков культуры, который был связан с «новыми левыми» и являлся значимым представителем протестного движения в Европе, становится Мишель Фуко. М. Фуко имел нетрадиционную сексуальную ориентацию, что радикальным образом повлияло на его личную и авторскую судьбу.

В философии Фуко прослеживается мысль о том, что право человека на жизнь, на тело, на счастье – это нечто обратное этой власти. Когда человек обретает власть над своим телом, он фактически отнимает власть у любого, кто захочет властвовать над ним, и отсюда, по словам З. Сокулер, проистекает стремление любых властных инстанций подчеркнуть

сексуальность человека, акцентировать внимание на его теле и инстинктах. Власть намеренно вызывает тревогу и внушает испуг в отношении собственного тела, создаёт искусственную несовместимость человеческой природы с моралью, царящей в обществе и его социальными требованиями. Мишель Фуко выступал против этого, открыто заявляя о своей свободе над собственной сексуальностью во времена, когда этого не делал почти никто.

Ярким примером трансформации отношения государства к вопросу о нетрадиционной сексуальной ориентации в разные исторические периоды является Германия. В первой половине XX века вместе с политикой культивирования арийской расы, массового уничтожения представителей иных рас и национальностей, евгеникой, Германией были предприняты попытки контроля сексуальной ориентации с помощью закона. Эти попытки имели долгую предысторию. Важно отметить, что в конце XIX в. Северогерманским союзом был принят уголовный кодекс, ставящий однополые связи за черту закона. Спустя год под действие этого закона попала вся территория Германской Империи после объединения нескольких государств в единое целое [1]. 1 января 1872 года начинается действие нового кодекса, включающего в себя «параграф 175» [2]. Этот параграф криминализировал однополые отношения (и действовал на территории Германии до 1968 года). Научное сообщество в то время признавало гомосексуальность болезнью и отклонением. После прихода к власти НСДАП в 1933 году преследование людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией усилилось: организации, существовавшие во многих крупных городах, распускались, а уличённых в «противоестественном блуде» мужчин интернировали в концентрационные лагеря. Гомосексуалы не вписывались в концепцию арийской расы, поскольку, по мнению нацистов, такие мужчины были женоподобны, а потому не способны бороться за немецкий народ. Помимо угрозы нравственности, они наносили вред демографии Третьего Рейха, потенциально уменьшая прирост рождаемости, а, следовательно, несли угрозу всей арийской расе в долгосрочной перспективе [3]. В связи с настроениями в обществе, с приходом к власти НСДАП «параграф 175» был значительно ужесточён. Одним из первых пострадавших от нового

режима стал руководитель штурмовых отрядов («Sturmabteilung», сокращённо СА) и один из лидеров НСДАП Эрнст Рём [4]. После прихода Гитлера к власти уже существующие между ним и Рёмом разногласия усугубились. Последовавшие за этим события «ночи длинных ножей», в которую была учинена расправа над штурмовиками под командованием Эрнста Рёма, были формальной причиной для ужесточения «параграфа 175». 28 июня 1935 года его новая редакция была принята и вступила в силу с сентября того же года. Формулировка параграфа претерпела значительные изменения и была расширена: теперь под его действие попадали любые сексуальные контакты между мужчинами, что способствовало впоследствии увеличению количества обвинительных приговоров. Закон затрагивал исключительно мужчин, женщины не представляли, по мнению нацистов, угрозы расистской политике и не преследовались по закону. Всего в Третьем Рейхе по § 175 было осуждено около пятидесяти тысяч мужчин [5].

10 октября 1936 года Генрих Гиммлер своим указом основал Имперское центральное бюро по борьбе с гомосексуализмом и абортами [6]. Существовали так называемые «защитные аресты». Без законных оснований гомосексуалов арестовывали и содержали в лагерях днями, неделями и даже месяцами до официального рассмотрения дела [7]. До настоящего момента точно неизвестно, какое количество мужчин было депортировано в концлагеря во времена Третьего Рейха, но жертвы исчисляются тысячами. Указом Гитлера от 15 ноября 1941 года «О сохранении чистоты в СС и полиции» было усилено наказание для членов вышеназванных организаций. Отныне наказанием за нарушение §175 была смертная казнь, в редких случаях – тюремное заключение от 6 месяцев.

24 февраля 1933 года был издан указ, согласно которому была запрещена самая разнообразная литература: от порнографической до научно-сексологической. Полностью были запрещены все научные работы Магнуса Хиршфельда, любые работы затрагивающие темы гомосексуальности, абортов, эротики. Всё это было отнесено к «грязной литературе» и запрещено на всей территории Германии [8]. 6 мая 1933 года в Берлине был разрушен Институт сексуальных наук, основанный Хиршфельдом, вся библиотека института была изъята и сожжена во время

массового сожжения книг спустя четыре дня. В память об этом с 1947 года в Германии отмечают «День книги», а с 1995 года на площади Бебельплац в Берлине находится памятник «Утонувшая библиотека». На информирующей надписи рядом с памятником значится: «На этой площади 10 мая 1933 г. студенты-нацисты жгли книги» [9].

Борьба против людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией в Третьем Рейхе начиналась как борьба за нравственность, но ужесточалась вплоть до падения нацистского режима. Преступления против человечества начинались с отдельно взятого человека, с небольшой группы людей. Равносторонний розовый треугольник, обращённый вершиной вниз – один из узнаваемых обозначений сексуальных меньшинств. Подобная нашивка была обозначением немецких гомосексуалов в концентрационных лагерях в нацистской Германии с зимы 1937-1938 гг. В некоторых лагерях гомосексуалов обязывали носить жёлтую ленту с пометкой «А» «175» – по номеру параграфа, по которому заключённый был осуждён [10].

30 июня 2017 года немецким парламентом был принят закон, согласно которому на территории Германии люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией могут заключать полноценный брак [11]. До этого с 1 августа 2001 года на территории Германии действовал закон, позволяющий однополым парам заключать гражданские партнёрства. К 2017 году он подвергся массе изменений, и гражданские партнёрства были практически уравнены в правах с традиционным браком. Впоследствии гражданские партнёрства будут упразднены, но уже заключённые сохранят свою юридическую силу.

Однополые браки впервые были разрешены в 2001 году в Нидерландах [12]. 26 июня 2015 года однополые браки были легализированы по всей территории США [13]. В ряде развитых стран, в том числе в Германии, легализированы так называемые гражданские союзы.

В то же время в 73 странах мира (в основном, страны Азии и Африки) гомосексуальные контакты нелегальны, а в пяти из них (например, Иран, Саудовская Аравия) даже караются смертной казнью [14].

Современное российское государство отстаивает традиционные ценности. 30 июня 2013 года на территории Российской Федерации

вступил в силу закон «О защите детей от информации», согласно которому установлена ответственность за «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» [15]. Но никаких законодательных преследований людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией нет.

Выводы. Итак, отношение к формам сексуальности человека в различных странах мира достигает диаметрально противоположных форм – от смертной казни и уголовных преследований до легализации однополых браков с возможностью усыновлять детей.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что вопрос о соотношении частного и общественного спектра жизни человека в сфере сексуальности является сложным; разграничить здесь «личную» и «общественную» жизнь можно только в том случае, когда государство не преследует отдельно взятого человека за то, что он имеет отличные от традиционных форм сексуальной ориентации. Но даже в этом случае над людьми с нетрадиционной сексуальной ориентацией, претендующими на свободные формы проявления своей природы (создание семей, включённость в общественную жизнь), осуществляется контроль государства, в том числе, и на законодательном уровне. Можно сказать, что в западной культуре человек экспериментирует с границами частной и общественной жизни в сфере сексуальности, и государство не препятствует этим опытам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Herrn, R. Anders bewegt: 100 Jahre Schwulenbewegung in Deutschland / R. Herrn – Hamburg: MännerschwarmSkript-Verlag, 1999. – 11, 13 pp.

2. § 175 StGB: Rehabilitierung der nach 1945 verurteilten homosexuellen Männer [Текст] / Berlin: Senatsverwaltung für Arbeit, Integration und Frauen, 2012. — 59 s.

3. Преследование гомосексуалистов в третьем рейхе / URL: https://www.ushmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10005261 (дата обр.: 06.07.2017).

4. Mengel, H.J. Strafrechtliche Verfolgung homosexueller Handlungen in Deutschland nach 1945 / H.J. Mengel – Berlin: Senatsverwaltung für Arbeit, Integration und Frauen, 2012. — 23 pp.

5. Jellonnek, B. Nationalsozialistischer Terror gegen Homosexuelle: verdrängt und ungesühnt / B. Jellonnek, R. Lautmann – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2002. – 72 pp.

6. Jellonnek, B. Nationalsozialistischer Terror gegen Homosexuelle: verdrängt und ungesühnt / B. Jellonnek, R. Lautmann – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2002. – 90 pp.
7. Pretzel, A. NS-Opfer unter Vorbehalt: homosexuelle Männer in Berlin nach 1945 / A. Pretzel – Münster: LIT, 2002. – 36 pp.
8. Zinn, A. Das Glück kam immer zu mir: Rudolf Brazda – Das Überleben eines Homosexuellen im Dritten Reich / A. Zinn – Main: Campus Verlag GmbH, 2011. – 45 pp.
9. Гимельфарб, Ф. «Утонувшая библиотека» на Бебельплац // Европа-Экспресс: газета. –12 Мая 2008. – Вып. № 20 (532).
10. Jellonnek, B. Nationalsozialistischer Terror gegen Homosexuelle: verdrängt und ungesühnt / B. Jellonnek, R. Lautmann – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2002. – 286 pp.
11. German parliament votes to legalise same-sex marriage [Электронный ресурс] / The Guardian – Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2017/jun/30/germany-poised-legalise-same-sex-marriage-bill-law (дата обращения 15.07.2017).
12. В Нидерландах полностью уравнены однополые и гетеросексуальные браки / URL: http://archive.is/YS8Al (дата обращения 16.07.2017).
13. Однополые браки легализовали на всей территории США URL: https://lenta.ru/news/2015/06/26/nuvotivse/(дата обращения 26.07.2017).
14. State-Sponsored homophobia – С. 11 / URL: http://ilga.org/downloads/02_ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2016_ENG_WEB_150516.pdf (дата обращения 30.07.2017).
15. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 436- ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

REFERENCES:

1. Herrn R. *Anders bewegt: 100 Jahre Schwulenbewegung in Deutschland*, R. Herrn, Hamburg: MännerschwarmSkript-Verlag, 1999, 11, 13 pp.
2. *§ 175 StGB: Rehabilitierung der nach 1945 verurteilten homosexuellen Männer [Tekst]*, Berlin: Senatsverwaltung für Arbeit, Integration und Frauen, 2012, 59 p.
3. *Presledovanie gomoseksualistov v tret'em reikhe*, available at https: //www.ushmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10005261 (accessed 06 July 2017)
4. Mengel H.J. *Strafrechtliche Verfolgung homosexueller Handlungen in Deutschland nach 1945*, H.J. Mengel, Berlin: Senatsverwaltung für Arbeit, Integration und Frauen, 2012, 23 pp.
5. Jellonnek B. *Nationalsozialistischer Terror gegen Homosexuelle: verdrängt und ungesühnt* / B. Jellonnek, R. Lautmann, Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2002, 72 pp.
6. Jellonnek B. *Nationalsozialistischer Terror gegen Homosexuelle: verdrängt und ungesühnt*, B. Jellonnek, R. Lautmann, Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2002, 90 pp.

7. Pretzel A. *NS-Opfer unter Vorbehalt: homosexuelle Männer in Berlin nach 1945*, A. Pretzel, Münster: LIT, 2002, 36 pp.
8. Zinn A. *Das Glück kam immer zu mir: Rudolf Brazda – Das Überleben eines Homosexuellen im Dritten Reich*, A. Zinn, Main: Campus Verlag GmbH, 2011, 45 pp.
9. Gimel'farb F. "*Utonuvshaia biblioteka" na Bebel'plats*, Evropa-Ekspress: gazeta, 12 May 2008, Vol. No 20 (532).
10. Jellonnek B. *Nationalsozialistischer Terror gegen Homosexuelle: verdrängt und ungesühnt*, B. Jellonnek, R. Lautmann, Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2002, 286 pp.
11. *German parliament votes to legalize same-sex marriage*, The Guardian, available at https://www.theguardian.com/world/2017/jun/30/germany-poised-legalise-same-sex-marriage-bill-law (accessed 15 July 2017).
12. *V Niderlandakh polnost'iu uravneny odnopolye i geteroseksual'nye braki*, available at http://archive.is/YS8Al (accessed 16 June 2017).
13. *Odnopolye braki legalizovali na vsei territorii SShA*, available at https: //lenta.ru/news/2015/06/26/nuvotivse/ (accessed 26 July 2017).
14. *State-Sponsored homophobia – S. 11*, available at http: //ilga.org/downloads/02_ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2016_ENG_WEB_150516.pdf (accessed 30 July 2017).
15. *Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 29 dekabria 2010 g. N 436- FZ "O zashchite detei ot informatsii, prichiniaiushchei vred ikh zdorov'iu i razvitiiu"*.

KOLESNIK Irina I. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: kolesnik_ii@spbstu.ru.

CHUPROVA Tatjana O. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: t.chuprova.new@gmail.com.

THE PROBLEM OF THE HUMAN LIFE PRIVATE AND PUBLIC SPECTRUM STATE CONTROL IN THE REALM OF SEXUALITY

This article discusses the relationship between the private and the public spectrum of human life and its control provided by the state.Different forms of sexuality are taken as the example to prove the discussion. The change in the attitude of the state to the forms of sexuality based on the example of Germany of the last century is shown.

POWER; STATE; SEXUALITY; GERMANY

УДК 930.85
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.18

В. И. Мусаев

ДВИЖЕНИЕ НА АЛФАВИТНУЮ ЛАТИНИЗАЦИЮ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук.
Петрозаводская ул., 7, Санкт-Петербург,197110, Россия.
E-mail: musaev_vi@spbstu.ru.

В статье речь идет о распространении письменности, основанной на латинской графике, в разных частях света в первой половине XX в. Под влиянием западной культуры идея латинизации алфавитов, основанных на других системах письменности, с конца XIX в. приобретала популярность среди интеллектуалов в разных странах мира. До реальных алфавитных реформ, однако, дело дошло далеко не везде: латинизация была осуществлена в Албании, ряде стран Юго-Восточной Азии, в ряде союзных и автономным республик СССР (где позднее алфавиты были переведены на кириллическую графическую основу) и, не без влияния советского опыта, в Турции. В других странах, включая Японию, Китай, Индию, Иран, страны Ближнего Востока, идея латинизации не получила практического воплощения.

ПИСЬМЕННОСТЬ; ЛАТИНСКИЙ АЛФАВИТ; МОДЕРНИЗАЦИЯ; ЯЗЫКОВЫЕ РЕФОРМЫ

В XIX – начале XX в. в разных странах мира начала приобретать популярность идея перевода национальной письменности на латинскую графическую основу. В первую очередь это было связано с распространением европейского культурного влияния. Благодаря знакомству с ним, среди интеллектуальных кругов ряда азиатских и африканских стран начало распространяться убеждение в преимуществе латинского алфавита над другими видами письма, основанными на

арабской графике, иероглифической и других системах письменности. В качестве аргументов выдвигалась простота латинских букв, быстрота их усвоения, в отличие от ряда других систем письма, широкая распространенность латинского алфавита, легкость приспособления латинских букв, посредством использования диакритических знаков, к фонетическому строю того или иного языка, удобство латинского шрифта в типографском деле. Алфавитная латинизация рассматривалась, таким образом, как один из элементов общего процесса общественной модернизации.

Применительно письменности мусульманских народов, основанной на арабской графике, идея латинизации возникла во второй половине XIX в. Впервые её высказал в 1860-е гг. классик азербайджанской литературы Мирза Фатх-Али Ахунд-заде. Он составил проект реформирования алфавита, который должен был на первых порах объединить письменность всех пользовавшихся арабским алфавитом народов с тем, чтобы впоследствии перейти на латинский шрифт. В 1863 г. во время поездки в Стамбул Ахунд-заде предложил свой проект вниманию великого визиря Фуада Паши и ученой корпорации османских богословов. Он был выслушан с интересом, практической поддержки его предложение тогда, однако, не получило. Главным препятствием на пути проведения реформы алфавита служило отрицательное отношение к ней главных носителей консервативного начала – ученых богословов, усматривавших подрыв религиозного чувства в попытках нарушить неприкосновенность шрифта священного для всех мусульман Корана [1, с. 32–35].

До конца XIX в. в разных странах предпринимались и другие попытки в направлении латинизации арабского шрифта. Одна из них связана с именем персидского литератора и общественного деятеля армянского происхождения Мирзы Мелькем-хана Назимиддевле. Он получил среднее и высшее образование в Париже, затем, работая в системе Министерства иностранных дел, не раз посещал разные города Европы и Америки, что, по всей видимости, и обусловило его тяготение к западной культуре. Идею введения латинского алфавита Мелькем-хан отстаивал в своих работах «Шейх и визирь» и «Основы прогресса». В Персии, однако,

его реформистские предложения не были поддержаны, а из Турции последовали резкие многочисленные возражения. Вопросами алфавита занимался также персидский сановник Мирза Риза-хан, занимавший некоторое время пост генерального консула в Тифлисе. Проникшись влиянием идей Ахунд-заде и Мелькем-хана, он инициировал выпуск букваря для персидских детей «Рисалеи-рушдие», написанного латинским шрифтом. Распространения этот букварь, однако, не получил. Пропагандой латинизации алфавита занимался на рубеже веков редактор бакинской газеты «Шарк Рус» («Русский Восток») Мехмед-Ага Шах-Тахтинский. Последний сначала выступал за реформирование алфавита на основе арабского шрифта, затем стал сторонником латинизации [2, с. 11–18; 3, с. 85].

Вопрос об алфавитной реформе ставился и в Турции. В конце 1870-х гг. бывший командующий Кавказской армией во время войны с Россией Гази-Мухтар-паша организовал в Стамбуле первое «Общество по реформе алфавита», однако дело скоро заглохло. Следующая попытка была предпринята после младотурецкого переворота 1908 г.: по предложению тогдашнего министра просвещения Валиль-бея, вопрос был передан на рассмотрение специальной парламентской комиссии. Работа комиссии, продлившись почти год, ни к чему не привела [4, с. 23–28].

В Японии движение за новый алфавит возникло в 1873 г. Через несколько лет, в 1886 г., было основано специальное общество содействия латинизации японского алфавита. Движение быстро развилось, но вскоре совершенно заглохло, чтобы возродиться опять через несколько лет. Далее периоды подъема и упадка сменяли друг друга. Последний подъем имел место в 1927 г., он начался выступлением ряда влиятельных японских ученых, объявивших, что «дело латинизации японского алфавита – дело самого ближайшего будущего». Однако подъем этот оказался последним, больше серьезных попыток отказаться от иероглифической письменности, заимствованной в древности из Китая, в Японии не предпринималось [5, с. 169–170].

В Индии, где насчитывалось 169 языков и использовалось 20 шрифтов, идея введения единого латинского алфавита с начала XX в.

приобретала всё больше сторонников. Ещё до мировой войны делались попытки издания газет с параллельными текстами и на латинском алфавите. В 1913 г. в Лахоре издавалась газета «Пайза Акбар» (на нескольких языках одновременно), где целые колонки уделялись и латинскому шрифту. В издававшемся в Советском Союзе журнале «Культура и письменность Востока» отмечалось: «Большинство индийских алфавитов – слоговые, и та легкость, с которой индусы переходят от одного алфавита к другому – дает возможность предполагать о сравнительной легкости перехода на латинский алфавит. Старых алфавитов держится только крупная буржуазия, которой невыгодны последствия введения однообразного латинского алфавита – объединение племен, окончательное уничтожение классовых привилегий. Больше всего, конечно, боятся объединения англичане, сильно противящиеся этому движению» [5, с. 170].

Движение за латинизацию не обошло и Китай, где оно возникло также во второй половине XIX в. Наряду с этим, появилось движение и за особый фонетический алфавит «чжоу-инь». Авторы упомянутого журнала «Культура и письменность Востока» в конце 1920-х гг. писали: «Китайская революция создала условия, при которых существование старой иероглифической письменности… невозможно. Замена новым алфавитом старой, отжившей, несовершенной системы письменности – одна из важнейших проблем китайской революции» [5, с. 171]. Как известно, в Китае всё же также в итоге не стали отказываться от традиционной иероглифики.

В нескольких странах в разных частях света переход на алфавиты, основанные на латинской графике, в первой четверти XX в. реально был совершен. В Албании в течение длительного времени не существовало унифицированного алфавита, использование того или иного шрифта – арабского, латинского или греческого – зависело в первую очередь от религиозной принадлежности пользователей. В ноябре 1908 г. Албанский конгресс в г. Битола (современная Македония) одобрил общеалбанский латинизированный алфавит. Журнал «Культура и письменность Востока» в качестве следствия этой меры отмечал рост грамотности и культурного

уровня в этой стране, издание большого числа печатной продукции [5, с. 171].

В 1900-е – 1910-е гг. латинский алфавит также был принят к использованию в совершенно другой части света: в Юго-Восточной Азии, для ряда языков индонезийской группы – малайского, тагальского на Филиппинах и на острове Ява. По замечанию того же журнала, это также способствовало в тех краях росту грамотности и общего культурного уровня населения, а малайский язык даже стал конкурировать с европейскими и завоевал себе положение международного языка в регионе [5, с. 171–172]. В меньшей степени движение за латинизацию охватило ряд стран Северной Африки и Ближнего Востока – Абиссинию (Эфиопию), Египет, Палестину (арабскую часть), Сирию, Ирак, но больших успехов оно там не достигло. Одной из основных причин этого в ряде случаев, особенно в Египте, было сопротивление консервативного мусульманского духовенства [5, с. 169].

В Советской России / СССР движение за латинизацию национальных алфавитов было важной составной частью этнополитики на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. После прихода к власти лидеры большевистской партии предприняли ряд радикальных преобразований в самых разных областях общественной жизни. Помимо прочего, это коснулось и сферы письменности. В 1918 г. была осуществлена известная реформа русской орфографии (декрет ВЦИК «О введении новой орфографии» появился 10 октября 1918 г.). Эта реформа явилась первым шагом в ряду орфографических преобразований. Ставилась задача провести преобразования алфавитов литературных языков других народов страны, равно как и создать новые алфавиты для языков, не имевших собственной письменности. Как известно, в имперское время алфавиты ряда литературных языков народов России были сформированы на основе кириллической графики. В языках же тюркоязычных, ираноязычных и кавказских народов, традиционно исповедовавших ислам, использовался арабский шрифт, адаптированный к фонетическому строю соответствующих языков.

Уже в 1919 г. Наркомпрос поставил вопрос о переводе письменных языков народов бывшей Российской империи с кириллического и арабского шрифтов на латинский. Высказывалось мнение, что западный латинский алфавит станет логическим дополнением к введению метрической системы мер и григорианского календаря [6, p. 104]. На территории бывшей Российской империи первый национальный алфавит на основе латинской графики был составлен для якутов. Уже в 1917 г. якутский деятель просвещения С.А. Новгородов подготовил такой алфавит, основанный на фонетическом принципе. Якутскому примеру ещё до и вскоре после окончания гражданской войны начали следовать в ряде областей Северного Кавказа. В Ингушетии работа по переходу на латинскую графику началась в 1920–1921 гг. По тому же пути пошли в Осетии и Кабарде, где с 1923 г. началось печатание книг и газет латинским шрифтом, хотя использовалась ещё и прежняя графика. Активное участие в процессе принимал известный специалист по кавказским языкам Н.Ф. Яковлев. Латинская основа письменности для горских народов была утверждена постановлением Совещания вопросам просвещения горцев в Пятигорске в июле 1923 г. Предполагалось составить новые алфавиты на основе латинского шрифта также для Чечни и Адыгеи [6, p. 123].

В Азербайджане группа работников просвещения поставила вопрос о латинизации графики ещё в 1918 г. В течение недолгого периода существования независимой Азербайджанской республики алфавитная проблема также стояла на повестке дня, но до практического решения вопроса дело всё же не дошло. После установления в Азербайджане советской власти в апреле 1920 г. обсуждение вопросов письменности активизировалось. В частности, серия статей под названием «Влияние алфавита на искажение языка» была опубликована в газете «Тюркский коммунист». На протяжении декабря 1921 г. продолжались оживленные дискуссиях между «арабистами» и «латинистами». Первые аргументировали свою позицию тем, что, во-первых, с переходом на новую графику вся имеющаяся литература «будет похоронена», во-вторых, грамотных людей и так мало, а теперь и они станут неграмотными и, в-третьих, переход на новую систему письма сопряжен с большими расходами. В качестве

контраргументов высказывалось следующее: книг на арабской графике действительно много, однако это в основном книги на арабском языке и фарси, большей частью религиозного характера, светских изданий в обращении почти нет; число грамотных у тюркских народов ничтожно; ликвидация неграмотности на новом алфавите пройдет значительно быстрее и, в конечном счете, обойдется намного дешевле [4, с. 58–60].

В партийной среде и среди ученых-специалистов проект латинизации вызвал неоднозначную реакцию. В.И. Ленин, поддерживая идею в принципе, считал её не вполне своевременной. По утверждению А.В. Луначарского, в беседе с ним председатель Совнаркома якобы высказывался в том духе, что придёт время для латинизации русской письменности, однако действовать поспешно было бы неразумно. Казахский общественный деятель и ученый-лингвист А. Байтурсунов, считавший кириллический и латинский шрифт неподходящими для тюркского менталитета, предложил проект реформирования алфавита для казахов на основе арабской графики. В Казани видные тюркологи Г. Ибрагимов и Г. Шараф, также выступавшие против латинизации тюркской письменности, предложили свою версию новоарабского алфавита. Схожие проекты алфавитного реформирования местные лингвисты предлагали для других тюркских языков Центральной Азии и Северного Кавказа, а также для дагестанских и адыгских языков. Даже известный востоковед Е.Д. Поливанов, последовательный сторонник латинизации, положительно оценивал деятельность неоарабистов, особо высоко оценивая проект А. Байтурсунова [6, p. 122].

В 1923 г. в рамках Наркомпроса была сформирована Комиссия по реформированию арабской письменности. Среди членов комиссии не было единства мнений относительно плана действий. Одни выступали за упрощенный алфавит на основе арабского шрифта. Другие предлагали взять за основу кириллический шрифт, чтобы народы Востока смогли приобщиться к европейской культуре при помощи русского языка. Наконец, ещё одна часть членов комиссии поддерживала проект латинизации, ссылаясь на его успех в Азербайджане и на Северном Кавказе. Председатель Н.Ф. Тюрякулов высказывался за реформу

арабского алфавита в краткосрочном плане и введение латинского алфавита – в долгосрочном. Он считал, что правительству не следует игнорировать популярность различных новых арабских шрифтов и вводить латинский алфавит в приказном порядке. Комиссия в итоге не пришла к какому-либо однозначному решению. ЦК РКП(б) продолжал поддерживать латинизацию в Азербайджане и на Северном Кавказе, однако воздерживался от проведения всеобщей латинизации в других республиках и областях. Главными адептами проекта латинизации были тюркские коммунисты: председатель ЦИК Азербайджанской ССР С. Агамалы-оглы, карачаевец У. Алиев, крымско-татарский ученый-лингвист Б. Чобан-заде и дагестанский партийно-государственный деятель Дж. Коркмасов, кумык по происхождению, которые продвигали новый тюркский алфавит как своеобразную версию пантюркизма. Они расценивали латинизацию как «важный этап в создании новой тюрко-татарской культуры». Азербайджанцы отправляли учителей и активистов на Северный Кавказ и в Центральную Азию для организации обществ друзей нового алфавита, снабжая их средствами и печатными материалами [6, p. 125].

В начале 1924 г. Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения (ВНАВ) был поставлен вопрос о созыве всесоюзного тюркологического съезда. В апреле того же года при Ассоциации была создана комиссия для подготовки съезда. В вышедшем несколько позже сборнике «В борьбе за новый тюркский алфавит» указывалось: «Вопрос о неудовлетворительности состояния и несовершенства алфавитов, письменности, терминологии, орфографии, метода преподавания и других основных элементов культуры тюрко-татарских языков не мог не стать в порядок дня во всех советских республиках и областях с тюрко-татарским населением с момента окончания гражданской войны и разгрома контрреволюции, когда настала эпоха мирного строительства, и задача просвещения широких народных масс с помощью их родного языка приобрела первостепенное значение». С. Агамалы-оглы в статье «К предстоящему тюркологическому съезду в Азербайджане» указывал: «В Татреспублике, в Узбекистане, Туркменистане и др. арабский алфавит “реформировали” так, что от

старого отошли, а до нового не дошли, в смысле искоренения огромных дефектов этого алфавита, напр., математические исчисления ведутся слева направо, а текст справа налево и т. д.» [7, с. 14].

17 июня 1925 г. ВНАВ обратилась в Президиум ЦИК СССР со следующим ходатайством: «В виду неоднократных обращений партийных, советских и научных учреждений с предложением созвать всесоюзный тюркологический съезд, Научная Ассоциация Востоковедения СССР просит разрешить таковой в г. Баку с широким представительством от тюркских народов нашего Союза». Вопрос Президиумом ВЦИК был передан в Совнарком, который в августе 1925 г. дал согласие на созыв тюркологического съезда в Баку в декабре того же года [7, с. 3–4]. Фактически он был созван позже, чем это изначально предполагалось – в феврале 1926 г. Возможно, эта задержка была связана с тем, что центральные партийно-правительственные органы по-прежнему проявляли осторожность в вопросе латинизации. 18 февраля 1926 г. Политбюро приняло резолюцию в связи с грядущим съездом, в которой указывалось, что съезд не должен принимать категорического решения о немедленном переходе на новый алфавит и формировать какой-либо постоянно действующий орган [8, с. 187].

Первый Всесоюзный тюркологический съезд в Баку открылся 26 февраля 1926 г., и продолжался до 6 марта. В съезде участвовал 131 делегат, причем присутствовали представители отнюдь не только от тюркских народов. Съезд сыграл важную роль в деле реализации проекта алфавитной латинизации. После длительного обсуждения основных вопросов съезд значительным большинством голосов (101 «за» при семи «против» и девяти воздержавшихся) принял следующую резолюцию: «1. Констатируя преимущество и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита сравнительно с арабским, Съезд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа. 2. В связи с этим съезд констатирует факт огромного

положительного значения, заключающийся во введении Азербайджаном, областями и республиками СССР (Якутией, Киргизстаном, Ингушетией, Карачаево-Черкесией, Кабардинской, Балкарской, Осетией и Чечней) и широком движении за введение нового алфавита на латинской основе в Башкирии, Туркестане, Узбекистане и Адыгейско-Черкесской области. Отмечая и горячо приветствуя положительную работу, проделанную означенными областями и республиками в области введения нового тюркского (латинского) алфавита, съезд рекомендует всем тюрко-татарским и другим народам изучить опыт и метод Азербайджана и других областей и республик СССР для возможного проведения у себя этой реформы» [9, с. 220–221, 321].

Было принято решение создать единый руководящий центр для урегулирования вопросов по введению нового алфавита во всесоюзном масштабе. Эта задача возлагалась на Азербайджанский комитет нового алфавита во главе с С. Агамалы-оглы. Во время очередной сессии ЦИК СССР Агамалы-оглы, пользуясь пребыванием в Москве представителей почти всех тюркских республик, 13 февраля 1927 г. созвал совещание, на котором было решено учредить Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА). Он же был единодушно избран его председателем. Состав комитета был определен в 39 человек с представительством (от одного до четырех человек) от трех союзных республик (Азербайджанский, Узбекской и Туркменской), тюркского населения Грузинской и Армянской ССР, восьми автономных республик, одной автономной области (Каракалпакской), Северо-Кавказского края, а также десяти представителей союзных организаций. С 3 по 6 июня того же года в Баку был проведен первый пленум ВЦК НТА. Пленум уделил особое внимание унификации алфавита [10, с. 13 –15].

Правительственные органы на этот раз решились на то, чтобы оказать движению за латинизацию более определенную поддержку. 28 февраля 1927 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) подтвердило полномочия ВЦК, а в мае того же года было принято решение выделить комитету финансирование в размере 900 000 рублей. При этом формально ВЦК НТА находился не «при», а «в ведении» ЦИК. По мнению американского

исследователя Т. Мартина, власть таким способом старалась подстраховаться, чтобы возможное недовольство мусульманских масс было направлено не против правительственных органов, а против квази-самостоятельной структуры (так же, как это было в ситуации с «Союзом воинствующих безбожников») [8, p. 188–189]. 1 июня 1927 г. был созван первый пленум ВЦК НТА, на котором был утвержден проект унифицированного алфавита. Было решено при составлении алфавита отказаться от диграфов (т. е. передачи одного звука посредством сочетания двух букв) и диакритических знаков, стоящих отдельно от буквы [11, с. 71].

Следствием проведения тюркологического съезда и учреждения ВЦК НТА стало ускорение проведения в жизнь проектов алфавитных реформ. В Башкирской автономной республике, в тюркских союзных и автономных республиках Центральной Азии на протяжении второй половины 1920-х гг. были сформированы комитеты нового алфавита, латинизированные алфавиты были разработаны и утверждены руководящими органами республик, школьное обучение и типографское дело шаг за шагом переводилось на новые алфавиты. В ряде случаев возникали трудности, вызванные сопротивлением «неоарабистов». В частности, в Казахстане А. Байтурсунов продолжал пользоваться авторитетом среди части общественников (деятельность его приверженцев сторонники латинизации заклеймили «байтурсуновщиной»). В Узбекистане приходилось преодолевать сопротивление мусульманского духовенства. Узбекский комитет НТА приводил в качестве одного из примеров такого сопротивления попытки духовенства объяснить связь землетрясения в Намангане с переходом с арабского алфавита на латинский. Имелись и сложности материального и технического характера, на которые ссылались деятели республиканского комитета НТА при встрече с С. Агамалы-оглы во время его поездки по Центральной Азии. В Киргизии введению нового алфавита в делопроизводство в учреждениях препятствовало отсутствие соответствующих пишущих машинок. Так или иначе, алфавитные реформы в Центральной Азии продвигались и к концу десятилетия были в основном завершены [4, с. 90–121; 11, с. 83–108].

Наиболее серьезное сопротивление кампания по латинизации встретила в Волжско-Уральском регионе. С. Агамалы-оглы называл Татарию «цитаделью исламизма». По словам ещё одного деятеля ВЦК НТА, О. Алиева, арабисты будто бы утверждали, что «идея нового алфавита навязана большевиками с целью русифицировать тюркские народности» [12, с. 34–35]. Академический центр при Наркомпросе Татарской республики, в котором было сильно влияние Г. Ибрагимова и других «неоарабистов», негативно реагировал на решения бакинского Тюркологического съезда. Неоарабисты активно выступили против латинистов на съезде советов Татарской АССР в 1927 г. Латинисты объявили поведение своих оппонентов саботажем и продолжением «султангалиевщины»[1] средствами языковой реформы. Г. Ибрагимов, в тесном взаимодействии с Г. Шарафом и А. Байтурсуновым, даже разработал реформированный унифицированный алфавит на арабской основе для тюркоязычных народов Волжско-Уральского региона и Центральной Азии [6, p. 128]. Попытки общества «Яналиф» («Новый алфавит») поставить вопрос о латинизации в татарской печати встречали энергичное сопротивление. Неоарабисты созвали в Казани свой тюркологический съезд, который они, пользуясь присутствием нескольких представителей из других республик и областей, пытались превратить в всесоюзный. В конечном итоге партийное руководство республики склонилось к поддержке латинизации: областной комитет партии своим решением обязал содействовать латинизации и допустил введение нового алфавита в школах и техникумах. Однако и после этого сопротивление арабистов не прекратилось [13, с. 13–14].

Определенные сложности с введением нового алфавита для местных татар и караимов возникли в Крыму. Идея латинизации графики крымско-татарского языка впервые появилась ещё в 1905 г. Вопрос о переходе к новому алфавиту был поставлен на конференции, созванной Академическим советом Крымского Наркомпроса 20 октября 1924 г. Прежнее руководство Крымского ЦИК во главе с В. Ибрагимовым

[1] Мирсаид Султангалиев, известный деятель революционного движения в Татарстане и Башкирии, до 1923 г. – член коллегии Наркомата по делам национальностей, в дальнейшем неоднократно подвергался арестам по обвинению в «национал-уклонизме».

выступали против алфавитной реформы. Наряду с арабистами, против латинизации высказывались сторонники древнееврейского алфавита из числа караимов (которые, будучи тюркоязычными, традиционно исповедовали иудаизм). Фактически работа по введению нового алфавита началась с момента организации первых ячеек общества друзей НТА в Симферополе, возникших по инициативе части крымской делегации, участвовавшей во Всесоюзном тюркологическом съезде. Крымский комитет нового алфавита был учрежден постановлением Президиума Крымского ЦИК 27 июля 1927 г. [4, с. 96–97; 13, с. 15–16]. В 1929 г. в Симферополе проводилась научная конференция по алфавиту и орфографии крымско-татарского языка, на которой было принято решение о переходе на латинизированный алфавит. Это решение было закреплено декретом руководящих инстанций и приняло силу закона [11, с. 118].

Со второй половины 1920-х гг. алфавитная латинизация начала распространяться на этнические группы, говорившие на других языках, нежели тюркские, но также традиционно исповедовавшие ислам и использовавшие алфавиты на основе арабской графики. В Таджикистане постановление о необходимости реформирования алфавита было вынесено на республиканском съезде советов в 1927 г. ЦИК республики на заседании 17 октября 1927 г. постановил провести в жизнь решение съезда советов и тогда же избрал, и утвердил состав Центрального комитета нового таджикского алфавита. В мае 1928 г. между комитетом и республиканским гос. издательством был заключен договор об издании на новом алфавите учебной и прочей литературы объемом в 67 печатных листов и тиражом в 128 тысяч экземпляров [4, с. 98, 121]. В Таджикистане также велась дискуссия между сторонниками сохранения арабской графики и латинизации. Различные мнения по этому вопросу публиковались, в частности, на страницах журнала «Роҳбари дониш». Один из арабистов аргументировал необходимость сохранения арабской графики для таджикского языка как средства пропаганды прогрессивных идей в Иране, Афганистане и Индии. Активным участником движения за латинизацию письма был выдающийся деятель таджикской культуры и науки Садриддин Айни. С 1927 г. работал Центральный Комитет нового

таджикского алфавита. Новый проект таджикского алфавита из 32 букв, основным автором которого был А.А. Фрейман, был одобрен на конференции нового таджикского алфавита, проходившей с 29 октября по 1 ноября 1928 г. в Ташкенте [14, с 98–104].

Алфавитные реформы, начатые ещё в начале 1920-х гг., продолжались на Северном Кавказе. Дело продвигалось здесь не слишком быстро ввиду сопротивления консервативно настроенных слоев населения, прежде всего мусульманского духовенства. Тем не менее, дело латинизации на Северном Кавказе продвигалось относительно успешно. Процесс был ускорен после организации краевого отделения Центриздата, которое в 1925 г. объединилось с краевым комитетом НТА. Уже в первый год деятельности Крайнациздата на латинской основе было выпущено 320 печатных листов на семи горских языках. С каждым годом объемы печатной продукции издательства увеличивались, и в 1928–1929 гг. этот рост составил 30% по сравнению с первым годом [15, с. 10]. Вслед за Северной Осетией, Ингушетией, Кабардой и Карачаево-Балкарией, где введение нового алфавита было в основном проведено к концу 1924 г., с 1925 г. латинизация начала проводиться в Чечне и Черкесии, со второй половины 1927 г. – в Адыгее [16, с. 25; 17, с. 80]. А. Хаджиев, председатель краевого комитета НА, в докладе на пленуме ВЦК НТА в Алма-Ате в мае 1930 г. говорил: «Латинская графика – графика индустрии, машинной техники и социализма, развивалась в противовес арабскому шрифту, основанному на ручной технике Средневековья, и привилась среди трудящихся Северного Кавказа, вопреки ярому сопротивлению фанатичного духовенства и русифицированной интеллигенции, ибо эта графика разрешала, как один из основных элементов, развитие производительных сил национальных областей Северного Кавказа» [17, с. 7].

В Дагестане алфавитные реформы начались позже, а попытки их проведения встретились с наибольшими трудностями. С одной стороны, это было связано с особенностями этнолингвистической ситуации в крае, которая характеризовалась обилием языков и диалектов. С другой стороны, здесь были особенно сильны позиции консервативного дворянства и духовенства. В начале XX в. в Дагестане насчитывалось 1700 мечетей и

более 740 мусульманских школ [18, с. 26]. Решения бакинского тюркологического съезда 1926 г. оказали существенное влияние и на продвижение дела алфавитной реформы в Дагестане. В марте 1926 г. на бюро Дагестанского обкома ВКП(б) было решено сформировать комиссию по вопросу о введении в республике нового алфавита. В октябре 1927 г. на совместном заседании Обкома и Совнаркома республики получил одобрение план перехода на латинский алфавит. 5 августа 1928 г. ЦИК и Совнарком Дагестана утвердили проект перевода с арабского на латинский алфавит обучения в школах и делопроизводства в учреждениях. Наконец, 14 ноября 1929 г. Третья сессия ЦИК Дагестана приняла постановление «Об обязательном и окончательном переводе на новый латинизированный алфавит», согласно которому с 1 октября 1930 г. новый дагестанский алфавит на основе латинской графики должен был стать единственным государственным алфавитом для аварского, даргинского, лезгинского, лакского, татского и тюркского языков [18, с. 86–91; 10, с. 176–179]. В одном из номеров журнала «Культура и письменность Востока» за 1930 г. констатировалось: «Несмотря на то, что практическая работа по переходу Дагестана на новый алфавит в сравнении с другими республиками началась позже и работу пришлось перестраивать, исходя из необходимости обеспечения введения нового алфавита среди семи основных языков, к данному моменту имеются достаточные достижения» [19, с. 115].

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. вопрос о введении латинизированных алфавитов, в том числе среди нетюркских и немусульманских народов, занимало всё больше места в деятельности ВЦКНА. Речь шла не только о переводе на латинскую графику алфавитов, составленных ранее на основе арабского или кириллического шрифта, но и о латинизации других видов письменности, включая китайскую и корейскую иероглифическую графику [20, с. 107; 21, с. 25]. Новые алфавиты для прежде бесписьменных языков составлялись также на основе латинского шрифта. В конце 1920-х гг. был разработан латинизированный алфавит алтайского языка. В 1928 г. были утверждены, наряду с алфавитами языков горских народов Дагестана, также ново-абхазский, уйгурский и дунганский алфавиты, в 1929 г. – курдский, бурятский, калмыцкий алфавиты (в Калмыкии ещё до

1917 г. был распространен кириллический алфавит). В 1930–1932 гг. были разработаны, утверждены и начали проводиться в жизнь персидский, айсорский, тувинский, хакасский алфавиты, алфавиты для тверских карелов, ижор, вепсов и для 14 народов Севера (в декабре 1930 г. Президиум Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера представил в Научный Совет ВЦК НТА проект единого северного алфавита). Обсуждались вопросы латинизации алфавитов языков народов Поволжья и Приуралья, в частности, удмуртского [22, с. 25; 23, с. 170–172; 24, с. 12–21]. В январе 1931 г. в Москве проводилась «Конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка», на которой был утвержден «унифицированный алфавит монгольской группы народов» на основе латинского шрифта в составе 27 букв». В сентябре 1931 г. на Всесоюзной конференции по латинизации китайской письменности во Владивостоке был принят латинизированный китайский алфавит [13, с. 26]. К 1932 г. было латинизировано в общей сложности 66 национальных алфавитов, ещё семь в конце того же года находились в процессе латинизации [8, p. 203].

Н.Ф. Яковлев и его сторонники доходили даже до того, что требовали латинизировать собственно русский алфавит. В своей статье «За латинизацию русского алфавита» в журнале «Культура и письменность Востока» Яковлев утверждал: «Современный русский алфавит не соответствует темпу развития русской социалистической по содержанию культуры и именно для того, чтобы обеспечить её дальнейший рост и расцвет, мы должны перейти на более современную форму графики… Переход на латинский шрифт должен быть включен в генеральный план реконструкции и индустриализации СССР, начиная с текущей пятилетки» [25, с. 42–43]. Эту идею поддерживал и А.В. Луначарский. На страницах того же журнала бывший нарком просвещения писал: «Отныне наш русский алфавит отдалил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной степени нами же пробужденного… При многочисленности населения, употребляющего русский шрифт…, надо считаться с тем, что реформа эта грандиозна, и подходить к ней нужно поэтому с большой осмотрительностью. Нельзя, однако, сомневаться в том, что в конце

концов эта идея возобладает и в жизнь введена будет» [26, с. 23, 25–26]. Против замыслов латинизации русской письменности, однако, решительно выступили известные лингвисты Д.Н. Ушаков, М.Н. Петерсон, Г.О. Винокур, как и видный специалист по славянской филологии Н.С. Державин (ректор Петроградского / Ленинградского университета с 1922 по 1925 гг.) [6, p. 104–105]. В итоге идея, не получив поддержки «наверху», не имела продолжения.

Алфавитные реформы в Советском Союзе пользовались вниманием за рубежом. Правитель Ирана Реза-Шах Пехлеви (шах с 1925 г.) поручил собрать соответствующие материалы и ознакомиться с советским опытом [5, с. 169], однако дальше этого в Иране дело так и не двинулось, и литературные формы языка фарси так и остались на основе арабской графики. Иначе развивалась ситуация в Турции, где в 1920-е гг. движение за латинизацию активно продолжалось, получив поддержку правительственных кругов, взявших курс на построение светского общества. Здесь избавление от арабского влияния, в том числе в области письменности, также связывалось с преодолением исламистского консерватизма. Реакция на преобразования в сфере письменности, проводившиеся в мусульманских регионах СССР, была в Турции неоднозначной. В мае 1924 г. решения о латинизации алфавита в Азербайджане подверглись резким нападкам на страницах газеты «Акшам»: утверждалось, что идея введения латинского алфавита представляет из себя «злой советский умысел», и что целью этого злого умысла является попытка «отнять у турецких народов их язык и искоренить их религию» [27, с. 20]. Сформированная в том же году парламентская комиссия во главе с председателем Салих Рифат-беем, известным тюркологом, высказалась против нового алфавита. Дальнейшие внутренние события (восстание курдских шейхов) и внешние осложнения (английский ультиматум в связи с мосульским вопросом) отодвинули вопрос о реформе на 2–3 года [28, с. 145–146].

Число сторонников латинизации, между тем, росло, и в 1926 г. кампания в пользу реформы возобновилась. В турецкой печати и в парламенте развернулась полемика между сторонниками и противниками

латинизации. Постепенно первые получали перевес, особенно после того, как к их поддержке начало склоняться кемалистское руководство. Наиболее передовые депутаты и ряд газет: «Миллиет», «Вакыт», «Ени Сес», «Икдам» доказывали преимущества латинизации. В пользу реформы газеты приводили мотивы также и технического порядка. Помимо быстрой изнашиваемости арабского типографского шрифта указывалось, что на обучение по-арабски квалифицированного наборщика требуется не меньше 10 лет. Турецкие наблюдатели присутствовали на тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. «Миллиет» (от 12 марта 1926) заявила, что решение тюркологического съезда в Баку о латинизации должна сыграть огромную роль и для Турции, а «Вакыт» (за 13 марта) также призвала «последовать этому примеру». Наконец, в пользу реформы в октябре 1926 г. выступил министр просвещения в Национальном собрании [28, с. 146]. Осенью 1927 г. стамбульская газета «Джумхурийет» поместила несколько передовиц, в которых латинизация алфавита подверглась подробному принципиальному рассмотрению. Инициатором и популяризатором идеи введения этой реформы в Турции выступил редактор упомянутой газеты Юнус Нади, который ранее был противником латинизации, но затем изменил свою позицию. Вопросом о латинизации алфавита живо заинтересовался премьер-министр Исмет-паша, а чиновник МИД Омар Тахсин Бей прислал в редакцию газеты «Джумхурийет» печатный экземпляр своего исследования, в котором доказывалась общность происхождения как арабского, так и латинского алфавита от одного и того же египетско-финикийского первоисточника [1, с. 36, 38].

В первых числах января 1928 г. министры просвещения и юстиции, Неджати и Махмуд-Эссад, выступили в газетах с заявлениями о том, что они стоят не только за принятие латинского алфавита, но и за самое скорое проведение его в жизнь. Вслед за этим 15 января на заседании совета министров был одобрен проект образования при министерстве просвещения новой особой «Комиссии турецкого языка», давно известных в качестве приверженцев латинского алфавита. Глава комиссии, Хамдулла-Субхи, будучи приверженцем старины, всячески тормозил её работу. Вскоре состав комиссии был пересмотрен. Организация новой комиссии

была закончена 25 марта, на следующий день в Анкаре состоялось её первое заседание. Уже на своих заседаниях 8 и 12 июля комиссия приняла окончательный проект алфавита, орфографии и грамматики, который 17 июля был просмотрен и одобрен Исмет-пашой. 9 августа того же года на празднике, организованном филиалом Народной партии в парке Гюль-хане, Мустафа Кемаль произнес горячую речь, в которой подчеркнул, что старый алфавит является оковами для турецкого мозга, что новый алфавит совершенно необходим для совершенствования турецкого языка и для распространения просвещения [27, с. 32–33, 37–38].

После этого алфавитная реформа в Турции стала продвигаться ускоренными темпами. Летом 1928 г. из печати вышла азбука с новым латинизированным алфавитом. С 15 августа президентская канцелярия перешла на переписку на латинском шрифте. Министерство просвещения 20 сентября издало циркуляр о том, что во всех классах всех школ с 15 октября преподавание должно производиться на латинским алфавите и по книгам, им отпечатанным. С декабря 1928 г. все газеты, журналы, объявления, афиши и т. п. должны были печататься только новым шрифтом. С 1 января 1929 г. новый алфавит стал обязательным для всех официальных учреждений, банков, торговых фирм, ресторанов и общественных мест. Только в судах делопроизводство и переписка велись по-прежнему до 1 июня 1930 г., после чего вообще воспрещалась всякая переписка, даже частная, на старом алфавите. В президентском дворце Долма Бахче были открыты курсы, где редактор правительственной газеты, известный критик-лингвист Ибрагим Неджми обучал депутатов, министров и высших гражданских и военных чинов новому алфавиту. Государственные чиновники и служащие были обязаны сдать экзамены и получить сертификаты к ноябрю 1929 г. [27, с. 41–46; 28, с. 148–149]. Как и в тюркских республиках Советского Союза, в Турции алфавитные реформы сопровождались выступлениями в духе языкового пуризма. В Азербайджане, в частности, во второй половине 1920-х гг. неоднократно звучали мысли о необходимости очистить язык от арабских и персидских заимствований. В подобном духе высказывалась турецкая пресса. В частности, «Джумхурийет» (от 30 ноября 1932 г.) требовала добиться

замены не только арабских слов, но и проникших в турецкий язык, особенно в последнее время, терминов европейского происхождения [28, с. 151].

Рубеж 1920-х – 1930-х гг. можно расценить как пик алфавитной латинизации в мировом масштабе. В дальнейшем, однако, наступила некоторая реакция. В Японии, Китае, Индии, Иране, на Ближнем Востоке, как уже указывалось, дело дальше проектов не двинулось. В Советском Союзе к середине 1930-х гг. латинизация застопорилась, а во второй половине десятилетия, в условиях пересмотра этнополитических приоритетов советского партийно-правительственного руководства, начался перевод латинизированных ранее национальных алфавитов на кириллическую основу. Однако более широкое знакомство людей в самых разных странах, в том числе в тех, где письменность не была латинизирована, с латинским алфавитом на протяжении XX в. реально имело место, оно стало фактором, облегчавшим межкультурное общение в мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ларош Е. К вопросу о латинизации алфавита в Турции // Культура и письменность Востока. 1928. № 2.
2. Бертельс Е.Э. Из истории попыток реформы арабского алфавита // Культура и письменность Востока. 1928. № 2.
3. Жирков Л. Вопрос о латинском алфавите для персидского языка // Культура и письменность Востока. 1928. № 1.
4. Агазаде Ф., Каракашлы К. Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения. Казань, 1928.
5. Латинский алфавит на зарубежном Востоке // Культура и письменность Востока. 1928. № 2.
6. Smith M.G. Language and Power in the Creation of the USSR 1917 – 1953. Berlin; New York, 1998.
7. В борьбе за новый тюркский алфавит (к 1 Тюркологическому съезду). Сборник статей. Павлович М., ред. М., 1926.
8. Martin T. Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca and London, 2001.
9. Первый Всесоюзный тюркологический съезд 28 февраля – 6 марта. Стенографический отчет. Баку, 1926.
10. Назиров И. Проведение нового тюркского алфавита в СССР и ближайшие перспективы // Культура и письменность Востока. 1928. №. 1.
11. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменности народов СССР). М., 1979.

12. Алиев О. Наши ближайшие задачи // Культура и письменность Востока. 1928. № 1.
13. Хансуваров И. Латинизация – орудие ленинской национальной политики. М., 1932.
14. Шукуров М.Р. История культурной жизни в Советском Таджикистане (1917–1941). Душанбе, 1970.
15. Хаджиев А. Латинизация и унификация горских алфавитов на Северном Кавказе // Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. Сборник статей. Владикавказ, 1930.
16. Алиев У. Культурная революция и латинизация // Культура и письменность Востока. 1928. № 2.
17. Тахтамышев К. Латинизация на Северном Кавказе // Революция и письменность. 1932. № 4-5.
18. Магидов Ш.Г. Проблема языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала, 1971.
19. Камчин-Бек А. Победа нового алфавита в Советском Союзе // Культура и письменность Востока. 1930. № 6.
20. Булатников И. О латинизации корейской письменности // Просвещение национальностей. 1930. № 6.
21. Лайхтер М. О латинизации китайской письменности // Культура и письменность Востока. 1931. № 9.
22. Алькор (Кошкин) Я.П. Письменность народов Севера // Культура и письменность Востока. 1931. № 10.
23. Иванов Т. Об унификации удмуртского (вотского) алфавита // Культура и письменность Востока. 1931. № 7-8.
24. Нечаев Г. Унификация коми и удмуртского алфавитов // Культура и письменность Востока. 1931. № 9.
25. Яковлев Н.Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. 1930. № 6.
26. Луначарский А.В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. № 6.
27. Юст К. Реформа алфавита в Турции // Культура и письменность Востока. 1929. № 4.
28. Янский Г. Четырехлетие латинизации в Турции // Революция и письменность. 1933. № 1.

REFERENCES:

1. Larosh E. *K voprosu o latinizatsii alfavita v Turtsii*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1928 No 2.
2. Bertel's E.E. *Iz istorii popytok reformy arabskogo alfavita*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1928, No 2.
3. Zhirkov L. *Vopros o latinskom alfavite dlia persidskogo iazyka*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1928, No 1.

4. Agazade F., Karakashly K. *Ocherk po istorii razvitiia dvizheniia novogo alfavita i ego dostizheniia*, Kazan', 1928.
5. *Latinskii alfavit na zarubezhnom Vostoke*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1928, No 2
6. Smith M.G. *Language and Power in the Creation of the USSR 1917 – 1953*, Berlin, New York, 1998.
7. *V bor'be za novyi tiurkskii alfavit (k 1 Tiurkologicheskomu s"ezdu)*, Sbornik statei, edited by Pavlovich M., Moscow, 1926.
8. Martin T. *Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*, Ithaca and London, 2001.
9. *Pervyi Vsesoiuznyi tiurkologicheskii s"ezd 28 fevralia – 6 marta*, Stenograficheskii otchet, Baku, 1926.
10. Nazirov I. *Provedenie novogo tiurkskogo alfavita v SSSR i blizhaishie perspektivy*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1928, No 1.
11. Isaev M.I. *Iazykovoe stroitel'stvo v SSSR (protsessy sozdaniia pis'mennosti narodov SSSR)*, Moscow, 1979.
12. Aliev O. *Nashi blizhaishie zadachi*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1928, No 1.
13. Khansuvarov I. *Latinizatsiia – orudie leninskoi natsional'noi politiki*, Moscow, 1932.
14. Shukurov M.R. *Istoriia kul'turnoi zhizni v Sovetskom Tadzhikistane (1917–1941)*, Dushanbe, 1970.
15. Khadzhiev A. *Latinizatsiia i unifikatsiia gorskikh alfavitov na Severnom Kavkaze*, Kul'tura i pis'mennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza, Sbornik statei, Vladikavkaz, 1930.
16. Aliev U. *Kul'turnaia revoliutsiia i latinizatsiia*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1928, No 2.
17. Takhtamyshev K. *Latinizatsiia na Severnom Kavkaze*, Revoliutsiia i pis'mennost', 1932, No 4-5.
18. Magidov Sh.G. *Problema iazyka obucheniia i pis'mennosti narodov Dagestana v kul'turnoi revoliutsii*, Makhachkala, 1971.
19. 19.Kamchin-Bek A. *Pobeda novogo alfavita v Sovetskom Soiuze*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1930, No 6.
20. 20.Bulatnikov I. *O latinizatsii koreiskoi pis'mennosti*, Prosveshchenie natsional'nostei, 1930, No 6.
21. 21. Laikhter M. *O latinizatsii kitaiskoi pis'mennosti*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1931, No 9.
22. Al'kor (Koshkin) Ia.P. *Pis'mennost' narodov Severa*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1931, No 10.
23. Ivanov T. *Ob unifikatsii udmurtskogo (votskogo) alfavita*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1931, No 7-8.
24. Nechaev G. *Unifikatsiia komi i udmurtskogo alfavitov*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1931, No 9.
25. Iakovlev N.F. *Za latinizatsiiu russkogo alfavita*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1930, No 6.

26. Lunacharskii A.V. *Latinizatsiia russkoi pis'mennosti*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1930, No 6.
27. Iust K. *Reforma alfavita v Turtsii*, Kul'tura i pis'mennost' Vostoka, 1929, No 4.
28. Ianskii G. *Chetyrekhletie latinizatsii v Turtsii*, Revoliutsiia i pis'mennost', 1933, No 1.

MUSAEV Vadim I. – Saint-Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences. 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, Russia, 197110. E-mail: musaev_vi@spbstu.ru.

THE MOVEMENT ON THE ALPHABETIC ROMANIZATION: DOMESTIC AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

The article deals with the spread of the writing, based upon the Latin script, around the world in the first half of the twentieth century. Under the influence of the Western culture the idea of alphabetic Latinization from the late nineteenth century on was becoming popular among intellectuals in various countries of the world. Real alphabetic reforms were implemented only in some of them, including Albania, some countries of the South-East Asia, in some union and autonomous republics of the USSR (where later on, however, the alphabets were transferred onto the Cyrillic base), and, not without influence of the Soviet experience, in Turkey. In other countries, including Japan, China, India, Iran, countries of the Near East, the idea of Latinization was never put into practice.

WRITING; LATIN ALPHABET; MODERNIZATION; LANGUAGE REFORMS

УДК 261.7
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.19

А. Л. Рябова

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия.
E-mail: ryabova_al@spbstu.ru.

Целью данного исследования является выявление устойчивых стереотипов, касающихся мусульман и христиан-католиков в американской лингвокультуре. Конфессиональные группы часто создают стереотипы с нерелигиозных позиций, агрессивно навязывающие своё мнение американскому обществу. Исследуемый материал позволяет сделать вывод о том, как происходит формирование идентичности относительно стереотипных представлений о «Чужом», реализуемом в коммуникативной деятельности лингвокультурного сообщества. Категория конфессионального стереотипа представлена с учётом различных подходов и интерпретаций.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ; СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС; ЛИНГВОКУЛЬТУРА; МУСУЛЬМАНЕ; КАТОЛИКИ

Устойчивые и относительно упрощённые представления о представителях иной религии, бытующие в общественном сознании на протяжении веков, оказывали сильное влияние на процессы общения представителей разных культур. На сегодняшний день подобные социокультурные знания играют важную роль в том, как индивидуум определяет себя и как относится к другим людям. Серьёзное значение данные представления имеют для мультиконфессиональных обществ, подобных США. Согласно исследованию (U.S. Religious Landscape Survey),

проведённому исследовательским центром Pew [1], 78,4% американцев определяют себя христианами, (из них 51,3% протестанты, 23,9% – католики); доля других религий (иудаизм, ислам, буддизм, индуизм) – 4,7%, из них мусульман – 0,6,%. При этом в СМИ Соединённых Штатов регулярно поднимаются религиозные вопросы, особенно часто затрагиваются вопросы, касающиеся религиозной толерантности [2].

Целью данной работы является выявление некоторых конфессиональных стереотипов, существующих в рамках американской лингвокультуры. Для достижения данной цели необходимо провести анализ использования конфессиональных стереотипов в общественно-политическом дискурсе. Изучение конфессиональных стереотипов проводится в рамках когнитивно-коммуникативного подхода и предполагает применение метода дискурсивного анализа. Рассматриваются механизмы аргументаций, к использованию которых прибегают читатели, комментирующие в режиме онлайн статьи, затрагивающие актуальные политические и социальные проблемы в американской прессе. В ходе исследования прослеживаются и анализируются коммуникативные стереотипы, в основе которых лежат конфессиональные стереотипы, участвующие в реализации создания и реконструкции динамики развития социополитических связей и общественных отношений.

Дискурсивный анализ общения читателей в рамках онлайн – дискуссии даёт возможность затронуть деликатные вопросы о взаимоотношениях различных конфессиональных групп внутри одной культуры. В известной степени, ценностные ориентации современной американской культуры развиваются под влиянием изучаемых стереотипов и, таким образом, рассматриваемый материал позволяет сделать вывод о том, как в целом происходит формирование идентичности относительно стереотипных представлений о «Других или Чужих» и их сообществ.

С того момента, как У. Липпман в 1921 году впервые ввёл термин «стереотип» в социологической и психологической литературе появилось большое количество определений данного понятия [3]. В.С. Агеев рассматривает стереотип, как «упрощённый, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо

социальной группы или общества, с лёгкостью распространяемый на всех её представителей» [4, с. 95]. В.С. Агеев анализирует динамический аспект социальных стереотипов и выявляет свидетельства развития стереотипных представлений о собственной и других группах, рассматривая процессы межгрупповой дифференциации. В начальных стадиях группового взаимодействия наблюдается качественная диспропорция между степенью качественной определённости представлений о собственной и другой группе в пользу последней. Позднее же эта асимметрия пропадает, появляется такое явление, как «дискриминативность» [5]. В своей работе В.С. Агеев неоднократно отсылает к концепции известного американского социолога Генри Теджфела [6, с. 40].

Теджфел, рассматривая природу формирования и функционирования общественного мнения, анализировал стереотипы, как некое обобщение, которое делается индивидуумами, то есть, по сути, любой стереотип-концепт. Также Теджфел выделял тот факт, что стереотипы становятся социальными только тогда, когда их разделяют большие группы людей. Теджфел рассматривал стереотипы, как результат концептуализации действительности и отмечал, тот факт, что стереотипы обеспечивают быстрое распознавание объектов при наличии ограниченных ресурсов информации о них и являются способом анализа окружающего мира [7].

Интересными являются те функции стереотипов, которые связаны с процессами самоидентификации группы относительно «Других, Чужих». Данные функции можно разделить условно на: а) процессы формирования идентичности внутри группы, т.е. групповой идентичности и «Я» как члена группы; б) процессы дальнейшего сохранения данной групповой идентичности и стабильности личности. Роль стереотипов в сохранении групповой идентичности У. Липпман рассматривает, как защиту позиции в обществе и гарантию самоуважения. Он утверждает, что стереотипы – это проекция на мир наших чувств собственной ценности, наших прав и нашей позиции. «Стереотипы, – пишет Липпман, – это проекция на мир наших чувств собственной ценности, нашей позиции, наших прав» [8] Г. Теджфел выделяет роль стереотипов в защите «идеологии» группы. Путём оправдания целого ряда социальных действий, Теджфел создаёт позитивно нагруженные различия между собственной и иными

социальными группами [9]. Сторонники этого подхода считают, что стереотипы обеспечивают быстрое распознавание объектов при наличии ограниченной информации о них и являются эффективным способом анализа окружающего мира [10]. Не вызывает сомнения тот факт, что оценочная поляризация со знаком «минус» по отношению к «Другим, Чужим» и «плюс» в отношении «Своих», повышает самооценку группы и может привести к враждебности по отношению к чужой группе и дискриминации её членов. Следовательно, ненависть к тем, кто не разделяет взгляды группы, запрограммирована при условии изоляции от информации, отсутствии возможности принимать беспристрастные решения и слепой вере в свои концепции. Согласно данным эксперимента, проведённого USATI [11], касающегося ролей *Christians* и *Muslims*, рассматриваемый стереотип *Muslims* среди 55 принимавших участие в опросе 2017 года респондентов-американцев (32 женщины и 23 мужчины) был отрицательный и содержал следующие характеристики:

1. Фанатизм и нетерпимость к представителям иной религии, стремление навязать свою религию другим.
2. Ущемление прав женщин и нарушение прав человека.

Интересно, что представители обеих концессий рассматривают сходные стереотипы относительно нетерпимости и навязывания своих взглядов другим группам. Мусульмане часто ассоциируются с навязыванием своих позиций насильственным и противозаконным методом. В отношении католиков респонденты высказывают обвинения в ущемлении прав сексуальных меньшинств и женщин.

Catholics should be more realistic when it comes to policies making birth control more accessible; support human rights; be more open to birth control.[1]

Catholics should not treat women and homosexuals badly; make stupid arguments opposing same sex marriage; oppress women or bomb abortion clinics; persist in prohibiting women from being ordained as priests; oppose gay marriage.[2]

[1] Католикам следует быть более реалистичными, когда затрагивается политика контроля над рождаемостью. Следует поддерживать права человека, быть более открытыми к обсуждению контроля над рождаемостью.

[2] Католикам не следует отрицательно относиться к женщинам и сексуальным меньшинствам, делать глупые заявления по поводу однополых браков, притеснять женщин и

Данные экспериментального исследования относительно реакции респондентов на действия различных конфессиональных групп были рассмотрены Е.В. Трощенковой в работе «Методология экспериментального исследования социокультурных ментальных репрезентаций» [12]. Несмотря на то, что представители обеих конфессий высказывают сходные стереотипы относительно ущемления прав и недостаточной терпимости по отношению друг к другу, можно предположить тот факт, что позиции опрошенных в отношении мусульман более негативны, чем по отношению к католикам. При этом христиан-католиков нередко обвиняют в двойных стандартах. Christians should not be political; Usually Christians are politically oriented; vote Republicans, are conservative.[3] Проанализировав комментарии к 24 статьям 2015–2019 годов из Washington Post, USA Today, New York Times можно сделать вывод об обвинении христиан-католиков в лицемерии. Часто употребляется определённая лексика (Usually Catholics are guilt-ridden hypocrites)[4] и затрагиваются вопросы и темы, которые вызывают критику комментирующих – аборты, педофилия, контрацепция, права женщин (орфография и пунктуация сохранена):

1) USATI – Jo Powell

No surprises here, their business model is founded in hypocrisy, bullying, gilt tripping, colonization, co-opting and disempowering, you cannot trust them. I'm a Catholithism survivor[5].

2) NYT – Daphne Philipson

Who is a Catholic? It is obvious. They can just remain their pompous selves – as long as they do not interfere with the secular state. Sadly, however, they tend to overreach in government throughout the world[6].

закидывать бомбами клиники, специализирующиеся на абортах, настаивать на запрете о назначении женщин священнослужителями, противиться однополым бракам.

[3] Христианам не следует увлекаться политикой; обычно христиане занимаются политикой; голосуют за Республиканцев; являются консерваторами.

[4] Обычно католики – лицемеры, якобы страдающие от чувства вины.

[5] Не удивительно, их бизнес модель построена на ханжестве, травле, покрытых позолотой заблуждениях, колонизации, коррупции и запрете использовать возможности. Им не следует доверять. Мне удалось спастись от католицизма.

[6] Кто является католиком? Это очевидно. Они просто могут существовать при условии, если они не мешают светскому государству. С грустью можно отметить, факт преобладания их в мировых правительствах.

3) NYT – Phyliss Kirk

… having been raised Catholic, I am sick of the hypocrisy of the dogmas of the Church in relation to women's issue[7] [13].

Аналогичным образом критические замечания по поводу мусульман главным образом в комментариях к текстам, касаются образа ислама как агрессивной религии и полностью согласуются с негативными стереотипами.

4) WP-Smarg

Islam is a terrible 'religion' that definitely glorifies death, violence, and the subjugation of women

5) WP-Robert SF

…we already have the evidence that Islam is a violent religion and that Muslims are increasing attacking America from within[8] [14].

К особенностям процесса стереотипизации, влияющим на комментарии к текстам и содержащим конфессиональные стереотипы относится тот факт, что стереотипные обобщения делаются зачастую на основании единичных случаев и легко распространяются на всю группу. Аргументация строится на личном примере.

6) NYT – djman1141

I worked among the Paki community back in the day and the word from one who's been in those circles is that Paki cannot be Trusted[9].

7) NYT3 – Miket

I played golf today with classmates and we attacked a Catholic high school, all boys. One of my group said he "lost any interest in Catholicism in seventh grade". It would seem that any voter would be smart enough to know that the Catholic Church has been on the wrong side of social and scientific issues for about 2000 years[10].

---

[7] Я выросла в католической семье, но меня тошнит от ханжества их церковных догм в отношении женского вопроса.

[8] У нас уже есть свидетельство того, что Ислам – жестокая религия и мусульмане увеличивают число нападений на Америку изнутри.

[9] Я когда-то работал среди пакистанцев и слышал от одного из их круга, что пакистанцам нельзя доверять.

[10] Я играл в гольф сегодня, мы атаковали мальчиков из католической средней школы. Один из моей команды сказал: «Потерял интерес к католицизму в седьмом классе. Любому разумному избирателю следует знать то, что католическая церковь находится на неверной платформе в отношении интерпретации социальных и научных вопросов уже 2000 лет».

Комментарий к тексту, имеющий обобщающий характер, часто вызывает критическую оценку других комментирующих, которые сомневаются в достоверности источников. В то же время, личные примеры обычно не вызывают сомнения и не критикуются.

Можно сделать вывод о том, что в американской лингвокультуре существуют достаточно устойчивые стереотипы, касающиеся мусульман и христиан-католиков. Заметны некоторые различия в «политической направленности» конфессиональных стереотипов, существует определённая и чёткая ассоциативная связь «католики–республиканцы», мусульмане же не ассоциируются с конкретными политическими партиями внутри США. Авторы аргументаций часто исходят в своих выводах из единичных примеров и переносят данные выводы на всю группу. Негативная оценка «Чужих» выливается в процессе стереотипного мышления в использование негативных ярлыков. Идентификация «своей» группы остаётся при этом достаточно размытой и осуществляется главным образом через отрицание негативных качеств, приписываемым группе «чужих». Употребление ярлыков terrorists, radicals, extremists (террористы, радикалы, экстремисты) в отношении мусульман и misogynists, hypocrites, child molesters (женоненавистники, лицемеры, совратители детей) по отношению к католикам может привести к следующим рассуждениям: «я говорю о частном факте и не хочу навязывать ярлыки, но обозначенные мною качества можно распространить на всю группу». Хочется отметить несомненную актуальность изучения конфессиональных стереотипов. Лингвокультурологический дискурс создаёт условия, для развития, как дружеских, так и враждебных отношений между людьми, данные отношения необходимо изучать на материале лингвокультуры и тщательно исследовать, помня о высокой чувствительности аудитории к используемым конфессиональным стереотипам и острой реакции на них. Лингвокультурологический подход играет огромную роль в изучении языка человека, чья языковая деятельность неотделима от жизни социума и его культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. U.S. Religious Landscape Survey, http://www.pewforum.org/religious-landscape-study/ (дата обращения: 29.01.2017).

2. Teaching Religious Tolerance, www.scholastic.com (дата обр.: 30.01.2017).
3. Липпман У. Общественное мнение. / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». – 2004. – 384 с. ISBN 5-93947-016-5.
4. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. – М.: МГУ, 1990. ISBN 5-211-01029-9 – 239 с.
5. Агеев В.С. Психологические исследования социальных стереотипов // Вопросы психологии.1986. №1. С.95-101.
6. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.,1983.
7. Tajfel H. Social Psychology of Intergroup relations. Annual Review of Psychology, 33, 1982, P. 1–39.
8. Lippman W. Public opinion. New York,1950;1961.Available at: http://www.gutenberg.org/ (accessed;12.11.2017).
9. Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups//Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge University Press,1981. P.143-162.
10. Turner J.C., **Brown R.J.** & **Tajfel H.** Social comparison and in-group favoritism. European Journal of Social Psychology, 1979 № 9, P.187–204.
11. USATI-USA Today – Fetuses not people, Catholic hospital says in court. By Bob Smietana. Published Jan.24, 2017. Available at: https://www.usatoday.com/ (дата обращения 30.01.2017).
12. Трощенкова Е.В. Методология экспериментального исследования социокультурных ментальных репрезентаций // Когнитивные исследования языка. 2012. №12. С.430-440 ISSN: 2071-9639.
13. NYT – New York Times – What it Means to be Catholic Now. By Peter Manseau. Available at: http://campignstops.blogs.nytimes.com/2018 (308 comments) (14.12.2016).
14. WP – Washington Post-Muslims fear congressman's hearings could inflame Islamophobia.By William Wan. Published January 24, 2016.Available at: http: //primary.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2017/(126comments)(18.01.2017).

REFERENCES:

1. *U.S. Religious Landscape Survey*, available at http://www.pewforum.org/religious-landscape-study/ (accessed 29 January 2017).
2. *Teaching Religious Tolerance*, available at www.scholastic.com (accessed 30 January 2017).
3. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie*, translated by T.V. Barchunova, Moscow Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004, 384 p., ISBN 5-93947-016-5.
4. Ageev V.S. *Mezhgruppovoe vzaimodeistvie. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy*, Moscow, MGU, 1990, ISBN 5-211-01029-9, 239 p.
5. Ageev V.S. *Psikhologicheskie issledovaniia sotsial'nykh stereotipov*, Voprosy psikhologii, 1986, No 1, pp. 95-101.
6. Ageev V.S. *Psikhologiia mezhgruppovykh otnoshenii*, Moscow, 1983.
7. Tajfel H. *Social Psychology of Intergroup relations*, Annual Review of Psychology, 33, 1982, pp. 1-39.
8. Lippman W. *Public opinion*, New York, 1950, 1961, available at: http://www.gutenberg.org/ (accessed 12 November 2017).

9. Tajfel H. *Social Stereotypes and Social Groups*, Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology, Cambridge University Press, 1981, pp.143-162.
10. Turner J.C., Brown R.J. & Tajfel H. *Social comparison and in-group favoritism*, European Journal of Social Psychology, 1979, No 9, pp.187-204.
11. *USATI-USA Today – Fetuses not people, Catholic hospital says in court*, by Bob Smietana, published Jan.24, 2017, available at: https://www.usatoday.com/ (accessed 30 January 2017).
12. 12.Troshchenkova E.V. *Metodologiia eksperimental'nogo issledovaniia sotsiokul'turnykh mental'nykh reprezentatsii*, Kognitivnye issledovaniia iazyka, 2012, No 12, pp. 430-440, ISSN: 2071-9639.
13. *NYT – New York Times – What it Means to be Catholic Now*, by Peter Manseau, available at: http://campignstops.blogs.nytimes.com/2018 (308 comments) (accessed 14 December 2016).
14. *WP – Washington Post-Muslims fear congressman's hearings could inflame Islamophobia*, by William Wan, published January 24, 2016, available at: http: //primary.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2017/(126comments) (accessed 18 January 2017).

RIABOVA Anna L. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: ryabova_al@spbstu.ru.

CONFESSIONAL STEREOTYPES IN THE CONTEXT OF AMERICAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

The purpose of this study is to identify persistent stereotypes regarding Muslims and Catholic Christians in American linguistic culture. Confessional groups often create stereotypes from non-religious positions that aggressively impose their opinions on American society. The material under study allows us to draw a conclusion on how the formation of identity takes place with respect to stereotypical ideas about the "Alien" implemented in the communicative activities of the international community. The category of confessional stereotype is presented taking into account various approaches and interpretations.

CONFESSIONAL STEREOTYPES; SOCIO-POLITICAL DISCOURSE; LINGUACULTURE; MUSLIMS; CATHOLICS

УДК 341.1
DOI 10.1870/HUM/2304-9480.6.20

Ю. Н. Шатилова, М. А. Ермолина

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ

ШАТИЛОВА Юлия Николаевна – магистрантка факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E-mail: jstamb@mail.ru.

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Мировая политика» факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E-mail: ermolinama@gmail.com.

В статье говорится о значимости культурной составляющей международной стратегии устойчивого развития города. На базе анализа международных правовых актов и научной литературы раскрываются основные аспекты стратегии устойчивого развития города с точки зрения культурологического аспекта.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ; СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДА; УСТОЙЧИВЫЕ ГОРОДА; ООН; КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Концепция устойчивого развития в современных условиях является основой экономического, политического и социального развития в глобальном масштабе. Ее значимость признана на всех уровнях: от инициатив Организации Объединенных Наций (ООН), поддержанных

главами государств и правительств [6], до действий местных муниципалитетов и неправительственных организаций по всему миру.

По определению, предложенному ООН, под термином «устойчивое развитие» понимается «развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности», которое предполагает совместные усилия всего мирового сообщества, направленные на создание «инклюзивного, устойчивого и жизнеспособного будущего для людей и планеты» [7]. Концепция базируется на трёх основных элементах – экономический рост, социальная интеграция и охрана окружающей среды [5]. В 2015 году на семидесятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН был утверждён План действий по продвижению на пути к устойчивому развитию, который был закреплён в итоговом документе саммита ООН по принятию повестки дня в области развития на период после 2015 года – «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [5]. Документ включает 17 целей и 169 задач, отражающие главные направления в области устойчивого развития.

В настоящей статье рассматривается проблема использования ресурса культурного наследия как элемента обеспечения устойчивого развития современных городов, что находит отражение в Цели 11, посвященной обеспечению открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов. Так, задача 4 исходит из необходимости активизации усилий по защите и сохранению всемирного культурного и природного наследия [4]. Кроме того, значимость культурного наследия для последовательного достижения устойчивого развития подтверждается и принятым в 2012 году Итоговым документом Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро, где в пункте «j» статьи 58 закреплён императив недопущения причинения вреда объектам культурного наследия при осуществлении стратегии развития зеленой экономики в контексте устойчивого развития [1]. Также, непосредственно в контексте стратегии устойчивого развития городов, в ст. 134 наряду с такими важными пунктами как искоренение нищеты, обеспечение доступа к достойному жилью и инфраструктуре утверждается необходимость сохранения объектов культурного наследия в

населенных пунктах, возрождения исторических районов и восстановления центральных районов городов [1].

Роль культурного наследия в достижении устойчивого развития подтверждается и в документе ООН-Хабитат (Программе ООН по населенным пунктам) 2017 года. Так, в «Новой Урбанистической Повестке» (New Urban Agenda) утверждается признание культуры и культурного наследия как её материального воплощения приоритетным компонентом городской среды и, как следствие, намерение обязательно включать фактор культурного наследия при разработке планов и стратегий городского строительства, зонирования и управления [10]. Также в документе отражено стремление поддерживать использование потенциала культурного наследия для устойчивого развития городов и даже признание роли культурного наследия в стимулировании устойчивого развития [10]. Подписавшие стороны обязуются содействовать инновационному и устойчивому использованию архитектурных памятников и объектов, их восстановлению и адаптации в изменяющихся городских условиях.

Включение обязательств по охране и защите культурного наследия в рамках достижения устойчивого развития обусловлено многими факторами, которые можно распределить на следующие группы:

- Факторы для социально-культурной устойчивости;
- Факторы для экономической устойчивости.

Целесообразнее говорить о ***роли культурного наследия для устойчивого развития общества в социально-культурной сфере.*** В первую очередь, культурное наследие во много формирует идентичность города и, следовательно, проживающих в нём людей, говорит об уровне культурного развития. Следует отметить, что подобный тезис находит подтверждение во многих стратегиях: например, «Петербургская стратегия сохранения культурного наследия» свидетельствует о том, что наследие во многом формирует «особый менталитет горожан, утверждает преемственность гуманистических ценностей, а также подчеркивает неофициальный статус культурной столицы» [2]. Таким образом, в обществе формируется чувство идентичности и чувство принадлежности к сообществу и месту, что в свою очередь формирует ответственность за судьбу данного места и данной общности людей. Кроме того, считается

важным отметить тот факт, что доступ горожан и туристов к объектам культурного наследия, уровень их сохранности и интенсивность мер по охране, использованию и популяризации является важным показателем состояния общества на каждом этапе. Чем более гармонично и сбалансировано общество, чем лучше работа социальных институтов, чем здоровее социальная обстановка, тем более заметна роль культурного наследия в жизни сообщества [9].

Относительно ***роли культурного наследия для устойчивого развития города в экономической сфере*** уместно говорить о следующих факторах. Во-первых, необходимо понимать, что наследие может рассматриваться городом как важный актив и ресурс для собственного развития [8]. В частности, культурное наследие часто обеспечивает инвестиционную привлекательность города. Как отмечается в Петербургской стратегии, «именно высокие эстетические качества и степень сохранности исторической среды обеспечивают особую инвестиционную привлекательность Петербурга и его реальную коммерческую ценность» [2]. Таким образом, привлекая в город инвестиции, наследие обеспечивает в долгосрочной перспективе устойчивые финансовые потоки. Во-вторых, наличие культурного наследия предусматривает необходимость его обслуживания. Следовательно, активное использование и популяризация культурного наследия создает целую группу рабочих мест самого широкого спектра специальностей: от реставраторов до хозяйственного персонала. Данные процессы находят отражение в наполняемости рынка труда и росте занятости населения. В-третьих, культурное наследие может формировать бренд города, что в свою очередь, может привлекать целые потоки туристов, а также развивать туристическую инфраструктуру. Финансовая выгода от развития туризма для города объективна [11] и активно используется городскими властями, однако важно помнить о разумном использовании потенциала культурного наследия в сфере туризма: следует придерживаться концепции устойчивого туризма во избежание образования неконтролируемых туристических потоков.

Представляется необходимым сделать вывод о том, что в современных условиях культурное наследие представляет собой

неотъемлемый элемент стратегии устойчивого развития города, являясь важным фактором для всех ключевых областей его функционирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Итоговый документ Конференции. Будущее, которого мы хотим. A/CONF.216/L.1*. Конференция ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро, 2012 год. URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf.pdf.

2. Петербургская стратегия сохранения культурного наследия. Правительство Санкт-Петербурга. Постановление от 1 ноября 2005 г. N 1681 «О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия». URL: http://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2016/02/10/SPb_strategy_.doc.

3. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 1 ноября 2005 г. N 1681 «О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия» // URL: http://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2016/02/10/SPb_strategy_.doc.

4. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1.

5. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года, 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1.

6. Статья I. Наше общее видение // Организация Объединенных Наций A/66/L.56 Генеральная Ассамблея 24 July 2012. Шестьдесят шестая сессия Пункт 19 повестки дня. Устойчивое развитие. Проект резолюции, представленный Председателем Генеральной Ассамблеи. Будущее, которого мы хотим. URL: https://undocs.org/ru/A/66/L.56.

7. Что такое устойчивое развитие? Повестка дня в области устойчивого развития // Организация Объединенных Наций – официальный сайт. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/.

8. Bolgov R., **Ermolina M.**, **Vasilyeva N.** Open budget effects for urban development: Russia's cases // ACM International Conference Proceeding Series. Proceedings. 2016. p. 184-188.

9. Ermolina M.A., **Matveevskaya A.S.**, **Pogodin S.N.** Efficiency of the UN action in the area of transport, environmental protection, health // MATEC Web of Conferences, 04016 (2018). https://doi.org/10.1051/matecconf /201823904016 TransSiberia 2018 239

10. New Urban Agenda, A/RES/71/256*. 2017. United Nations Conference on Housing and Sustainable Urban Development (Habitat III) in Quito, Ecuador. URL: http://habitat3.org/wp-content/uploads/NUA-English.pdf.

11. Safiullin L., Bagautdinova N., **Safiullin N.** Historical and Cultural Heritage and Region's Economic: Case Study Central and Eastern Russia // Procedia - Social and Behavioral Sciences/ Volume 188, 14 May 2015, Pages 151–156. URL:

https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S1877042815021461?token=6894AB457813D2FD3AE643EC8C8D0E5AADF7070E3389B7F0990D227352E2ED1A330867B8EC79E55626543898BA2B164A.

12. Sally Farid. Tourism in world heritage sites and its impact on economic development: some African countries case studies // Proceedings of the II Internacional Conference on Best Practices in World Heritage: People and Communities. URL: https://eprints.ucm.es/41699/1/TourismWorldHeritageSites.pdf.

REFERENCES:

1. *Itogovyi dokument Konferentsii. Budushchee, kotorogo my khotim*, A/CONF.216/L.1*, Konferentsiia OON po ustoichivomu razvitiiu v Rio-de-Zhaneiro, 2012, available at https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf.pdf.

2. *Peterburgskaia strategiia sokhraneniia kul'turnogo naslediia*, Pravitel'stvo Sankt-Peterburga, Postanovlenie ot 1 noiabria 2005 g, No 1681 “O Peterburgskoi strategii sokhraneniia kul'turnogo naslediia“, available at http://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2016/02/10/SPb_strategy_.doc.

3. *Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 1 noiabria 2005 g*., No 1681 “O Peterburgskoi strategii sokhraneniia kul'turnogo naslediia“, available at http://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2016/02/10/SPb_strategy_.doc.

4. *Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnia v oblasti ustoichivogo razvitiia na period do 2030 goda*, available at https://undocs.org/ru/A/RES/70/1.

5. *Rezoliutsiia, priniataia General'noi Assambleei 25 sentiabria 2015 goda*, 70/1, Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnia v oblasti ustoichivogo razvitiia na period do 2030 goda, available at https://undocs.org/ru/A/RES/70/1.

6. *Stat'ia I. Nashe obshchee videnie*, Organizatsiia Ob"edinennykh Natsii A/66/L.56 General'naia Assambleia 24 July 2012, Shest'desiat shestaia sessiia Punkt 19 povestki dnia, Ustoichivoe razvitie, Proekt rezoliutsii, predstavlennyi Predsedatelem General'noi Assamblei, Budushchee, kotorogo my khotim, available at https://undocs.org/ru/A/66/L.56.

7. *Chto takoe ustoichivoe razvitie? Povestka dnia v oblasti ustoichivogo razvitiia*, Organizatsiia Ob"edinennykh Natsii, available at https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/.

8. Bolgov R., Ermolina M., Vasilyeva N. *Open budget effects for urban development: Russia's cases*, ACM International Conference Proceeding Series, Proceedings, 2016, pp. 184-188.

9. Ermolina M.A., Matveevskaya A.S., Pogodin S.N. *Efficiency of the UN action in the area of transport, environmental protection, health*, MATEC Web of Conferences, 04016 (2018), https://doi.org/10.1051/matecconf /201823904016 TransSiberia 2018 239.

10. *New Urban Agenda, A/RES/71/256*. 2017. United Nations Conference on Housing and Sustainable Urban Development (Habitat III) in Quito, Ecuador*, available at http://habitat3.org/wp-content/uploads/NUA-English.pdf.

11. Safiullin L., Bagautdinova N., Safiullin N. *Historical and Cultural Heritage and Region's Economic: Case Study Central and Eastern Russia // Procedia - Social and Behavioral Sciences*, Volume 188, 14 May 2015, pp. 151-156, available at https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S1877042815021461?token=6894AB457813D2FD3AE643EC8C8D0E5AADF7070E3389B7F0990D227352E2ED1A330867B8EC79E55626543898BA2B164A.

12. Sally Farid *Tourism in world heritage sites and its impact on economic development: some African countries case studies,* Proceedings of the II Internacional Conference on Best Practices in World Heritage: People and Communities, available at https://eprints.ucm.es/41699/1/TourismWorldHeritageSites.pdf.

SHATILOVA Yuliya N. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, Russia, 199034 E-mail: jstamb@mail.ru.

ERMOLINA Marina A. – Saint-Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, Russia, 199034 E-mail: ermolinama@gmail.com.

CULTURAL HERITAGE AS AN ELEMENT OF INTERNATIONAL STRATEGY OF CITY SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article discusses the importance of the cultural component for the modern cities sustainable development strategy. The paper is based on the analysis of international legal acts and scientific literature. The main aspects of the sustainable development strategy of the city from the point of view of cultural aspect are revealed.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT; MODERN CITIES; SUSTAINABLE CITIES; UN; CULTURAL HERITAGE

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бахтуридзе З.З., Васильева Н.А. Пространство международных отношений: концепции и суждения …….. 7
Демидова Е.Н. Иммиграционная политика Германии: баланс потребностей экономики и общественного восприятия ……. 18
Иванников Н.С. Взаимодействие специализированных учреждений ООН с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций ……. 28
Кириленко В.П., Семенова А.С. Гуманитарные операции Европейского союза …… 34
Климин И.И. Формирование договорно-правовой базы российско-китайских отношений на современном этапе …….. 46
Матвеев Г.Н. Итоги экстренного саммита Европейского союза 25 ноября 2018 года …… 71
Семернина О.А. Правовое положение саамов Финляндии: угроза национальной идентичности ……. 78
Тараканова Т.С., Погодин С.Н. Развитие партнерских отношений России со странами Центральной Азии …… 92

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ализаде Э.Ф. Формирование внешней политики Азербайджана в системе геополитических координат каспийского региона: энергетический фактор ……... 109
Была К.Н. Значимость медийного ландшафта в изучении современных международных отношений ……... 121
Матвеевская А.С. Сотрудничество России и Китая в сфере международного туризма ……... 127
Павлова О.К. История призрения и благотворительности в Европе … 140
Пшенова Ю.В., Цыб А.В. Идеологическое сопровождение имперской политики Филиппа II Благоразумного …….. 150
Ягья Т.С. Развитие стратегического партнерства Российской Федерации и Китайской Народной Республики …….. 165

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Высоцкая М.В. К вопросу об изучении русской диаспоры в Новой Зеландии (историографический обзор) …… 183
Демидов В.П., Мохорова А.Ю. Лоббизм как элемент политической культуры современных государств ……... 193
Колесник И.И., Чупрова Т.О. Проблема контроля государством частного и общественного спектра жизни человека в сфере сексуальности …….. 206
Мусаев В.И. Движение на алфавитную латинизацию: отечественный и международный опыт …….. 215
Рябова А.Л. Конфессиональные стереотипы в контексте американского общественно-политического дискурса ……... 238
Шатилова Ю.Н., Ермолина М.А. Культурное наследие как элемент международной стратегии устойчивого развития городов …… 247

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS

Bakhturidze Z.Z.*, *Vasilyeva N.A. Space of International Relations: Concepts and Considerations …… 7
Demidova E.N. Immigration Policy of Germany: the Balance Between Economy Needs and Public Perception …… 18
Ivannikov N.S. The Interaction of UN Specialized Agencies with the Food and Agriculture Organization of the United Nations ……... 28
Kirilenko V.P., Semenova A.S. European union humanitarian operations .. 34
Klimin I.I. The Formation of the Legal Framework for Russian-Chinese Relations at the Present Stage ……... 46
Matveev G.N. The European Union Emergency Summit Results, November 25, 2018 ……... 71
Semernina O.A. The Legal Situation of the Saami in Finland: a Threat to National Identity ……... 78
Tarakanova T.S., Pogodin S.N. The Development of the Partnership Relations Between Russia and the Countries of Central Asia **……..** 92

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Alizada E.F. The Formation of Azerbaijan Foreign Policy in the System of Caspian Region Geopolitical Coordinates: Energy Factor ……... 109
Bylia K.N. The Importance of Media Landscape in the Study of Modern International Relations …….. 121
Matveevskaya A.S. Cooperation of Russia and China in the Sphere of International Tourism ……... 127
Pavlova O.K. The History of Charity and Philanthropy in Europe …….. 140
Pshenova Y.V., Tsyb A.V. Ideological Support of the Imperial Policy of Philip II the Prudent …….. 150
Yagya T.S. The Development of Strategic Partnership Between Russian Federation and the People's Republic of China …… 165

CULTURAL STUDIES

Vysotskaya M.V. To the Issue of the Russian Diaspora in New Zealand Study of (Historiographic Review) ……... 183
Demidov V.P., Mokhorova A.U. Lobbyism as the Element of the Modern States Political Culture …….. 193
Kolesnik I.I., Chuprova T.O. The Problem of the Human Life Private and Public Spectrum State Control in the Realm of Sexuality …… 206
Musaev V.I. The Movement on the Alphabetic Romanization: Domestic and International Experience …… 215
Riabova A.L. Confessional Stereotypes in the Context of American Socio-Political Discourse …… 238
Shatilova Y.N., Ermolina M.A. Cultural Heritage as an Element of International Strategy of City Sustainable Development ……. 247

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Сборник научных статей

№ 6

Ежегодное издание

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.

Сборник составлен под редакцией С.Н. Погодина

Редакция

Осипов И.Д. – научный редактор
Павлова О.К. – литературный редактор, корректор
Марченко М.А. – дизайнер обложки
Лютинская О.В. – компьютерная верстка
Рябова А.Л. – перевод на английский язык
Манцерова И.В. – выпускающий редактор

Тел. Редакции: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

Электронный адрес редакции: e-mail: kmo@spbstu.ru

Подписано в печать 25.03.2019 *Формат 60×84/16*
Усл. печ. л. *Тираж* *Заказ*

Отпечатано с готового оригинал-макета в
Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 6

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
"St. Petersburg State Polytechnic University"

Registration Certificate PI number FS77-52143 oa 11 December 2012

Chief Editor – Sergey N. Pogodin

Editorial Board of Almanac:

Osipov I.D. – Scientific editor
Pavlova O.K. – Literary editor, proofreader
Marchenko M. – cover design
Liutinskaia O.V. – DTP
Riabova A.L. – the English translation of
Mantcerova I.V. – Managing Editor

Phone: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

E-mail: kmo@spbstu.ru

Signed for printing 25.03.2019 *Format 60×84/16*
Conventional Printed Sheet *Circulation* *Order*

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251